

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Фарафонтова Дарья Сергеевна

**ОГРАНИЧЕНИЕ И ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК МЕРЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность: 5.1.3. Частно – правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук, доцент
Емелина Людмила Анатольевна

Москва - 2024

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА I. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ	18
§ 1. Специфика юридической ответственности в семейном праве РФ	18
§ 2. Генезис институтов ограничения и лишения родительских прав и зарубежные подходы к их правовому регулированию.....	32
§ 3. Юридическая ответственность как механизм защиты прав и интересов детей	47
§ 4. Правовая природа ограничения и лишения родительских прав.....	62
ГЛАВА II. ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ.....	67
§ 1. Основания применения меры юридической ответственности в виде ограничения родительских прав.....	67
§ 2. Особенности применения института ограничения родительских прав.....	79
§ 3. Правовые последствия ограничения родительских прав.....	92
ГЛАВА III. ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ.....	104
§ 1. Основания применения меры юридической ответственности в виде лишения родительских прав.....	104
§ 2. Особенности применения института лишения родительских прав.....	143
§ 3. Правовые последствия лишения родительских прав.....	150
Заключение.....	161
Список использованных источников и литературы.....	165

Введение

Актуальность темы исследования. Семейное право, регулирующее важнейшие отношения, является стратегически важной отраслью российского права. Устойчивость российской семьи, исключительность вмешательства государства предопределяют необходимость поиска сбалансированного подхода к регламентации мер юридической ответственности в семейном праве Российской Федерации. Проблема эффективности защиты прав и законных интересов ребенка обуславливает актуальность выработки теоретически обоснованных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования.

На сегодняшний день Российская Федерация и ее многонациональный народ столкнулись с острейшими внешнеполитическими угрозами, носящими экзистенциальный характер для существования государства и общества. Недружественные действия США и государств-членов НАТО находят свое выражение не только в открытом геополитическом противостоянии, в том числе военного и экономического свойства, но и в комплексном информационном воздействии на российское общество, включая попытки искажения ценностных ориентиров и насаждения чуждых идеологических клише.

Одним из направлений деструктивного воздействия внешнеполитических оппонентов является разрушение института семьи, как основы российского общества. В целях защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, которые определили крепкую семью в качестве одной из важнейших традиционных ценностей (пункт 5). Ранее Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в Послании Федеральному Собранию отметил, что «поддержка семьи, ее ценностей – это всегда обращение к будущему, к поколениям, которым предстоит жить в эпоху

колоссальных технологических и общественных изменений, определять судьбу России в XXI веке»¹.

Одним из таких направлений является повышение материального благополучия семей. Уже внедрен механизм освобождения от уплаты налога с продажи жилья для семей с двумя и более детьми, которые приобретают большую по размеру квартиру или дом. Помимо этого, предлагается увеличение размера социального налогового вычета, связанного с расходами на обучение детей².

С учетом того, что лишение родительских прав, будучи крайней мерой семейно-правовой ответственности, фактически является внешним оформлением факта распада семьи, вопрос о надлежащем правовом регулировании в данной сфере является актуальным. Необходимость поддержки и защиты семьи обуславливает важность учета всех факторов и возможных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения спора по данной категории дел, что не представляется возможным без правового регулирования, отвечающего не только интересам отдельно взятых лиц, но и интересам сохранения и защиты института семьи в смысле общегосударственной ценности, что определяет важность научных изысканий и правовых исследований в данной сфере.

Культурные и религиозные традиции, экономическая стабильность, сбалансированные отношения между членами семьи, а также комплексность механизмов защиты прав членов семьи (в особенности детей) являются условиями и обстоятельствами, оказывающими влияние на укрепление института семьи. Учитывая, что в правовой доктрине остаются не в полной мере определенными обстоятельства, позволяющие применять институты ограничения и лишения родительских прав, актуальным является дополнение теории семейного права в части определения сущности исследуемых институтов, их правовой природе, а также роли в механизме защиты прав ребенка.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Президент России (Электронный ресурс). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582> (дата обращения: 15.11.2022 г.)

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Президент России (Электронный ресурс). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 25.02.2023 г.)

Актуальность темы исследования также подтверждается достаточно высоким количеством детей, родители которых лишены или ограничены в правах. Так, в период 2014-2021 годов численность таких детей составляет порядка 43-51 тысяч³.

Государственная поддержка семьи является одним из положений, включенных в состав основ конституционного строя. Цель в виде сохранения семьи предусматривается Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года⁴. Указанный документ также устанавливает презумпцию добросовестности родителей в осуществлении родительских прав, что означает возможность вмешательства в отношения между родителями и детьми лишь в строго ограниченных случаях.

Согласно Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период 2030 года одной из целей государственной политики в данной сфере является укрепление института семьи, сохранение и поддержка традиционных российских духовно-нравственных, в том числе семейных, ценностей⁵. Достижение данной цели невозможно без комплексного совершенствования институтов ограничения и лишения родительских прав.

Специальный порядок применения ограничения и лишения родительских прав, отличный от механизма отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью, обуславливает их самостоятельное рассмотрение. Обязательность судебного разбирательства в таком случае свидетельствует о наличии дополнительных требований, включая совокупность положений процессуального законодательства.

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточной теоретической, практической разработанности темы и об актуальности

³ Согласно данным Минпросвещения России (См.: исследование «Если быть точным». URL: <https://tochno.st/materials/rossiyane-stali-rezhe-usynovlyat-detey-i-chashche-vozvrashchat-ikh-v-detdoma-kak-vyglyadit-portret-sotsialnogo-sirotstva-v-rossii-v-issledovanii-esli-byt-tochnym> (дата обращения: 10.07.2022).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс.

исследования ограничения и лишения родительских прав как меры юридической ответственности в семейном праве Российской Федерации.

Степень разработанности темы исследования. Теоретические основы и практические аспекты юридической ответственности в семейном праве, в том числе относящиеся к лишению и ограничению родительских прав, являются предметом анализа и исследования в работах таких авторов, как М.В. Антокольская, Ю.Ф. Беспалов, Е.М. Ворожейкин, Л.А. Емелина, В.В. Зайцев, Н.Ф. Звенигородская, О.Ю. Ильина, В.В. Котлярова, И.А. Михайлова, Л.М. Муратова, А.М. Рабец, В.А. Рясенцев, Э.Н. Сабитова, А.С. Сидорова, С.Н. Тагаева, В.И. Цуканова, Л.М. Пчелинцева, А.М. Нечаева, М.В. Ульянова, П.Я. Якушев.

Вопросы защиты прав и законных интересов ребенка анализируются в работах В.Н. Бородиной, Н.А. Галлямова, В.А. Гусевой, К.А. Жириковой, С.Г. Саядяна, С.В. Старцевой. Проблемы правовых последствий применения ограничения и лишения родительских прав, а также развития нормативного регулирования в сфере защиты прав ребенка затрагиваются в исследованиях Н.И. Огеновой, Т.В. Осиповой, Ж.Г. Почиваловой, О.В. Коляды, Л.В. Павловой, А.М. Рабец, С.И. Смирновской, С.Н. Тагаевой, Е.А. Татаринцевой, П.М. Филиппова, Г.С. Джумагазиевой, Г.Р. Ханзафаровой, А.А. Ходусова, Ю.В. Чесноковой.

Вместе с тем, комплексно ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности не исследованы. Отсутствие должного освещения рассматриваемой проблематики позволяет утверждать о необходимости её дальнейшей разработки.

Объект исследования составляют общественные отношения, возникающие в связи и вследствие применения к родителям таких мер семейно-правовой ответственности как лишение и ограничение родительских прав.

Предмет исследования охватывает нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения по лишению и ограничению родительских прав, применения к лицу правовых последствий указанных мер, судебную практику, а также существующие в правовой науке взгляды на актуальные вопросы, относящиеся к предмету настоящего исследования.

Цель исследования заключается в разработке теоретических положений в рамках правового регулирования институтов ограничения и лишения родительских прав, являющихся составной частью семейного права Российской Федерации.

Для достижения цели настоящей работы автором поставлены следующие **задачи**:

1) выявить специфику юридической ответственности в семейном праве, особенности учета отдельных обстоятельств при ее применении, а также теоретически обосновать цели ее применения;

2) исследовать правовую природу ограничения и лишения родительских прав, а также теоретически обосновать взаимосвязь правовых и морально-этических аспектов этих мер;

3) изучить генезис институтов ограничения и лишения родительских прав и зарубежные подходы к их правовому регулированию (преимущественно стран Европы), показав сходство основных принципов регламентации рассматриваемых институтов, а также особенности отечественной модели правового регулирования;

4) выявить и исследовать роль юридической ответственности в механизме защиты прав ребенка, а также обосновать превентивную роль институтов ограничения и лишения родительских прав;

5) изучить обстоятельства, при которых возможно применение института ограничения родительских прав, теоретически обосновав классификацию оснований ограничения родительских прав;

6) исследовать особенности применения института ограничения родительских прав, а также внести аргументированные предложения по совершенствованию семейно-правового регулирования данного института для целей обеспечения защиты прав ребенка;

7) выявить правовые последствия ограничения родительских прав, а также теоретически обосновать их потенциальную взаимосвязь с лишением родительских прав;

8) обосновать концептуальное отличие лишения родительских прав от ограничения родительских прав, а также изучить обстоятельства, при которых

применяется такая мера юридической ответственности в виде лишения родительских прав;

9) исследовать механизм лишения родительских прав с точки зрения защиты прав и интересов детей, а также теоретически обосновать исключительность такой меры;

10) выявить правовые последствия лишения родительских прав, обосновать предложения по совершенствованию механизма лишения родительских прав, с учетом расширительного толкования Верховным Судом Российской Федерации юридических последствий лишения родительских прав.

Методологическая основа исследования. Настоящая работа выполнена автором с применением всеобщих (диалектический, исторический), общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-логический) методов познания. В ходе определения правовой природы ограничения и лишения родительских прав использовался формально-юридический метод. Благодаря историческому методу определен генезис рассматриваемых институтов. В свою очередь, сравнительно-правовой метод позволил выявить особенности правового регулирования семейно-правовой ответственности в зарубежных правовых порядках, сопоставив их с отечественным подходом.

Теоретической базой исследования выступили посвященные семейно-правовой ответственности научные работы таких авторов, как Н.В. Витрук, А.А. Елисеева, Н.Ф. Звенигородская, С.О. Карибян, Д.А. Липинский, О.Е. Репетева, С.А. Сидорова, С.Н. Тагаева, О.С. Турусова, А.П. Чирков.

В основу выявления специфики механизма защиты прав детей легли научные труды Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.В. Капитовой, О.В. Коляды, С.А. Муратовой, А.М. Нечаевой, Т.В. Осиповой, Ж.Г. Почиваловой, В.Д. Рузановой, Е.В. Рузановой.

Проблемы, касающиеся природы, особенностей ограничения и лишения родительских прав рассматривались в исследованиях А.И. Воеводиной, С.В.

Зыкова, В.В. Котляровой, Л.В. Ладочкиной, А.Н. Левушкина, Е.Е. Лекановой, Н.А. Матвеевой, С.И. Смирновской, К.В. Шиманчика, П.А. Якушева.

Эмпирической базой исследования выступили нормативные правовые акты, регулирующие сферу семейных отношений начиная с XVI века, Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок и специфику лишения или ограничения родительских прав, а также Постановления Пленумов, судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека, судов общей юрисдикции Российской Федерации (решения по конкретным делам), обобщения и аналитические акты судов апелляционной и кассационной инстанций, сборники решений.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем предпринята попытка выявления взаимосвязей институтов ограничения и лишения родительских прав на современном этапе правового регулирования. В результате автором сформировано представление о недостаточной последовательности регулирования представленных мер семейно-правовой ответственности, что выражается в отсутствии объективных причин дифференциации субъектов, уполномоченных обращаться с подобными исками в суд, а также излишней оценочности, используемых при ограничении родительских прав понятий.

Представленные в диссертации выводы о роли органов опеки и попечительства, прокуратуры и иных уполномоченных субъектах позволяют обеспечить понимание механизма ограничения и лишения родительских прав. В частности, наличие заключения органа опеки и попечительства является неотъемлемым доказательством при рассмотрении подобных споров, так как иной подход не может характеризоваться как отвечающий интересам ребенка.

На основе сравнения оснований для ограничения и лишения родительских прав выявлен ряд противоречий, касающихся порядка лишения родительских прав в случае применения меры семейно-правовой ответственности в виде их

ограничения, роли отдельных обстоятельств, трактуемых судами неоднозначно (например, попытки лишения родительских прав в случае участия в политических акциях).

Путаница в используемых понятиях в рамках институтов ограничения родительских прав и в случае отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка, не позволяет однозначно установить какая степень опасности позволяет использовать административный порядок вмешательства в семейные отношения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семейно-правовая ответственность – совокупность неблагоприятных для правонарушителя последствий неимущественного и имущественного характера, возникающих вследствие нарушения субъектом семейных правоотношений норм семейного права, применение которых направлено на защиту и восстановление нарушенных прав других субъектов правоотношений, а также на ограничение/лишение возможности нарушителя совершать подобные деяния в будущем. Наиболее важными целями семейно-правовой ответственности является обеспечение существования в Российской Федерации стабильного института семьи, недопущение нарушения прав участников семейных правоотношений, надлежащее воспитание детей, защита нарушенных прав участников семейных правоотношений, иными словами – к созданию наиболее благоприятной (для интересов общества и государства) модели семьи в Российской Федерации.

Семейно-правовая ответственность выражается (применительно к ограничению и лишению родительских прав) в двух аспектах: восстановлении нарушенных прав и законных интересов членов семьи, прежде всего, ребенка (позитивный аспект); применении ограничительных мер в отношении одного или обоих родителей (негативный аспект). При этом основной целью семейно-правовой ответственности является не наказание правонарушителя, а защита и восстановление прав ребенка, родителя или иного добросовестного члена семьи.

Первое положение соответствует п. 10, 12 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

2. Ограничение и лишение родительских прав имеют особую правовую природу, поскольку могут являться, как мерой юридической ответственности родителя, так и воспитательной мерой по отношению к нему. Причем значение воспитательной меры является гораздо более важным по своей сущности (наряду с обеспечением защиты прав и законных интересов ребенка в приоритетном порядке), поскольку для семейных правоотношений гораздо важнее перевоспитание недобросовестного родителя, чем его наказание.

Исходя из этого, характер последствий семейно-правовой ответственности для родителя связан с моральным (нравственным) аспектом, что существенно отличает названные меры семейно-правовой ответственности от санкций, наступающих в рамках гражданско-правовой, уголовной и административной ответственности.

Второе положение соответствует п. 10, 12 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

3. Самостоятельное закрепление института ограничения родительских прав является новеллой современного законодательства Российской Федерации относительно прежних периодов исторического развития. Она призвана расширить перечень механизмов, используемых в случае нарушения прав ребенка. В отличие от лишения родительских прав, ограничение родительских прав позволяет обеспечить защиту интересов ребенка с минимально возможным объемом правовых последствий для родителя, разграничив степень опасности поведения родителя и (или) возможность проживания с ним. Преимуществом такой меры является сохранение возможности контакта ребенка с родителем, ограниченным в родительских правах. В таком случае дифференциация ограничения родительских прав в качестве меры защиты по отношению к ребенку/меры ответственности по отношению к родителям реализуется на уровне причины возникновения опасности (факта виновности поведения родителя).

Третье положение соответствует п. 2, 4 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

4. Ограничение и лишение родительских прав, выступая составной частью механизма защиты прав ребенка, позволяют пресечь нарушение прав и законных интересов ребенка, а также не допустить таковое в будущем. Использование оценочных категорий в процессе правоприменения (злоупотребление родительскими правами, злостность, опасность и др.) направлено на установление последствий, в связи с которыми и применяется лишение или ограничение родительских прав в интересах ребенка. Эти меры призваны предотвратить крайне негативные последствия для ребенка, обусловленные проживанием с недобросовестным родителем. Оценка наличия фактов, а также обстоятельств злоупотребления родительскими правами, опасности поведения родителей позволяет определить достаточность применения правовых последствий ограничения или лишения родительских прав.

Четвертое положение соответствует п. 10 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

5. Разработана классификация оснований ограничения родительских прав, в зависимости от действий/бездействия родителей. В основе классификации взаимосвязь с отдельными обстоятельствами, имеющими юридические последствия:

- 1) условиями проживания, не отвечающими интересам ребенка;
- 2) ненадлежащим исполнением родительских обязанностей, подтвержденным в установленном порядке;
- 3) отсутствием заботы со стороны родителей;
- 4) наличием фактов угрозы для безопасности ребенка;
- 5) наличием обстоятельств, которые могут повлечь недостатки развития личности.

Пятое положение соответствует п. 12 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

6. Круг лиц, наделенных правом на иск (правом с обращением иска) об ограничении и лишении родительских прав, должен быть одинаков, поскольку правовая природа данных институтов является схожей, а у суда по результатам

рассмотрения дела существует возможность самостоятельно определить наиболее приемлемую меру ответственности. Помимо одного из родителей, лиц их заменяющих, прокурора, а также органов или организаций, уполномоченных обеспечивать охрану прав детей, которые наделены правом на обращение в суд с иском о лишении родительских прав, иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен также близкими родственниками ребенка, дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями и другими организациями. В связи с этим предлагается изменить статьи 70, 73 Семейного кодекса Российской Федерации, унифицировав перечень лиц, уполномоченных подавать иск об ограничении или лишении родительских прав.

Шестое положение соответствует п. 9, 10 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

7. По мнению диссертанта, отличия институтов ограничения и лишения родительских прав можно определить по трем основаниям.

Первое из них – обстоятельства, обуславливающие применение меры ответственности. При ограничении родительских прав используется оценочный критерий опасности для ребенка и добросовестного родителя; исчерпывающий перечень оснований отсутствует. При лишении родительских прав применяется оценочный критерий злоупотребления правами родителя, наличествует уклонение от выполнения обязанностей; перечень оснований – исчерпывающий.

Второе основание – степень опасности для ребенка. Ограничение родительских прав пресекает опасное нахождение ребенка с родителем, которое законодатель не рассматривает как обстоятельство, предполагающее утрату всех прав родителя, основанных на факте родства с ребенком. В случае лишения родительских прав опасность для ребенка выражается в одном из установленных оснований, указанного в статье 69 Семейного кодекса Российской Федерации, при которых обстоятельства в наибольшей степени негативно влияют на ребенка.

Третье основание предполагает наличие или отсутствие в поведении родителя посягательств на права ребенка. Ограничение родительских прав может применяться даже в случае нарушения прав ребенка по не зависящим от родителя

обстоятельствам. Лишение родительских прав пресекает исключительно не соответствующее интересам ребенка виновное поведение родителя, влекущее за собой нарушение прав ребенка.

Седьмое положение соответствует п. 9, 12 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что сформулированные в ходе работы выводы (понятие семейно-правовой ответственности, правовая природа ограничения и лишения родительских прав) могут быть использованы в целях дальнейшего исследования институтов лишения и ограничения родительских прав, в том числе через призму обеспечения приоритета интересов ребенка в семейных правоотношениях.

Основные результаты исследования, включая круг лиц, наделенных правом на предъявления иска об ограничении и лишении родительских прав, специфика используемых оценочных понятий, могут быть учтены при дальнейшем совершенствовании семейного, гражданского, а также административного законодательства, отдельных норм, регулирующих вопросы социального обеспечения.

Материалы диссертации могут найти применение в рамках проведения лекций и практических занятий по курсу семейного права.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что разработаны практические рекомендации, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации, регулирующего вопросы ограничения и лишения родительских прав.

Практическая рекомендация исследования заключается также в том, что сформулированные в ней выводы и рекомендации могут быть использованы для разработки документов, посвященных толкованию порядок применения ограничения и лишения родительских прав, а также в процессе подготовки учебно-методического обеспечения по семейному праву.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Достоверность проведенного исследования обусловлена

использованием широкого круга методов в процессе использования научных трудов по теме семейно-правовой ответственности, значимым объемом правоприменительной практики, с опорой на который сделаны значимые для институтов ограничения и лишения родительских прав выводы.

По теме диссертации опубликовано 8 научных статей в рецензируемых научных журналах, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: Фарафонтова Д.С. Механизм ограничения родительских прав в законодательстве Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – № 6 (157). – 2021. – С. 214-216; Фарафонтова Д.С. Сущность института лишения родительских прав в российской правовой системе // Право и образование. – № 4. – 2022. – С. 117-122; Фарафонтова Д.С. Особенности межотраслевого регулирования алиментных обязательств // Евразийский юридический журнал. – № 2 (165). – 2022. – С. 202-204; Фарафонтова Д.С. Защита имущественных прав супругов (бывших супругов) // Сборник материалов Международной научно-практической студенческой конференции памяти доцента С.В. Николукина. – Актуальные проблемы частного права. – РГУП. – 2022. – С. 977-980; Фарафонтова Д.С. Специфика применения института ограничения родительских прав // Право и образование. – № 9 – 2023. – С. 110-115; Фарафонтова Д.С. Отдельные направления совершенствования институтов ограничения и лишения родительских прав // Право и управление. - № 10 – 2023. – С. 88-92; Фарафонтова Д.С. Алименты (содержание или супружеская поддержка): зарубежный опыт // Особенности Межотраслевого подхода в юридической науке: Экономика. Право. Суд: сборник материалов I Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В. Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2021 г.) / под науч. ред. О.В. Зайцева, Д.С. Фарафонтовой; РАНХиГС, Ин-т гос. службы и управления, Высшая школа правоведения. – М.: Статут, 2022. С. 107 – 110; Фарафонтова Д.С. Международное похищение детей. Вопросы применения и исполнения Конвенции в Российской Федерации // Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд: сборник материалов II

Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В. Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2022 г.) / под науч. ред. О.В. Зайцева, А.И. Сурдиной; РАНХиГС, Ин-т гос. службы и управления, Высшая школа правоведения. – М.: Статут, 2023. С. 324 – 328.

Результаты диссертационного исследования были представлены на следующих научных конференциях: Международная научно-практическая студенческая конференция «25 лет действия Семейного Кодекса Российской Федерации: проблемы законодательства и правоприменения (г. Москва 27 апреля 2021 г.); Международная научно-практическая онлайн-конференции «Российская цивилистика в постиндустриальную эпоху: проблемы и вызовы» посвященная памяти д.ю.н., профессора Ю.Ф. Беспалова (г. Москва 19 октября 2021 г.); Международная научно-практическая аспирантская конференция памяти В.Ф. Яковлева «Особенности межотраслевого подхода в юридической науке: Экономика. Право. Суд.» (г. Москва 03 декабря 2021 г.); Научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы частного права» Российский государственный университет правосудия (РГУП) (г. Москва 10 декабря 2021 г.); Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы семейного права» ИГСУ РАНХиГС (г. Москва 18 декабря 2021 г.); II международная научно-практическая аспирантская конференция памяти В.Ф. Яковлева «Особенности межотраслевого подхода в юридической науке: Экономика. Право. Суд.» (г. Москва 02 декабря 2022 г.); Всероссийский студенческий научно-практический круглый стол «Финансовые сделки в условиях цифровизации» ИГСУ РАНХиГС (г. Москва 27 марта 2023 г.); I Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Право, ты космос» (г. Москва 12 апреля 2023 г.); Международная научно-практическая конференция «Охрана и защита гражданских, семейных и жилищных прав в современной России» Институт государства и права Российской Академии Наук (г. Москва 26 апреля 2023 г.); 66-е ежегодное собрание российской ассоциации международного права по теме: «Международное право в современных геополитических условиях» (г. Москва 29-30 июня 2023 г.).

Выступления с докладом о научно-квалификационной работе (диссертации) в группе ВМ 22-32-34 ГП РАНХиГС (Курс Актуальные проблемы семейного права), ОБ 21-45, 46, 47 ФП, МПСР РАНХиГС (Курс Семейное право).

Структура исследования. Структура настоящей работы обусловлена объектом, целями и задачами диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, охватывающих десять параграфов, а также заключения и списка используемых источников. Все это обусловлено объектом, целями и задачами.

ГЛАВА I. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РФ

§ 1. Специфика юридической ответственности в семейном праве РФ

Юридическая ответственность является одним из ключевых понятий правовой науки в целом, что обусловлено, прежде всего, ее ролью в механизме реализации правовых норм как важнейшего элемента принуждения к исполнению правовых предписаний.

В советской правовой науке, преобладающей являлась точка зрения, определяющая юридическую ответственность как форму государственного принуждения. Так, в указанном ключе определял юридическую ответственность С.С. Алексеев, отмечая преимущественный аспект, выражающийся в виде внешнего воздействия на поведение⁶.

В свою очередь О.С. Иоффе, используя термин «правовая ответственность», под последней понимал «особую государственно-принудительную меру, обрушивающую на ответственного субъекта существенно новые, дополнительные обременения»⁷. Сходной позиции придерживался и Н.А. Стручков⁸.

В настоящее время данный подход к рассмотрению сущности юридической ответственности также находит значимую поддержку среди представителей отечественной правовой науки. Так, В.К. Цечоев и А.Р. Швандерова определяют юридическую ответственность как меру государственного принуждения, которая

⁶ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев // Москва: Юрид. лит. – 1971. С. 106.

⁷ Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе // Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. - Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. – 1955. С. 35.

⁸ Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков // Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. С. 23.

основывается на осуждении поведения, влекущей за собой целый ряд отрицательных последствий⁹.

Ряд авторов рассматривают юридическую ответственность не через призму принудительных мер, исходящих со стороны государства, а как реакцию государства и общества на совершенный неправомерный акт. Так, П.П. Серков определяет юридическую ответственность как правовую реакцию общества, призванную обеспечить защиту публичных интересов¹⁰.

Весьма значимой для теории права является концепция позитивной юридической ответственности, в основе которой лежит рассмотрение обязанности исполнения лицом правовых предписаний, осознания последним необходимости следования положениям, отраженным в правовых нормах в качестве основы содержания юридической ответственности. Так, как считает Б.Т. Базылев, ее сущность заключается в обязанности реализовывать исключительно правомерное поведение¹¹.

Схожее мнение приводит и Д.А. Липинский, полагающий, что целесообразным является рассмотрение юридической ответственности как «обязанности соблюдать предписания, требования правовых норм (обязанность действовать правомерно)»¹².

Отметим, что названная концепция встречает обоснованную критику среди многих отечественных представителей правовой науки. Так, Н.И. Матузов отмечает, что «обязанность и ответственность как юридические категории тесно переплетены, но не тождественны»¹³. В целом, представляется спорным рассмотрение содержания юридической ответственности с позиций именно обязанности субъекта, а также осознания им необходимости соблюдения правовых

⁹ Печоев В. К. Теория государства и права: учебник / В. К. Печоев, А. Р. Швандеров // Москва: Прометей. – 2017. С. 41.

¹⁰ Серков П.П. О понятии юридической ответственности / П.П. Серков // Журнал российского права. – 2010. № 8. С. 48.

¹¹ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность: (Теорет. вопр.) / Б. Т. Базылев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. – 1985. С. 26.

¹² Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции /Д.А. Липинский // Журнал российского права. – 2014. № 6. С. 39.

¹³ Конституционный статус личности в СССР / Б. Н. Топорнин, Л. Д. Воеводин, В. С. Шевцов и др.; Редкол.: Н. В. Витрук и др. – Москва: Юрид. лит., 1980. – 256 с.; 21 см. – (Социализм: Опыт. Проблемы. Перспективы). С.65.

норм, поскольку в этом случае размывается содержание таких категорий, как «юридическая обязанность» и «правосознание».

Вопрос о специфике юридической ответственности в семейном праве достаточно широко освещен в трудах отечественных исследователей. При этом для понимания особенностей данного рода ответственности необходимо уяснить прежде всего специфику правоотношений, составляющих предмет регулирования семейного права.

При этом вопросы рассматриваемой ответственности являются постоянным предметом исследований, так как защита прав и законных интересов детей является одним из важных аспектов государственной политики на всех этапах исторического развития России¹⁴. Кроме того, исследователями обоснованно отмечается, что применение мер ограничения или лишения родительских прав связано с защитой «слабой» стороны семейных правоотношений¹⁵. Указанная защита предполагает в исключительных ситуациях отступление от принципа юридического равенства¹⁶.

Современные исследователи также рассматривают юридическую ответственность через призму социальной ответственности¹⁷, трансформацию юридической ответственности в условиях цифровой реальности¹⁸, а также выявляют высокую роль юридической ответственности для построения гражданского общества¹⁹. Вместе с тем брачно-семейным отношениям не уделяется должного внимания.

Брачно-семейные отношения представлены в своем субъектом составе уникальными, присущими в полной мере только семейному праву авторами:

¹⁴ Емелина Л.А. Права и законные интересы несовершеннолетних: историко-правовые аспекты // Детство - территория безопасности. Сборник материалов конференции. Московский городской педагогический университет. Саратов, 2022. С. 371-374.

¹⁵ Ульянова М.В. Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 20 - 25.

¹⁶ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 416 с.

¹⁷ Грозин С.Ю., Коршунов А.В., Маринов А.А. Сущностные особенности юридической ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. №4. С. 60-62.

¹⁸ Рымкевич Я.А. Юридическая ответственность в цифровом пространстве // Образование и право. 2023. №7. С. 436-440.

¹⁹ Воронина И.А., Криволапова Л.В., Саблин Д.А. Юридическая ответственность в гражданском обществе // Право и государство: теория и практика. 2023. №6 (222). С. 192-195.

супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, а также иными лицами, имеющими между собой специфическую связь, в общепринятом значении именуемую как «родственные узы».

Рассмотрим различные подходы к определению семейно-правовой ответственности, сформулированные правовой наукой.

А.С. Сидорова определяет семейно-правовую ответственность с точки зрения комплекса неблагоприятных последствий, предполагающих лишение или ограничение семейной правоспособности²⁰.

Схожее определение предлагает и Н.Ф. Звенигородская, рассматривая семейно-правовую ответственность в виде лишения личного или имущественного характера, предусмотренных семейным законодательством в качестве последствия совершения семейного правонарушения²¹.

Согласно изложенным подходам, семейно-правовая ответственность проявляется в отрицательных для субъекта-нарушителя правовой нормы последствиях, которые могут иметь как имущественное выражение (например, ответственность за несвоевременную уплату алиментов, предусмотренная ст. 115 СК РФ), так и неимущественное выражение (например, ограничение или лишение родительских прав).

Ограничение семейной правоспособности также указывается в качестве особого вида негативных последствий за нарушение семейно-правовых норм.

Таким образом, в данном определении семейно-правовая ответственность раскрывается через призму «неблагоприятных последствий» (ретроспективный аспект), что верно по существу, но не вполне отражает компенсаторную функцию семейно-правовой ответственности: будучи неблагоприятным последствием по своей формально-определенной форме, главнейшей целью семейно-правовой ответственности является не наказание виновного лица, а восстановление нарушенного права иных участников семейных правоотношений.

²⁰ Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. С. 9.

²¹ Звенигородская Н.Ф. Семейное правонарушение как основание семейно-правовой ответственности / Н.Ф. Звенигородская // Российский судья. 2010. № 12. С. 13.

Так, лишение родителя, больного хроническим алкоголизмом, родительских прав, призвано прежде всего оградить ребенка от негативных последствий взаимодействия с подобным родителем (физическое или психологическое насилие, отрицательное психологическое влияние и т.п.); неблагоприятный эффект подобной меры для такового родителя вообще может не иметь места в морально-психологическом аспекте, а зачастую, напротив, будет рассматриваться таковым как благоприятное стечение обстоятельств, позволяющее ему «избавиться от ребенка».

Посему, неблагоприятный характер последствий семейно-правовой ответственности относится, по своей сущности, к морально-правовой категории, что существенно отличает данный вид юридической ответственности от гражданско-правовой, уголовной или административной ответственности.

Безусловно, необходимой предпосылкой для возникновения семейно-правовой ответственности выступают наличествующие брачно-семейные правоотношения, ввиду чего меры семейно-правовой ответственности не могут быть применены к третьим лицам, в данных правоотношениях не состоящими.

Если же деяния третьих лиц так или иначе нарушают права и законные интересы иных лиц, не участников семейных правоотношений, таковые лица, как справедливо отмечает Е.М. Ворожейкин, привлекаются к административной или уголовной ответственности²².

Семейно-правовая ответственность направлена, прежде всего, на восстановление нарушенных прав и законных интересов членов семьи (позитивный аспект), при этом применение мер ответственности с точки зрения наказания виновного лица (правонарушителя) здесь не является первостепенной задачей: санкция за нарушение семейно-правовой нормы должна, прежде всего, не карать, а способствовать восстановлению права члена семьи, нарушенного действиями (бездействием) другого лица из числа субъектов семейных правоотношений.

²² Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин // Москва, 1972. С. 269.

С точки зрения теории семейного права семейно-правовую ответственность рассматривают с различных позиций, среди которых понимание её в качестве санкции, обязанности или правоотношения. Например, М.В. Антокольская рассматривает семейно-правовую ответственность как «обязанность лица претерпевать лишения права и иные дополнительные неблагоприятные последствия своего виновного противоправного поведения»²³. Полагаем, что такая обязанность выступает лишь последствие правонарушения, но сама по себе не отражает сущность семейно-правовой ответственности. С точки зрения соотношения и момента возникновения исследуемых понятий можно представить ситуацию с принудительным взысканием алиментов (т.е. обязанности одного из родителей). В таком случае ответственность, в том числе семейно-правовая, наступает за факт злостного уклонения от такой обязанности. В качестве правоотношения семейно-правовая ответственность может рассматриваться через призму юридического факта. Так, Н.Ф. Звенигородская также определяет охранительную направленность семейно-правовой ответственности, так как она выступает в качестве реакции на совершенное правонарушение²⁴.

Семейно-правовая ответственность наступает также в случае фактического «блокирования» развития личности ребенка, одним из важнейших элементов которого является получение образования²⁵.

При этом в рамках семейно-правовой ответственности можно отметить, что она связана, прежде всего, с императивной составляющей, которая в научной доктрине рассматривается как неотъемлемый элемент гражданского законодательства²⁶.

При этом институты лишения и ограничения родительских прав являются отличными от общего вектора развития семейного права, в рамках которого

²³ Антокольская М.В. Семейное право. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. 333 с. С. 98

²⁴ Звенигородская Н.Ф. Указ. соч.

²⁵ Ахмедов А.Я., Толочкова И.А. Препятствование получению образования как основание привлечения к семейно-правовой ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. №3. С. 125-134.

²⁶ Зайцев В.В., Рыбаков В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11 - 13.

происходит активное применение диспозитивных методов²⁷. Наряду с конституционными, трудовыми, гражданскими правоотношениями в семейных правоотношениях ключевую роль играет позитивный аспект ответственности²⁸.

На наш взгляд, отсутствуют достаточные основания для рассмотрения лишения и ограничения родительских прав в качестве юридических фактов, а не в виде семейно-правовой ответственности (в научной литературе ряд авторов рассматривает исследуемые институты именно в качестве юридических фактов²⁹).

Нормы СК РФ не дают определения семейно-правовой ответственности, равно как и не устанавливают конкретных мер имущественной ответственности за нарушение семейно-правовых норм (за исключением ответственности за несвоевременную уплату алиментов), однако, в то же время, изобилуют значительным количеством норм отсылочного характера, направляющих правоприменителя к нормам законодательства Российской Федерации³⁰. Так, например, согласно абзацу 3 пункта 1 статьи 65 СК РФ, «родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке»³¹.

Данная норма общего характера находит свое дальнейшее развитие как в нормах непосредственно СК РФ, предусматривающих специфические меры семейно-правовой ответственности (лишение родительских прав (статья 69 СК РФ), ограничение родительских прав (статья 73 СК РФ), отобрание ребенка в предусмотренных СК РФ случаях (статья 77 СК РФ), так и в нормах КоАП РФ (статьи 5.35 и 6.10 КоАП РФ), а также в нормах УК РФ (статья 151, 156 и 157 УК РФ).

²⁷ Зайцев В.В., Рыбаков В.А. О науке гражданского права: методологические и доктринальные аспекты // Вестник СГЮА. 2016. №4 (111). С. 62.

²⁸ Рыбаков В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): монография. - М.: "Статус", 2015. - 136 с.

²⁹ Рыбалка Е.А., Казанцева Е.В., Краснов М.Д. Лишение и (или) ограничение родительских прав: юридический факт или семейно-правовая ответственность? // ЮП. 2022. №3 (102). С. 93-99.

³⁰ Указанное, наряду с отсутствием полноценного категориального аппарата семейного законодательства, рассматривается как одно из необходимых и важных направлений совершенствования СК РФ (См.: Левушкин А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55 – 57).

³¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

Вопрос о том, является ли озвученное основанием для того, чтобы признавать семейно-правовую ответственность межотраслевым институтом, является дискуссионным.

Так, сторонники теории «функционального межотраслевого института негативной юридической ответственности» (А.П. Чирков, Н.В. Витрук, О.Е. Репетева, Д.А. Липинский) считают необходимым рассматривать сущность семейно-правовой ответственности в качестве профилирующего вида юридической ответственности, защищающего правоотношения посредством обращения к различным отраслям права (административному, уголовному, гражданскому).

В данном случае ответственность рассматривается в ретроспективном аспекте, отождествляющим категорию ответственности с неблагоприятными последствиями. Напротив, С.С. Карибян рассматривает семейно-правовую ответственность не только как реализацию негативных последствий нарушения правовой нормы, но и как осознание своих обязанностей субъектом семейных правоотношений, а также готовность последнего отвечать перед обществом и государством за свои действия (бездействия), повлекшие неисполнение указанного рода обязанностей, что затрагивает не только формально-юридический, но и психологический и моральный аспекты поведения субъекта правоотношений.

Таким образом, согласно позиции С.С. Карибяна, подход к семейно-правовой ответственности должен отражать неразрывность ретроспективного и позитивного элементов.

При этом автор дает определение семейно-правовой ответственности, предполагающее ключевой аспект в виде соотнесения действия с существующими дозволениями³².

Исходя из указанного, в науке семейного права присутствует дискуссия относительно определения правовой природы семейно-правовой ответственности, которая проходит по линии разграничения данного института семейного права как

³² Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография / С.О. Карибян // М.: Юстицинформ, 2018. С. 38.

негативных правовых последствий, возникающих для нарушителя норм семейного права (ретроспективный аспект) и как состояния субъекта семейных правоотношений, которое позволяет ему осознавать необходимость соблюдения семейно-правовых норм (т.е., фактически правосознания) (позитивный аспект).

С.Н. Тагаева разделяет семейно-правовую ответственность на перспективную и ретроспективную, отмечая, что первая является проявлением не только правовой, но и моральной (нравственной) ответственности лица в сфере исполнения семейных обязанностей, тогда как вторая представляется автору именно как правовая ответственность (санкция)³³.

Представляется, что семейно-правовую ответственность в широком смысле следует рассматривать в тесном сочетании вышеназванных аспектов, выделяемых правовой наукой для института юридической ответственности в целом.

Семейно-правовая ответственность есть, безусловно, внутреннее отношение субъекта семейных отношений, обусловленное факторами психологического, морально-этического и даже религиозных свойств, к выполнению им своих семейно-правовых обязанностей, закрепленных в нормах права и защищаемых государством посредством угрозы применения мер юридической ответственности.

В то же время семейно-правовая ответственность, в формально-юридическом смысле, есть реализация тех правовых предписаний, которые предусмотрены законодательством в качестве санкции за нарушение семейно-правовой нормы (ретроспективный аспект).

Основным же аргументом в пользу ретроспективного подхода к определению правовой природы семейно-правовой ответственности является ее обеспечение мерами государственного принуждения, что в целом не представляется возможным для таких категорий, как мораль и нравственность. Иными словами, в то время как правовая санкция есть подкрепленная мерами государственного принуждения реализация негативных последствий несоблюдения лицом правовых норм, и в этом ключе ретроспективный подход находит свое закрепление на уровне закона, то

³³ Тагаева С.Н. Правовая природа семейно-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 3 (9). С. 152.

такие оценочные, внеправовые категории как мораль и нравственность, без их включения в сущностное содержание правовых норм, не могут быть обеспечены мерами государственного принуждения, и, следовательно, их рассмотрение в качестве составного элемента правовой ответственности представляется сомнительным.

В контексте названной дискуссии автор хотел бы обратить внимание на то, что, хотя двойственная природа рассматриваемого явления и отражена в науке семейного права и является предметом дискуссии, сущность проблемы, по существу, сводится лишь к определению того, какой именно из указанных двух аспектов первичен: правовая ответственность в ретроспективном ключе, как санкция, предусмотренная законодательством за совершение семейно-правового нарушения, или же внутреннее отношение лица к надлежащему исполнению своих семейно-правовых обязанностей, будь то забота о нетрудоспособных членах семьи или же выплата алиментов.

В связи с этим автор, не отрицая необходимости учета позитивного аспекта юридической ответственности, все же считает целесообразным рассматривать семейно-правовую ответственность как неравнозначную совокупность двух вышеназванных явлений, при том, что ретроспективный фактор юридической ответственности видится первичным по отношению к позитивному.

Следует отметить, что в ряде случаев семейно-правовая ответственность может носить договорный характер, следовательно, субъекты брачно-семейных правоотношений в определенных законом случаях вправе в соответствующем соглашении самостоятельно определять меры ответственности в случае нарушения одной из сторон положений указанного соглашения (брачный контракт, соглашение об уплате алиментов). При этом вопрос о возможности применения гражданско-правовых механизмов, например, взыскания неустойки за несвоевременную уплату алиментов³⁴.

³⁴ Возможность возложения на правонарушителя дополнительных обязанностей в сфере семейно-правовых мер ответственности поддерживается целым рядом авторов. См.: Капитова О.В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации: Монография. С. 38; Низамиева О.Н. К вопросу о правовой природе неустойки, взыскиваемой за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей // Вестник

Лишение и ограничение родительских прав в научных трудах рассматриваются в качестве специфической меры семейно-правовой ответственности, что вызывает объективные вопросы, так как последовательно не обосновываются критерии такого разделения³⁵.

Из названного следует, что семейно-правовая ответственность может как напрямую проистекать из установлений закона, и применяться тем образом, который определен в соответствующем законоположении, так и определяться условиями соглашения, заключенного между субъектами брачно-семейных правоотношений, то есть, носить договорной характер.

Ряд исследователей считают целесообразным подразделять семейно-правовую ответственность на отраслевую (предусмотренную нормами СК РФ) и предусмотренную нормами иных отраслей права (поскольку в СК РФ присутствует значительное количество норм отсылочного характера).

Отраслевая семейно-правовая ответственность представлена такими санкциями как ограничение родительских прав (ст. 73 СК РФ), лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ), а также отобрание ребенка (ст. 77 СК РФ). Иные виды ответственности, предусмотренные СК РФ, по своей отраслевой принадлежности принадлежат к гражданско-правовой, административной или же уголовной ответственности.

Из указанного вытекает комплексный характер семейно-правовой ответственности, причем не только с точки зрения отнесения правовых норм к той или иной отрасли права, но и с точки зрения специфики содержания самой

ТвГУ. Серия "Право". 2014. № 2. С. 221 - 222; Турусова О.С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9, 12 - 13; Семейное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. С. 257 - 258, 259. Автор главы - Ю.Ф. Беспалов; Муратова С.А., Костюченко Е.Ю. Современные подходы к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 151; Елисеева А.А. Вопросы теории семейно-правовой ответственности // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Международная науч.-практ. конференция / Отв. ред. О.Ю. Ильина. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. С. 67 - 71.

³⁵ Рыженков А.Я. О доктринальных принципах семейного права (на примере принципа ответственности за нарушение норм семейного законодательства) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021. №2. С. 169-177.

ответственности, которая включает в себя неблагоприятные правовые последствия личного как неимущественного характера, так и имущественного характера.

Исследуемая ответственность также учитывает феномен брака³⁶, невозможностью и противоестественностью избыточного его правового регулирования. Указанное также объясняет наличие целого ряда проблем, связанных с рассмотрением споров о расторжении брака в случае наличия спора о детях³⁷. В результате развода в подавляющем количестве случаев возникает ситуация, при которой один из родителей проживает отдельно от детей.

Особенно актуальным в этой связи является недопущение злоупотреблений институтами лишения и ограничения родительских прав. Как отмечает С.В. Зыков, проблемой в текущих реалиях является практика ограничения в родительских правах отдельно проживающего родителя, т.е. существующие механизмы не обеспечивают должной процедуры функционирования данного института. В этой связи у такого родителя отсутствует необходимый комплекс средств защиты от злоупотребления родителями. Исходя из этого первостепенным является важность определения действительных препятствий контакта с ребенком, являющимся важным звеном в процессе воспитания³⁸. В данном случае особенно актуальным является справедливая оценка критериев, выступающих основанием для применения такой меры семейно-правовой ответственности как лишение или ограничение родительских прав.

Во многом специфичны и цели семейно-правовой ответственности, которые прямо или косвенного вытекают из норм Конституции Российской Федерации и СК РФ, и среди которых можно выделить следующие:

³⁶ Трофимец И.А. Институт брака как правовой и социальный институт // Нотариус. 2010. № 6. С. 33.

Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву: Учебное пособие. Ярославль: Издательство ЯрГУ, 2007.

³⁷ Надин И.Н. Проблемы судопроизводства по делам о расторжении брака при наличии споров о детях // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 135 - 147.

Зыков С.В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 92 - 102.

Воронина Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1(13). С. 28.

³⁸ Зыков С.В. Российское отцовство: "поражение в правах" // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 47 - 60.

- укрепление и защита в Российской Федерации института семьи, как союза мужчины и женщины;
- создание условий, которые будут способствовать надлежащему воспитанию родителями несовершеннолетних детей;
- минимизация совершения семейных правонарушений (превенция правонарушений);
- наказание субъекта семейного правонарушения (карательная функция);
- восстановление и защита нарушенных прав участников семейных правоотношений (прежде всего, несовершеннолетних).

Итак, цели семейно-правовой ответственности сводятся к обеспечению существования в Российской Федерации стабильного института семьи, недопущению нарушения прав участников семейных правоотношений, надлежащему воспитанию детей, защите нарушенных прав участников семейных правоотношений, иными словами – к созданию наиболее благоприятной (для интересов общества и государства) модели семьи в Российской Федерации.

Достижение указанной цели невозможно без скоординированной деятельности уполномоченных органов, которая в текущих реалиях оценивается в научных трудах как не соответствующая такому критерию³⁹.

Среди признаков семейно-правовой ответственности следует выделить:

- обеспеченность государственным принуждением. Данный признак присущ любому виду юридической ответственности, и является универсальным;
- закрепление на законодательном уровне. Меры семейно-правовой ответственности закреплены либо непосредственно в СК РФ, либо в иных законодательных актах, на которые содержится ссылка в соответствующих нормах СК РФ;
- приоритетность восстановления нарушенных прав. Карательная функция семейно-правовой ответственности также имеет место, но лишь как

³⁹ Старцева С.В. Социально-правовая защита детей // Теория и практика общественного развития. 2023. №5 (181). С. 154-159.

сопутствующая восстановительной функции. Карательный элемент (наказание) остается «в тени» элемента восстановительного;

- реализация в рамках семейных правоотношений, что обуславливает и предполагает двойственность подхода к определению содержания правовой природы семейно-правовой ответственности как с позиции ретроспективного подхода, так и с позиции позитивной юридической ответственности, и что свидетельствует о необходимости квалифицировать семейно-правовую ответственность как единую статутную ответственность, имеющую два аспекта нормативного установления и реализации - позитивный и ретроспективный;
- специфический характер отраслевых санкций, их направленность на личностное воздействие в отношении субъекта - нарушителя норм семейного законодательства. Основными мерами семейно-правовой ответственности выступают лишение родительских прав, ограничение родительских прав, а также отобрание ребенка. Неблагоприятные последствия подобного характера уникальны по своему содержанию и составляют одну из ключевых особенностей семейного права. Иные меры, предусмотренные СК РФ, по своей правовой природе носят гражданско-правовой, административно-правовой или уголовно-правовой характер.

Подводя итог вышеизложенному, юридическая ответственность в семейном праве является комплексным правовым институтом, содержание которого определяется как нормами непосредственно семейного законодательства, так и отдельными нормами гражданского, административного и уголовного законодательства. Вместе с тем, разумеется, ключевой основой, являющей собой содержание семейно-правовой ответственности, являются нормы СК РФ.

Таким образом, семейно-правовая ответственность представляет собой совокупность неблагоприятных последствий неимущественного и имущественного характера, возникающих как следствие нарушения субъектом семейных правоотношений норм семейного права, применение которых

направлено на защиту и восстановление нарушенных прав других субъектов названных правоотношений, а также на ограничение/лишение возможности субъекта-нарушителя норм семейного права совершать подобные деяния впредь.

§ 2. Генезис институтов ограничения и лишения родительских прав и зарубежные подходы к их правовому регулированию

Институты ограничения и лишения родительских прав не являются новеллами в отечественной системе правового регулирования. Как отмечают исследователи, до XVIII века права родителей рассматривались с точки зрения абсолютной власти над детьми⁴⁰. В результате интересы ребенка не являлись предметом правовой защиты, так как определялись исключительно родителями.

Примечательно, что даже в механизме уголовной ответственности устанавливалась серьезная дифференциация. В частности, убийство детьми родителей влекло за собой смертную казнь, в то время как за аналогичное деяние для родителей предусматривалось лишь тюремное заключение⁴¹.

С точки зрения гражданско-правового регулирования родители обладали правом закладывать детей, продавать в рабство, отдавать в монастырь и т.д.⁴² Представленное положение существовало при отсутствии развитого института прав в целом. В представленный период велика была роль церкви и церковного суда, который рассматривал, в том числе, вопросы о неповиновении детей родителям.

⁴⁰ Левушкин А.Н. Генезис истории института лишения родительских прав // История государства и права. 2011. № 14. С. 18 - 21.

⁴¹ Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex russica. 2019. № 1. С. 83 - 96.

⁴² Левченко Е.В. Становление принципов семейного права в контексте истории и теории Российского государства: системно-функциональный аспект // История государства и права. 2014. № 21. С. 32 - 36.

Изменения в механизме правового регулирования семейных правоотношений являлись постепенным эволюционным развитием. Например, Судебник 1550 года предусматривал запрет на продажу детей⁴³. В период правления Петра I перечень ограничений прав родителей был законодательно расширен. Помимо прочего, закреплён максимальный срок (5 лет) на который детей можно было отдать в наём, а также предусмотрен запрет отдавать детей в монастырь без их согласия и выдавать замуж.

Правовую форму обрели и отношения отцов с внебрачными детьми. Так, Воинский Артикул 1715 года⁴⁴ предусмотрел обязанность отца содержать внебрачного ребенка и его мать⁴⁵. Одновременно с этим произошла передача рассмотрения вопросов о незаконнорожденных детях в полномочия государства, а не церкви⁴⁶. Несмотря на подобные преобразования глобально проблема защиты прав и интересов детей не была решена.

В период существования Российской Империи родители также обладали полнотой власти над детьми, но с определенными ограничениями. В частности, Свод законов Российской Империи прямо закреплял запрет на подачу исков от детей на родителей, распространяющийся как на гражданско-правовую, так и на уголовную сферы⁴⁷.

Одновременно с указанным родители наделялись правом отправлять детей в смиренные дома, которые находились в ведении государства. Примечательно, что родительские права не прекращались в момент наступления совершеннолетия⁴⁸. В качестве подобных оснований предусматривалось исключительно замужество дочери или поступление сына на обучение или службу.

⁴³ Судебник 1550 г. // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.

⁴⁴ Воинский артикул 1715 года // Отечественное законодательство XI - XX веков: Пособие для семинаров / Под ред. проф. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2004. Ч. 1 (XI - XIX вв.). С. 464.

⁴⁵ Свиринов Ю.А. Некоторые вопросы установления родственных отношений // Современное право. 2022. № 11. С. 122 - 126.

⁴⁶ Войнилова И.Г. Правовое положение незаконнорожденных лиц в период систематизации права в России 1649 - 1833 гг. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 10 - 17.

⁴⁷ История государства и права России: Учебник / Под ред. Ю.П. Титова. М.: ТК Велби, 2004. С. 178.

⁴⁸ Лысова А.З. Гражданско-процессуальные особенности рассмотрения дел о лишении родительских прав. Тверь, 2002. С. 67 - 68.

Несмотря на сохранение полноты власти в руках родителей государство в данный период времени начало процесс юридического оформления прав и обязанностей родителей.

Так, статья 173 Свода законов Российской империи предусматривала обязанность по нравственному воспитанию детей. При этом отдельно упоминалось, что такой процесс должен содействовать видам правительства. В этой связи можно выделить, что образовательный и воспитательный процесс рассматривались не точки зрения интересов ребенка, а формирования у него взглядов, соответствующих позиции государства. В определенном смысле представленное положение можно рассматривать с позиции формирования патриотизма.

Виды правительства, по мнению П.Л. Полянского, означали обязанность родителей в приготовлении детей в качестве преемников для государственных нужд⁴⁹. Справедливость такого подхода объясняется сословным характером общества того периода, именно поэтому для государства было особенно важно обеспечить преемственность. В результате существенно различалась обязанность по воспитанию для дворянства, духовенства, податного населения.

В законодательстве Российской империи также предусматривалось в определенных случаях прекращение родительских прав. Так, оно следовало за осуждением родителей, при условии, что наказанием являлось лишение всех прав состояния. Представленное наказание применялось за преступления по службе⁵⁰.

Применение представленной меры к родителям не влекло за собой следование детьми за родителями в ссылку. Вместе с тем достаточно трудно отнести подобное положение к институту лишения родительских прав, так как оно не было никак связано с противоправным поведением родителей в рамках отношений с детьми⁵¹.

⁴⁹ Полянский П.Л. К вопросу об обязанности родителей воспитывать детей в XVIII - XIX веках // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1. С. 6 - 7.

⁵⁰ Шафигулина С.Р. Ответственность за преступления и проступки по службе по законодательству Российской империи второй половины XIX века // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 57 - 60.

⁵¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911. С. 54.

Единственной мерой воздействия на родительские права оставалась уголовно-правовая ответственность, наступающая в случае убийства⁵².

Предусмотренные в статьях 172 и 177 Свода законов Российской империи обязанности родителей по воспитанию и пропитанию детей не корреспондировали необходимыми мерами принуждения. Представленные положения являются одними из немногих длительно существующих в правовом поле форм поддержки о нетрудоспособных близких гражданах⁵³.

В правовой науке того времени встречались неоднозначные оценки невмешательства государства в семейно-правовую сферу. С одной стороны, отмечалась необходимость обеспечения регулирования в целях исключения тех ситуаций, когда нормы морали не обеспечивали надлежащие отношения детей и родителей. С другой указывалось на бессмысленность решения таких вопросов на законодательном уровне⁵⁴.

В результате можно отметить, что вплоть до XX века фактически не предусматривалось механизма защиты прав и интересов ребенка даже на декларативном уровне.

События 1917 года и кардинальное изменение всей концепции существования России, предусмотревший большой уклон в сторону прав всех граждан и ликвидацию сословной системы, привели к нормативному закреплению положений, регулирующих вопросы воспитания детей.

Согласно статей 153 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве осуществление родительских прав возможно исключительно в интересах детей, в противном случае в судебном порядке возможно их лишение при условии неправомерности их осуществление. Отдельно упоминалось, что правом на подачу подобного заявления обладают как представители государственной власти, так и частные лица. Соответственно

⁵² Лысова А.З. История развития института лишения родительских прав в России // Ученые записки МГПИ. Вып. 3. Мурманск: МГПИ, 2002. С. 21.

⁵³ Ульянова М.В. Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи.

⁵⁴ Спирина Т.П. Становление и развитие института лишения родительских прав в российском законодательстве // Интернет-журнал "Студиум". N 2 (7) 2007. URL: <http://www.sarki.ru/studium/publ2/spirina.pdf>.

перечень уполномоченных субъектов не был никак ограничен. В статье 159 предусматривалась обязанность суда разрешить свидание с детьми при условии, что они не отражаются вредно и пагубно на детях. Отдельно устанавливалось, что лишение родительских прав не освобождает от издержек на содержание детей (статья 169).

При этом положения, закрепляющие основания для применения юридической ответственности в виде лишения родительских прав были сформулированы крайне лапидарно⁵⁵. Прогрессивно оценивая нормы вышеуказанного нормативного правового акта А.Н. Левушкин справедливо отмечает отсутствие в Кодексе личных неимущественных прав детей⁵⁶.

Представленное позволяет утверждать о неполноценности механизма защиты прав и законных интересов детей, так как аспект личных неимущественных прав имеет принципиально важное значение с точки зрения реализации прав родителей на их воспитание.

Нельзя не отметить прогрессивное положение об интересах ребенка, которым пронизана вся система семейно-правовой ответственности.

Последующая эволюция институтов лишения и ограничения родительских прав была связана с принятием в 1926 году Кодекса законов о браке, семье и опеке⁵⁷. Общая норма об основаниях лишения родительских прав была сконструирована аналогично по сравнению с предыдущим Кодексом. Вместе с тем впервые стал использоваться термин «отобрание детей», который фактически использовался аналогично лишению в ее завершающей стадии.

При этом в статье 46 Кодекса законов о браке, семье и опеке предусматривалось вынесение решения об отобрании детей также в случае невыполнения родителями своих обязанностей или жестокого обращения.

⁵⁵ См.: Зыков С.В. Родительские права отца: эволюция в отечественном праве // Семейное и жилищное право. 2022. № 1. С. 7 - 10.

⁵⁶ Левушкин А.Н. История развития института прав и обязанностей родителей и детей в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 6. С. 14 - 18.

⁵⁷ Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

Примечательно, что в общей норме подобные положения отсутствовали. Нельзя не отметить расширение механизма применения института лишения родительских прав. Единственным отличием отобрания ребенка и лишения родительских прав в рассматриваемый период времени была возможность в случае применения первого использовать органу опеки экстренный механизм отобрания ребенка до разрешения суда при условии, что оставление ребенка опасно для него.

В результате подобный механизм реализован в действующем СК РФ. Безусловно, возможность экстренного вмешательства в семейные отношения для уполномоченного государственного органа путем вынесения соответствующего постановления выглядит немаловажной гарантией достижения заложенных целей правового регулирования в семейном праве.

Примечательно, что сам Кодекс закона о браке, семье и опеки не содержал перечня субъектов, уполномоченных обращаться с заявлением о лишении родительских прав. Подобное положение было урегулировано лишь позднее на уровне Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б)⁵⁸.

Законодатель в данный период не рассматривал лишение родительских лишь как меру семейно-правовой ответственности. В соответствии с Уголовным кодексом РСФСР лишение родительских прав также применялось в качестве меры дополнительного наказания, носящему срочный характер. Возможность его использования ставилась в зависимости от факта злоупотребления родительскими правами⁵⁹.

Эволюция институтов ограничения и лишения родительских прав в дальнейшем связана с принятием в 1969 году Кодекса законов о браке и семье⁶⁰. Правовое регулирование лишения родительских прав было оформлено в несколько самостоятельных статей, полноценно регулирующих данный вопрос. При этом

⁵⁸ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

⁵⁹ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁶⁰ Закон РСФСР от 30.07.1969 «Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР» // Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 43. 1988.

были расширены основания для применения института лишения родительских прав.

Помимо уже известных законодателю оснований ранее были добавлены антиобщественное или аморальное поведение родителей, наличие у них хронического алкоголизма или наркомании. Достаточно подробно был урегулирован перечень субъектов, наделенных правом по обращению с заявлением о лишении родительских прав.

К числу таковых относились государственные или общественные организации, прокурор, один из родителей или опекун. Как и в настоящее время правовая доктрина неоднозначно оценивала перечень субъектов, указывая, в одном случае, на необходимость расширения числа таких лиц⁶¹, а с другой, отмечая излишнюю широту количества наделенных таких правом лиц⁶².

Принятие данного акта также привело к значительному развитию научных исследований в области семейного права⁶³.

С точки зрения сферы закрепления института лишения родительских прав необходимо отметить, что в рассматриваемый период в положениях уголовного законодательства он был исключен.

При этом отобрание ребенка стало рассматриваться в качестве самостоятельного элемента семейно-правовой ответственности. Основания для применения меры в виде отобрания ребенка остались без изменений. В свою очередь, решение о возвращении ребенка родителям могло быть принято судом только в случае отпадения причин, послуживших основанием для отобрания ребенка. Примечательно, что применение ограничения родительских прав не влекло необходимости по судебному рассмотрению вопроса о надлежащем исполнении родительских обязанностей.

⁶¹ Андреева И. Процессуальные вопросы рассмотрения дела воспитания детей // Советская юстиция. 1977. № 24. С. 25.

⁶² Кострова Н.М. Участники процесса в судопроизводстве по семейным делам // Советская юстиция. 1980. № 19. С. 37.

⁶³ Рабец А.М. У истоков формирования и развития современной теории семейного права // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 22 - 25.

Кроме того, в исследованиях советских ученых отмечалось, что права родителей функционируют лишь с совокупностью обязанностей, возлагаемых государством на родителей по отношению как детям, так и обществу⁶⁴.

Несмотря на изменение общественно-политического режима после распада Советского союза и установления демократического пути развития современной России, в течении длительного периода в правовом регулировании предусматривались схожие с предыдущим этапом формулировки, связанные с установлением обстоятельств, при которых возможно лишение или ограничение родительских прав.

Так, в пункте 11 Постановления Пленума ВС РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10)⁶⁵ уклонение от воспитания детей заключалось, в том числе, в отсутствии подготовки к общественно полезному труду.

Учитывая, что подобное положение является крайне оценочным⁶⁶, а также не соответствующем текущему правовому регулированию, совершенно логичным является не использование его в действующих разъяснениях ВС РФ. Подготовка к общественно полезному труду не может рассматриваться как положение, имеющее какую-либо значимость для реализации интересов ребенка, так как оно всецело связано лишь с интересами государства.

Важно отметить, что генезис институтов ограничения и лишения родительских прав тесным образом связан с развитием международного права в сфере защиты прав ребенка. В XX век был принят первый международный акт – Женевская декларация 1924 года, устанавливающая защиту прав детей⁶⁷. В

⁶⁴ Рясенцев В.А. Вопросы семейного права в практике Верховного Суда СССР // Высший судебный орган СССР / С.И. Гусев, В.М. Савицкий, Е.А. Смоленцев, Х.Б. Шейнин; Под ред. Л.Н. Смирнова. М.: Юридическая литература, 1984. С. 185.

⁶⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Российская газета. № 110. 10.06.1998.

⁶⁶ Мардахаева П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2005. С. 79.

⁶⁷ Хабарова А.Ю. Защита прав ребенка в международном праве // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 239 - 244.

большей степени ее положения носили обобщенный характер, не раскрывая необходимость создания тех или иных механизмов в национальных законодательствах.

В течение длительного периода каких-либо иных документов в рамках международного права не принималось. Следующим актом стала Декларация прав ребенка 1959 года, закрепившая ключевые положения защиты прав ребенка. С точки зрения институтов лишения и ограничения родительских прав Декларация предусмотрела возможность разлучения с матерью ребенка лишь в исключительных случаях. Одним из принципов стало наилучшее обеспечение интересов ребенка, которым обязан руководствоваться законодатель при установлении нормативного правового регулирования.

По мнению исследователей, сформированные в науке семейного права её принципы направлены, в том числе, на осуществление родительских прав исключительно в интересах детей⁶⁸.

В свою очередь, процессуальные вопросы разрешения споров между родителями и детьми при наличии международного элемента подлежат разрешению в соответствии с Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года⁶⁹. Одним из основных положений, связанных с разрешением спора о лишении родительских прав, применительно к рассматриваемому международному документу является правило о подсудности таких споров суду того государства, гражданином которого является ребенок. В этой связи важно отметить, что приоритет отдается интересам последнего, как важнейшего субъекта данных правоотношений.

Принятая впоследствии Конвенция о правах ребенка 1989 года особое внимание уделяет вопросам общей и одинаковой ответственности родителей за воспитание и развитие ребенка⁷⁰. При этом вопрос о применении институтов

⁶⁸ Несмеянова И.А. К вопросу о принципах семейного права // Legal Bulletin . 2023. №1. С. 32-39.

⁶⁹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) // Собрание законодательства РФ. 24.04.1995. № 17. Ст. 1472.

⁷⁰ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI. 1993.

ограничения и лишения родительских прав также прямо не регулируется, указывается лишь на важность обеспечения учета интересов детей.

На всестороннюю реализацию интересов ребенка также направлена Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей, принятая на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах детей в 2000 году⁷¹. Несмотря на то, что в данном документе большее внимание уделяется вопросам безопасности детей в глобальном смысле (защита от военных и иных насильственных действий), отдельно упоминаются вопросы достижения благополучия, характеризующегося как экономическим, так и психологическим аспектами.

Рассматриваемые институты являются неотъемлемым элементов семейного законодательства многих государств Европы. Как следует из правовых позиций Европейского суда по правам человека внутригосударственные меры, предполагающие вмешательство в реализацию права и детей на общение друг с другом является вмешательством в право на уважение частной и семейной жизни, защищаемое статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷². Кроме того, уважение семьи справедливо рассматривается как базовая социальная ценность⁷³. Семья в определенном смысле отражает обеспечение суверенитета страны⁷⁴.

В этой связи возможное помещение ребенка под опеку государства должно являться временной мерой, преследующей целью последующее воссоединение родителей и ребенка⁷⁵. Применение лишения родительских прав может быть

⁷¹ Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 10.06.2022).

⁷² Постановление ЕСПЧ от 12.07.2001 «Дело К. и Т. против Финляндии» // СПС КонсультантПлюс.

⁷³ Ханзафарова Г.Р. Развитие нормативного регулирования процедуры отобрания ребенка из семьи как меры его защиты // Юридическая наука. 2023. №2. С. 79-82.

⁷⁴ Исаенко А.С. Развитие правового института защиты семьи в российском законодательстве // Юридическая наука. 2023. №7. С. 120-124.

⁷⁵ Постановление ЕСПЧ от 24.03.1998 «Дело Ольссоны (Olsson) против Швеции (№ 1)», жалоба № 10465/83 // СПС КонсультантПлюс.

мотивировано только приоритетным требованием, которое касается наилучших интересов ребенка⁷⁶.

Представленное означает обязанность государства предпринимать необходимый комплекс мер, которые направлены на закрепление механизмов и инструментов, направленных на воссоединение семьи⁷⁷. Рассматриваемый орган судебного контроля также указывал на обязанность государства обеспечить тщательную оценку правовым последствиям подобных мер семейно-правовой ответственности⁷⁸.

Представленные положения позволяют утверждать о том, что государству надлежит создавать надлежащие механизмы сохранения семьи, неприменении институтов ограничения или лишения родительских прав. Преобладающее значение для целей реализации рассматриваемых институтов играют интересы детей, превалирующие над интересами родителей.

Возможность отобрания ребенка должна реализовываться при наличии достаточно гибкой процедуры, предусматривающей право выбора из множества вариантов действий для органов публичной власти. Именно поэтому не может быть признано обоснованным принятие решения на основании документов, имеющих давность несколько лет.

Принятие решения об отобрании ребенка не может следовать исключительно из анализа отдельно представленных позиций. Например, отсутствие заслушивания мнения детей не может рассматриваться как соблюдающее требования международных документов в части вмешательства государства в частную жизнь⁷⁹. Более того, разрушение семьи, выступая значительным вмешательством, является фактически самой тягостной мерой⁸⁰.

⁷⁶ Король И.Г. Обязанности родителей в отношении своих детей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 229-231.

⁷⁷ Постановление ЕСПЧ от 02.02.2022 «Дело Куцнер (Kutzner) против Германии», жалоба № 46544/99 // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁸ Постановление ЕСПЧ от 13.07.2000 «Дело Скоццари и Джунта (Scozzari and Giunta) против Италии», жалобы № 39221/98 и 41963 // СПС КонсультантПлюс.

⁷⁹ Постановление ЕСПЧ от 18.12.2008 «Дело Савины (Saviny) против Украины», жалоба № 39948/06 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4.

⁸⁰ Постановлении ЕСПЧ от 26.10.2006 «Дело Валлова и Валла (Wallova and Walla) против Чехии», жалоба № 23848/04 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 4.

Сравнивая специфику отечественного и зарубежного подходов в регламентации институтов ограничения и лишения родительских прав, остановимся на аспектах содержания применяемых мер, условия и обстоятельства, при которых они могут быть реализованы, а также их соотношении.

Например, Германское гражданское уложение предусматривает частичное или полное лишение родительских прав, применяемое в случае, если никаким образом нельзя предотвратить опасность⁸¹. В качестве инструментов предотвращения, прежде всего, рассматривается реализация принципа «преимущества официальной помощи».

Кроме того, возможен запрет пользоваться жилым помещением или ограничение связей, встреч с ребенком. Соответственно предусматривается комплекс мер, которые должны преимущественно применяться в случае наличия опасности для ребенка.

Еще одним из немаловажных элементов является то, что полное лишение родительских прав возможно исключительно в тех ситуациях, когда иные меры не принесли необходимого результата, а также при обстоятельствах, когда очевидным является неэффективность использования промежуточных мер с точки зрения ликвидации угрозы для ребенка. В отличие от отечественного подхода законодатель Германии не предусматривает исчерпывающего перечня случаев, при которых применяется такая мера семейно-правовой ответственности как лишение родительских прав.

Законодательство Франции также предусматривает возможность полного и частичного лишения родительских прав. Последнее предполагает те ограничения, которые суд посчитает достаточными в рамках рассмотрения конкретного дела.

Схожим по сравнению с СК РФ является положением статьи 378 Гражданского кодекса Франции⁸², согласно которой полностью может быть лишен родительских прав отец или мать, которые осуждены в качестве исполнителя или

⁸¹ Германское гражданское уложение (принято в 1896 г.); Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb> (дата обращения: 15.06.2022).

⁸² Гражданский кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев; Отв. ред. А. Довгерт. Киев, 2006.

соучастника преступления, направленного на личность ребенка или другого родителя.

В качестве еще одного основания статья 378.1 Гражданского кодекса Франции предусматривает наличие явной угрозы безопасности, здоровья или нравственности ребенка вследствие плохого обращения с ним или собственных злоупотреблений, а также из-за поведения, которое явно противоречит общепринятым социальным нормам. В качестве еще одного основания лишения родительских прав гражданское законодательство Франции рассматривает неэффективность применяемых мер по оказанию помощи в воспитании.

Кроме того, во Франции предусматривается целый ряд положений, направленных на обеспечение всесторонней помощи родителям по вопросам воспитания детей, а также устанавливается детальный перечень прав, которых родители лишаются⁸³. В свою очередь, последовательное применение института лишения родительских прав только в случае неэффективности иных мер правового воздействия может рассматриваться как положительная практика.

Анализ опыта регулирования института лишения родительских прав в Чехии демонстрирует нормативное закрепление перечня оснований, при которых возможно применение крайней меры семейно-правовой ответственности. К таковым случаям относятся злоупотребления родительскими правами, совершение умышленного преступного деяния в отношении ребенка.

В отдельных случаях суд обладает возможностью сохранить право родителя на встречи с ребенком. Статья 869 Гражданского кодекса Чешской Республики закрепляет отдельный институт приостановления осуществления родительских прав в тех случаях, когда их реализация объективно затруднена⁸⁴.

Отдельно предусматривается ограничение родительских прав, которое возможно в тех ситуациях, когда родитель надлежащим образом не исполняет свои родительские права и обязанности. Представляется, что отдельно

⁸³ Смирновская С.И. К вопросу об ответственности родителей по семейному законодательству России и Франции // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 6 - 9.

⁸⁴ Свод законов Чешской Республики. URL: https://anesro.com/download/zakon/89-2012_Sb.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

регламентируемый институт приостановления родительских прав может являться эффективным механизмом максимального возможного в отдельных случаях вмешательства в семейную жизнь.

Достаточно детально основания для лишения родительских прав предусмотрены в Республике Молдова. В силу статьи 67 Семейного кодекса Республики Молдова применение такой меры семейно-правовой ответственности возможно в ситуациях злоупотребления правами, уклонения от выполнения родительских обязанностей, отрицательного влияния на ребенка ввиду аморального поведения, совершили умышленное преступление против жизни и здоровья ребенка, другого супруга⁸⁵. Отдельно предусматривается, что лишение родительских прав также возможно в иных случаях, когда оно обусловлено интересами ребенка.

В свою очередь, существует институт отобрания ребенка, применяемый без лишения родителей их прав. При этом отобрание может осуществляться как в судебном порядке, так и в административном при наличии непосредственной угрозе ребенку. В таком случае местный орган опеки и попечительства обязан обратиться в суд с иском об отобрании ребенка или лишении родительских прав.

Интерес подход сербского законодателя. Согласно статье 81 Семейного кодекса Республики Сербия лишение родительских прав в полном объеме при злоупотреблении родителями или пренебрежение родительскими обязанностями⁸⁶. Соответственно раскрываются случаи злоупотребления (оскорбление ребенка, побуждение его преступлениям, эксплуатация ребенка), а также пренебрежения родительскими правами (оставление ребенка, избегание личных отношений с ребенком). В случае неосознанного осуществления родительских прав возможно их ограничение.

⁸⁵ Семейный кодекс Республики Молдова от 26.10.2000 № 1316-XIV. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30398164 (дата обращения: 20.06.2022).

⁸⁶ Семейный кодекс Республики Сербия от 18.02.2005. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/porodicni_zakon.html (дата обращения: 20.06.2022).

Латвийское законодательство также предусматривает возможность лишь лишения права попечения, применяемого при наличии вины в создании угрозы для ребенка или в случае злоупотреблений родительскими правами⁸⁷.

Анализ вышеприведенного зарубежного опыта показал, что в большинстве стран закрепляется лишь институт лишения родительских прав (например, Германия, Австрия). При этом одинаковый механизм ограничения и лишения родительских прав фактически нигде не устанавливается. В большинстве случаев законодатель при установлении оснований для применения рассматриваемых мер семейно-правовой ответственности закрепляет лишь основные случаи, оставляя достаточно широкую свободу усмотрения правоприменителю.

В результате можно отметить, что вплоть до XX века фактически не предусматривалось механизма защиты прав и интересов ребенка даже на декларативном уровне. Последующее активное развитие концепции приоритетности прав ребенка для законодательства в целом является одним из важных результатов совершенствования правового регулирования.

Предпринимаемые попытки по трансформации сложившихся подходов к пониманию института семьи в европейских государствах не могут быть восприняты отечественным законодателем как основание для изменения выбранного пути по обеспечению приоритета интересам ребенка.

По мнению автора, ситуация нетрадиционного поведения родителя (например, смена пола) не может служить самостоятельным фактом для ограничения или лишения родительских прав, а выступать предметом оценки на предмет причинения вреда ребенку подобными обстоятельствами.

Таким образом, лишение родительских прав является давно известным отечественной правовой системе институтом, в то время как ограничение родительских прав новелла семейного законодательства Российской Федерации. При этом в течение достаточно длительного времени нормы о лишении родительских прав регулировали достаточно узкие основания. Значительное

⁸⁷ Степаненко Р.Ф., Хамидуллина Ф.И., Якушев П.А. Семейное право России и государств Европы: учебник. – Москва: Проспект. 2023. 288 с. С. 223.

развитие международного права в сфере защиты прав несовершеннолетних положительно сказалось на содержании и структуре ныне действующего СК РФ.

§ 3. Юридическая ответственность как механизм защиты прав и интересов детей

Прежде чем перейти к рассмотрению и осмыслению юридической ответственности в семейном праве как механизма защиты прав ребенка, следует определиться с понятием «правовой механизм».

Как отмечает С.А. Кузнецова, правовой механизм следует рассматривать с точки зрения совокупности норм, юридических актов и правоотношений, которые участвуют в правовом воздействии⁸⁸.

Согласно определению А.Д. Селюкова, правовой механизм представляет собой комплекс управленческих отношений, который урегулирован нормами права и направлен на применение методов, инструментов, правил⁸⁹.

Указанное тесно связано с феноменом института прав несовершеннолетних, представляющим собой результат развития правовой теории и практики⁹⁰. При этом их особенностью является невозможность рассмотрения только в рамках одной сферы правового регулирования⁹¹. Данный факт подтверждается содержанием института ограничения и лишения родительских прав, который, с одной стороны, затрагивает гражданско-правовой аспект, связанный с

⁸⁸ Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» / С.А. Кузнецова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 10.

⁸⁹ Селюков А.Д. Финансово-правовые механизмы государственного управления / А.Д. Селюков // Финансовое право. 2010. № 7. С. 3.

⁹⁰ Филиппов П.М., Джумагазиева Г.С. Права детей и их охрана: Монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. С. 14.

⁹¹ См.: Рузанова В.Д., Рузанова Е.В. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3. С. 69 - 77.

имущественными правами, с другой, преследует публично-правовые цели в виде защиты прав ребенка.

При этом семейно-правовая ответственность является крайней мерой воздействия на отношения родителей и ребенка. Немаловажное значение также имеют иные меры, направленные, например, на ограничение родительского волеизъявления в отношении прав несовершеннолетних⁹².

Защита прав ребенка предполагает комплексную деятельность множества государственных органов. Прежде всего, целесообразно рассмотреть правовой статус и полномочия тех субъектов, которые обязательно участвуют в процессе ограничения или лишения родительских прав. Согласно статьям 70 и 73 СК РФ законодатель предусматривает обязательное участие прокурора и органа опеки и попечительства.

Помимо СК РФ правовой статус последнего регламентируется статьей 34 Гражданского кодекса Российской Федерации⁹³, а также Федеральным законом от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁹⁴. Согласно статье 12 СК РФ, тесно связанный с рассматриваемыми институтами механизм отобрания ребенка предполагает реализацию предварительной опеки и попечительства.

При этом орган опеки и попечительства всесторонне участвует в защите прав несовершеннолетних детей, так как целый ряд вопросов, связанных с их воспитанием, решается исключительно с согласия данного органа при условии отсутствии попечения родителей, которое может быть связано, в том числе с лишением родительских прав.

Например, в силу статьи 43 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» решение об отчислении несовершеннолетнего, который достиг 15 лет, но не получил основного общего образования, может применяться в отношении рассматриваемой категории детей

⁹² См.: Михайлова И.А. Согласование сделок несовершеннолетних лиц: практические и теоретические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 1. С. 8 - 13.

⁹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁹⁴ Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 28.04.2008. № 17. Ст. 1755.

исключительно с согласия органа опеки и попечительства, а также комиссии по делам несовершеннолетних⁹⁵.

Как следует из статьи 78 СК РФ, в рамках рассмотрения вопросов, связанных с воспитанием детей в суде, орган опеки и попечительства обязан осуществить обследование условий жизни ребенка, а также лица, которое претендует на его воспитание, с предоставлением суду акта обследования и соответствующее заключение по существу спора.

Важность обоснованности и полноценности такого документа отмечается ВС РФ в Обзоре практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей (утв. 20.07.2011 Президиумом). Среди прочего указывается на необходимость наличия сведений об отношении в семье между родителями и ребенком, результаты общения с ребенком, целесообразность опроса ребенка в ходе рассмотрения спора, возможно ли применение ему психологической травмы в ходе такого опроса.

Отсутствие подобного документа, как следует из анализа судебной практики, приводит к отмене судебных актов нижестоящих инстанций. Например, в одном из дел ВС РФ указал, что заключение органа опеки и попечительства должно включать в себя четкую позицию по вопросу воспитания ребенка⁹⁶.

Кроме того, реализация органами опеки и попечительства обязанности по участию в рамках рассмотрения споров имеет важность с точки зрения интересов государства в правильном разрешении подобных дел, которые характеризуются социальной направленностью, выражающейся в защите интересов ребенка, не обладающего в большинстве случаев возможностью самостоятельной защиты своих интересов⁹⁷.

⁹⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

⁹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 18.02.2020 № 41-КГ19-50 // СПС КонсультантПлюс.

Апелляционное определение Московского городского суда от 26.01.2018 по делу № 33-3023/2018 // СПС КонсультантПлюс.

⁹⁷ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 № 88-7846/2022 // СПС КонсультантПлюс.

При этом социальная направленность предполагает слаженную деятельность всех связанных с данным аспектом субъектов⁹⁸.

Полноценная реализация полномочий органом опеки и попечительства связана с всесторонним и полным исследованием доказательств, так как иное приводит к неправильному разрешению спора⁹⁹.

Благодаря заключению органа и попечительства у суда существует возможность оценить осознание родителем сложившейся ситуации, выявив соответствие поведения родителя интересам ребенка¹⁰⁰. Вместе с тем требовать представление такого документа может только суд, у стороны дела такая возможность отсутствует¹⁰¹.

Более того, при наличии отрицательного заключения в части необходимости применения крайней меры семейно-правовой ответственности суд должен дать надлежащую правовую оценку подобного доказательства¹⁰². Представленная обязанность следует из роли органов опеки и попечительства в рассмотрении подобных споров.

В свою очередь, справедливо указание исследователей на недостаточную урегулированность правового статуса органа опеки и попечительства¹⁰³. Спецификой защиты интересов ребенка в рамках участия органов опеки и попечительства в спорах предполагает их привлечение как уполномоченного органа государственной власти.

⁹⁸ Осипова Т.В., Почивалова Ж.Г., Коляда О.В. Актуальность проблемы прав ребенка и его защиты // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. №4. С. 6-13.

⁹⁹ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28.04.2016 по делу № 33-2842/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰⁰ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2016 по делу № 33-10328/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.11.2020 № 33а-22208/2020 по делу № 2а-3229/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰² Обобщение практики рассмотрения районными судами Самарской области в 2018 - 2019 годах гражданских дел по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, об ограничении родительских прав, о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об отмене усыновления детей, об установлении отцовства, об оспаривании отцовства (материнства) (подготовлено Самарским областным судом 21.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰³ Ленковская Р.Р., Шиловская А.Л. Опека как форма защиты прав ребенка // Социально-политические науки. 2017. № 6.

Именно поэтому в научных трудах отмечается неправомерность привлечения их в качестве третьих лиц¹⁰⁴. Кроме того, рассматриваемый орган не может выступать на стороне участника спора, так как у них отсутствует какой-либо личный интерес к исходу дела. Участие органа и попечительства предполагает всесторонний анализ всех условий, которые государством признаются наиболее важными в процесс воспитания ребенка. При этом подобный перечень нормативно не закреплён, а следует из всего комплекса правового регулирования в рамках социальной политики государства.

В свою очередь, полномочия органов прокуратуры в механизме защиты прав предполагают несколько иные полномочия, отличные от органов опеки и попечительства. Как следует из нормативных правовых актов рассматриваемого ведомства, в полномочия прокурора входит обеспечение надлежащего исполнения уполномоченными органами своих обязанностей, обеспечивая реализацию интересов ребенка¹⁰⁵.

В ранее действовавшем приказе Генерального прокурора устанавливалась обязанность обращаться в суд с иском об изъятии детей из неблагополучных семей¹⁰⁶. Отсутствие в действующем правовом регулировании подобного положения не может рассматриваться как надлежащий механизм защиты прав ребенка.

В этой связи речь идет фактически о даче оценки действиям органа опеки и попечительства. Фактически устанавливая подобное положение об обязанности участия прокурора в подобных спорах, законодатель исходит из механизма двойной проверки со стороны государственных органов действий или бездействий родителей.

¹⁰⁴ Якушев П.А. Участие органов опеки и попечительства в спорах о воспитании детей: процессуальная формальность или реальная защита прав ребенка / Юридическая и правоохранительная практика. — 2018. — С. 23-30.

¹⁰⁵ Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. № 2. 2022.

¹⁰⁶ Приказ Генпрокуратуры России от 26 ноября 2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. № 2. 2008.

Подобная сложная конструкция обусловлена исключительной рассматриваемых мер семейно-правовой ответственности. Возможность наступления, которых должна строго соблюдаться нормативно предусмотренным критериям. При этом вопрос о его процессуальном положении также неоднозначно оценивается в научных трудах¹⁰⁷.

Прокуратура фактически обеспечивает дополнительный механизм защиты прав личности¹⁰⁸.

Важно отметить, что в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» надзор за исполнением законов в рамках реализации интересов несовершеннолетних не выделяется в качестве самостоятельного направления деятельности прокуратуры¹⁰⁹. Недостатком подобного регулирования, по мнению исследователей, является отсутствие однообразия в организации работы прокуратуры в рамках реализации интереса детей¹¹⁰.

В этой связи высказывается позиция о необходимости закрепления данной деятельности в качестве отрасли прокурорского надзора¹¹¹. Необходимость подобного регулирования объясняется фундаментальным значением подобной деятельности¹¹². Вместе с тем подобное положение подробно не раскрывается в вышеуказанных трудах применительно к аспекту рассмотрения споров об ограничении или лишении родительских прав. Несмотря на это данные вопросы в большей степени нуждаются во всестороннем участии прокуратуры.

¹⁰⁷ См.: Гринь Е.А., Хрипков И.И. Участие прокурора в защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 130-133.

¹⁰⁸ Титова А.В., Титов В.Д. К вопросу о реализации полномочий прокуратуры РФ по защите прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке вне уголовно-правовой сферы // Закон и власть. 2023. № 2. С. 86-90.

¹⁰⁹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

¹¹⁰ См.: Арутюнян, А. С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Арутюнян. — М., 2012. — 28 с. С. 9.

¹¹¹ Королев, Г. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи как приоритетное направление деятельности современной прокуратуры / Г. Н. Королев // Сборник трудов конференции «Социально-правовая защита детства как приоритетное направление государственной политики». — Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2018. — С. 291—297.

¹¹² Горюнов В. Е., Карнакова А. Г. Роль прокуратуры Российской Федерации в осуществлении надзора за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №2 (21). С. 55-60. С. 58.

Аналогичным образом, как и в случае участия органа опеки и попечительства, не привлечение судом прокурора при рассмотрении вопросов об ограничении или лишении родительских прав является основанием для отмены вынесенного судебного акта.

Заслуживает внимания Н.А. Васильчикова, отмечающего, что «участие прокурора в гражданском судопроизводстве обусловлено ролью государства – гаранта прав и свобод человека – в защите нарушенных субъективных прав»¹¹³.

Учитывая, что защита прав несовершеннолетних в данном случае может заключаться в самом факте подачи соответствующего иска, роль рассматриваемого органа может разниться, так как в таком случае законность подачи такого заявления уже не рассматривается прокурором. Важно подчеркнуть, что представленная категория дел в отличие множества других не требует согласия законного представителя, так как именно последний и выступает ответчиком по такому спору¹¹⁴.

Как и в случае с заключением органа опеки и попечительства правовой позиции прокурора должна быть дана надлежащая правовая оценка, нашедшая свое отражении в решении суда по вопросу лишения или ограничения родительских прав.

Особенностью участия прокурора в разрешении данного вопроса является достижение должного баланса интересов всех субъектов представленных правоотношений. Соответственно высокую значимость имеет установление психологического контакта с несовершеннолетним, ответчиком, свидетелями и иными участниками спора.

При этом от реализации подобного положения всецело зависит установление реальной картины сложившейся ситуации. В этой связи нередки ситуации, когда в процессе рассмотрения вопроса о лишении или ограничении родительских прав прокурор ходатайствует об отложении рассмотрения дела ввиду того, что родитель

¹¹³ Васильчикова Н.А. Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2018. № 6. С. 48-52.

¹¹⁴ Гадиятова М.В. Проблемы участия прокурора в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 228-235.

в результате общения с прокурором просит дать время для исправления поведения¹¹⁵.

В полномочия органов прокуратуры в данной сфере относится пресечение неисполнения законов уполномоченными органами¹¹⁶. Вместе с тем спецификой защиты прав ребенка органами прокуратуры является необходимость в ряде случаев самостоятельного вмешательства в данную сферу. Исследователями обоснованно указывается на то, что закрепление подобного полномочия предполагает особую социальную значимость реализации интересов несовершеннолетних¹¹⁷.

Предъявлению требования о лишении родительских прав в судебном порядке должна предшествовать совместная работа с органами опеки и попечительства, предполагающая получение наиболее важных сведений для разрешения данного вопроса. При этом избрание рассматриваемого средства прокурорского реагирования всецело зависит от выявленных нарушений законов¹¹⁸. Учитывая разноплановость деятельности прокурорского работника он способен выявить соотношение отдельно взятых фактов с целью выявления обоснованности применения институтов ограничения или лишения родительских прав.

Тесная взаимосвязь институтов ограничения или лишения родительских прав предполагает участие прокурора в оценке исправления поведения в случае применения меньшей по правовым последствиям меры семейно-правового воздействия из рассматриваемых.

В данном случае имеет принципиальное значение обеспечение надлежащей работы органов опеки и попечительства по анализу поведения родителей.

¹¹⁵ Краснякова Ю.В. Психологические особенности участия прокурора по делам о лишении родительских прав // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского. 2010. С. 201-205.

¹¹⁶ См.: Насонов Ю.Г., Выскуб Ю.С. Участие прокурора в гражданском процессе с правовых позиций Европейского суда по правам человека // Вестник Академии ГП РФ. 2014. № 4. С. 52 - 57; Казарина А.Х. Общий надзор: возможности и пределы // Законность. 2003. № 7. С. 8.

¹¹⁷ Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О.Н. Коршунова, В.В. Лавров, Е.Л. Никитин и др. Москва: РУСАЙНС, 2019. 268 с.

¹¹⁸ Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних, проживающих в семьях, находящихся в социально опасном положении: Монография / А.В. Гришин и др.; Рук. авт. кол. А.В. Гришин. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2014. С. 99.

Еще одним немаловажным субъектом, связанным с защитой прав ребенка, является Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченных в субъекта Российской Федерации¹¹⁹. При этом представленный субъект не наделен правом обращаться в суд с иском о лишении или ограничении родительских прав, что обусловлено исключительным ведением вопросов процессуального законодательства Российской Федерации¹²⁰. Данного субъекта рассматривают в качестве субъекта постоянного контроля за деятельностью органов государственной власти в отношении их взаимодействия с несовершеннолетними детьми¹²¹. Вместе с тем компетенция по такому контролю у него достаточно спорна.

Представленный субъект выступает значимым механизмом защиты прав детей¹²². В свою очередь, отсутствие у уполномоченного по правам ребенка полномочия по судебной защите прав ребенка рассматривается в научной литературе как не соответствующее реализации прав последних¹²³.

Действующие полномочия Уполномоченного предполагают лишь дачу заключения в целях защиты прав и законных интересов в интересах несовершеннолетних, а также обращение с административным иском заявлением в отношении деятельности органов государственной власти. Отсутствие права у Уполномоченного по правам ребенка по судебной защите интересов прав несовершеннолетних не может рассматриваться как обоснованный подход законодателя¹²⁴.

¹¹⁹ Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2018. № 53 (часть I). Ст. 8427.

Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» (ред. от 15.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 07.09.2009. № 36. Ст. 4312.

¹²⁰ Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 318 с.

¹²¹ Кислицын Г.А. Особенности правового регулирования института материнства и детства в РФ // Юридическая наука. 2023. №5. С. 126-130.

¹²² Ходусов А.А. О механизме защиты прав детей // Современное право. 2018. № 3. С. 47 - 51.

¹²³ См.: Беспалов Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 6 - 11.

¹²⁴ Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2020. 224 с.

Представляется, что рассматриваемый орган должен быть уполномочен по обращению с иском об ограничении родительских прав, так как действующая статья 73 СК РФ достаточно широко рассматриваемый перечень лиц, наделенных таким правом.

В свою очередь, отсутствие необходимости в закреплении аналогичного права в рамках института лишения родительских обусловлено следующими причинами.

Во-первых, при рассмотрении споров об ограничении родительских прав обязательным является участие прокурора, органа опеки и попечительства, которые наделены правом по обращению с иском о лишении родительских прав.

Во-вторых, при применении семейно-правовой ответственности в виде ограничения родительских прав ввиду опасного для ребенка поведения родителей у органа опеки и попечительства существует обязанность в случае не изменения такого поведения по обращению в суд с иском о лишении родительских прав.

В-третьих, учитывая правовую природу данного института перечень уполномоченных субъектов не нуждается в расширении.

Защита прав ребенка основана, в том числе, на статье 9 Конвенции ООН о правах ребенка, согласно положениям которой, одной из обязанности государства рассматривается обеспечение неразлучности ребенка.

Исключением являются лишь случаи, когда в соответствии с судебным решением компетентные органы определяют необходимость разлучения в силу определенных обстоятельств. Одним из основных аспектов является обязанность установить желание ребенка. Как отмечают исследователи, рассматриваемый положения занимают особое место в судебной защите прав ребенка¹²⁵.

С учетом сказанного, правовой механизм можно определить, как урегулированный нормами права комплекс управленческих, организационных и распорядительных отношений, обеспечивающий исполнение требований нормативных правовых актов, реализацию субъектами правоотношений своих

¹²⁵ Нечаева А.М. Особенности судебной защиты семейных прав ребенка // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 14 - 17.

прав, исполнение ими обязанностей, защиту прав субъектов правоотношений, а также применение к нарушителям правовых норм санкций, определенных законодательством.

В содержательной части в механизме защиты прав ребенка выделяется защита неимущественных прав, которым присущи, прежде всего, уголовно-правовые, административно-правовые и, собственно, семейно-правовые меры защиты, а также защита прав имущественных, которая относится к гражданско-правовым способам защиты прав.

Как указывают в правовой науке, лишение родительских прав является необходимой мерой защиты прав и интересов ребенка, включая его безопасность¹²⁶. Безопасность детей исследователи предлагают рассматривать как элемент всей системы стратегического планирования¹²⁷.

Безусловно, аспект виновности родителей хоть и является значимым с точки зрения процедуры применения лишения родительских прав, но не выступает основополагающим для данных правоотношений. Особенностью юридической ответственности в семейном праве является ее явно выраженная направленность на восстановление и защиту нарушенного права, и, прежде всего, прав ребенка.

Карательная функция юридической ответственности в семейном праве носит второстепенный характер, ее приведение в действие увязано не с собственно самим фактом нарушения норм семейного права, а с посягательством на особо охраняемые государством ценности, среди которых, разумеется, права ребенка на защиту от всякого физического, психологического и иного рода посягательства, на получение содержания от родителей и на всестороннее развитие имеют особый статус.

Поэтому, скажем, в тех случаях, когда лицо грубо нарушает свои родительские обязанности по воспитанию ребенка, вовлекает ребенка в совершение антиобщественных действий, совершает акты насилия в отношении

¹²⁶ Котлярова В.В. К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав / В.В. Котлярова // Мировой судья. 2021. № 10. С. 34.

¹²⁷ Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования // Актуальные проблемы государства и права. 2023. №27. С. 450-457.

ребенка, лишение родительских прав выступает как основная мера государственного реагирования на данного рода факты, и именно в этом и проявляется защитная функция юридической ответственности в семейном праве; привлечение же лица к уголовной ответственности по статьям 151 и 156 УК РФ будет носить второстепенный характер по отношению к целям семейно-правового регулирования.

Применение мер уголовной ответственности является важнейшим элементом правового механизма защиты основополагающих неимущественных прав ребенка, включая право на уважение человеческого достоинства, а также право на личную неприкосновенность.

Устанавливая факты жестокого обращения с ребенком, включая факты причинения физического или психического насилия, или издевательств, государство, в лице органов прокуратуры, принимает меры по возбуждению уголовного дела и применения к лицу, признанному виновным в совершении действий, подпадающих под признаки составов преступлений, предусмотренных УК РФ, мер уголовного наказания.

При этом применение уголовной ответственности к лицу, совершившему неправомерные действия в отношении ребенка, выступает и как кара в отношении указанного лица, и как мера защиты ребенка от совершения данным лицом озвученных действий впредь, а также может повлечь за собой применение иных мер, определенных законом (прекращение опеки или попечительства, отмена усыновления ребенка).

Эффективность механизма защиты прав ребенка при применении мер юридической ответственности к лицу, нарушившему права ребенка, отражается в недопустимости формального подхода к реализации правовых норм.

Так, статья 69 СК РФ закрепляет возможность (но не обязательность) лишения родительских прав при совершении деяний, перечисленных в абзацах 2–7 статьи 69 СК РФ.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что суд, при рассмотрении заявления о лишении родительских прав должен учитывать характер совершенного

родителем (родителями) деяния, характеристику личности родителя, наличие обстоятельств, свидетельствующих о том, что родитель не будет совершать подобного рода деяний впредь, а также принимать во внимание дальнейшую судьбу ребенка в случае принятия решения о лишении родительских прав (в том числе, учитывать факт наличия или отсутствия родственников, на которых может быть возложены обязанности по опеке (попечительству) в отношении ребенка).

Данный вывод соответствует разъяснениям, данным в пункте 18 постановления Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44 (далее - Постановление Пленума № 44), согласно которому в ходе комплексной оценке обстоятельств суд может предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей, не применяя крайней меры ответственности в виде лишения родительских прав¹²⁸. Необходимо отметить, что в данном положении не в полной мере учитывается специфика ограничения родительских прав, которое по своему содержанию и применению также предполагает предупреждение родителя¹²⁹.

Вышеуказанный документ является результатом развития институтов ограничения и лишения родительских прав, совершенствования правоприменительной практики. Анализируемые разъяснения ВС РФ фактически нацелены на преимущественное использование ограничения родительских прав, которое в большей степени можно рассматривать как меру профилактики. Исключительность лишения родительских прав нацелена на максимальное обеспечение интересов ребенка.

Немаловажным элементом правового механизма защиты прав ребенка является предусмотренная статьей 1087 ГК РФ обязанность лица, причинившего вред здоровью несовершеннолетнего, возместить указанный вред путем компенсации соответствующих расходов, а также возместить вред, связанный с утратой или уменьшением трудоспособности несовершеннолетнего. Кроме того,

¹²⁸ Подробнее указанное будет рассмотрена во второй главе настоящей диссертации.

¹²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 1. 2018.

защита прав ребенка осуществляется и путем реализации требований статьи 1088 ГК РФ, затрагивающей вопросы возмещения вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца.

Способом защиты прав ребенка выступает и отмена усыновления ребенка (статьи 140, 141 СК РФ), причем в отличие от статьи 69 СК РФ, содержащей закрытый перечень оснований для лишения родительских прав, статья 141 СК РФ оставляет за судом право отменить усыновление исходя исключительно из обстоятельств дела, с учетом интересов ребенка и мнения последнего.

Как отмечено в этой связи в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 8, «суд вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, не сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка»¹³⁰.

Характерной особенностью отношений в области семейного права является их личностный характер, что означает невозможность защиты нарушенных прав исключительно принятием мер гражданско-правового, административно-правового и даже уголовно-правового характера.

Так, родитель, злоупотребляющий родительскими правами (к примеру, склоняющий ребенка к употреблению спиртных напитков) может быть привлечен к уголовной ответственности по соответствующим составам, предусмотренным УК РФ (статьи 151 и 156 УК РФ), однако само по себе привлечение родителя к уголовной ответственности, в данном случае, не является способом защиты прав ребенка, поскольку не ограждает полностью ребенка от тлетворного влияния.

Следовательно, необходимым условием защиты прав ребенка, в подобном случае, будет являться принятие судом решения о лишении родительских прав, поскольку только ограждение ребенка от негативного психологического

¹³⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 6. 2006.

воздействия, обеспечение ему нормальных условий для психического и физического развития будет являться надлежащей мерой защиты прав последнего.

Юридическую ответственность как механизм защиты прав ребенка, тем самым, можно охарактеризовать как совокупность семейно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых и административно-правовых мер, направленных на предупреждение, пресечение и недопущение впредь нарушения прав ребенка, а также на возмещение ущерба, причиненного ребенку. Семейная сфера нуждается в взвешенном подходе¹³¹. Аналогичного подхода придерживаются специалисты в семейном праве¹³².

При этом ограничение и лишение родительских прав выступают мерами, которые встроены в «общий механизм защиты прав ребенка». Последний можно охарактеризовать в качестве совокупности институтов и инструментов, позволяющих обеспечить соблюдение интересов ребенка во всех ситуациях. Предложенный диссертантом подход также соответствует позициям, содержащимся в правовой доктрине. Так, Э.Э. Кантемирова обосновывает, что «под механизмом защиты прав ребенка следует понимать систему взаимодействующих социальных и правовых средств, применяемых для обеспечения реализации его прав. Речь идет о системе взаимодействующих средств социальной и правовой защиты прав ребенка»¹³³. Схожее понятие рассматривалось и Р.В. Морозовой, которая отмечала, что «механизм правовой защиты прав и законных интересов несовершеннолетних - это совокупность составляющих его элементов: правовых норм, нормативных актов, правовых отношений, индивидуальных актов, правосознания и правовой культуры»¹³⁴. Учитывая взаимосвязь всех вышеперечисленных аспектов ограничение и лишение

¹³¹ Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3.

¹³² Рабец А.М. Проблемы практического применения теории "правового и индивидуального регулирования" в семейном праве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 18 - 21.

¹³³ Кантемирова Э.Э. Механизм защиты прав ребенка в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №2.

¹³⁴ Морозова Р.В. Правовые и организационные основы защиты прав несовершеннолетних в деятельности милиции общественной безопасности: Дис.. канд. юрид. наук. М.2001. С.34

родительских прав выступают наименее желательным вариантом обеспечения интересов ребенка.

Роль юридической ответственности как составного элемента механизма защиты прав ребенка представляется исключительно важной, поскольку именно специальные меры семейно-правовой ответственности, включая, прежде всего, ограничение и лишение родительских прав, позволяют оперативно пресечь нарушение лицом семейно-правовых норм, влекущее за собой нарушение прав и законных интересов ребенка, а также не допустить таковые нарушения впредь.

§ 4. Правовая природа ограничения и лишения родительских прав

Безусловным приоритетом семейного законодательства является защита интересов детей, как представителей подрастающего поколения, формирующих будущее Российской Федерации как в общегосударственном смысле, так и в смысле гармоничного развития общества и его институтов.

Интересы детей обеспечиваются, прежде всего, надлежащим воспитанием, что находит свое отражение в статье 54 СК РФ, согласно которой право на жизнь и воспитание в семье представляет собой важнейшее право ребенка, которое может быть ограничено лишь в тех случаях, когда совместное проживание с родителями противоречит интересам ребенка.

Таким образом, основанием для лишения и ограничения родительских прав является несовместимость реализации такого права с интересами ребенка, когда родительское право, ввиду его реализации теми методами и теми способами, которые наносят ущерб психическому и физическому здоровью ребенка, ущемляют его человеческое достоинство, равно как и способствуют

формированию антиобщественной, маргинальной личности в различных проявлениях этого понятия.

В таком случае вышеперечисленные последствия для ребенка выступают последствием несоблюдения родительских обязанностей¹³⁵.

В отношении правовой природы лишения и ограничения родительских прав в правовой науке существует дискуссия, обусловленная различными позициями ученых относительно самостоятельности отрасли семейного права. Так, М.В. Антокольская, рассматривая семейное право в качестве подотрасли гражданского права, определяет лишение и ограничение родительских прав как специфическую разновидность гражданско-правовой ответственности¹³⁶.

С обратной позицией выступают Л.М. Пчелинцева, А.М. Нечаева, Л.М. Муратова, которые относят лишение и ограничение родительских прав к семейно-правовой ответственности¹³⁷, поскольку семейное право есть самостоятельная отрасль права. При этом ключевым является лишение субъективных семейных прав¹³⁸.

Несмотря на комплексный характер указанной дискуссии, все же представляется обоснованной позиция об отнесении семейного права к самостоятельной отрасли права, и, следовательно, об отнесении лишения и ограничения родительских прав к семейно-правовой ответственности.

Данная точка зрения представляется справедливой и потому, что рассматриваемые институты, как мера семейно-правовой ответственности, обладает сущностными признаками, отличающими ее от категории гражданско-правовой ответственности: личностный характер, специфическая связь с морально-

¹³⁵ Чеснокова Ю.В. Проблемные аспекты реализации права родителей на воспитание детей // Право и государство: теория и практика. 2023. №8 (224). С. 267-269.

¹³⁶ См.: Толстой Ю.К., Сергеев А.П. Гражданское право: Учебник. В 3 ч. М.: Проспект, 2002. Ч. 3. С. 526; Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 2002. С. 227.

¹³⁷ Муратова С.А. Семейное право: Учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2001. С. 160; Пчелинцева Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. М.: Норма, 2009. С. 329; Нечаева А.М. Семейное право. М.: Юристъ, 2008. С. 190.

¹³⁸ См.: Семейное право на рубеже XX - XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции / И.Ф. Александров, О.С. Алферова, З.А. Ахметьянова и др.; отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. 446 с.

нравственными категориями, особый порядок применения мер ответственности, определенный законом.

В науке семейного права правовая природа ограничения и лишения родительских прав рассматривается с нескольких позиций:

1) как мера семейно-правовой ответственности. Как уже отмечалось ранее, лишение и ограничение родительских прав составляют основу института семейно-правовой ответственности.

2) как мера родительской ответственности. Ряд исследователей полагают целесообразным различать понятия «семейно-правовая ответственность» и «родительская ответственность». Так, Э.Н. Сабитова раскрывает самостоятельность родительской ответственности, обосновывая это тем, что он реализуется исключительно в позитивном аспекте¹³⁹.

Таким образом, в названном ключе лишение и ограничение родительских прав рассматриваются не как правовая санкция в ее «чистом виде», но как прекращение/ограничение связи между родителями и детьми, приводящее к фактическому ограничению семейной правоспособности.

Морально-нравственный аспект в данном случае превалирует над правовым, а тяжесть неблагоприятных последствий переносится с сугубо правового поля в область духовную. Родители и дети, помимо связи юридического порядка, обладают еще более прочной связью, произрастающей из факта родства, формирующей связь нравственного порядка, выражающуюся, в частности, в возможности доверительного общения, морально-психологического воздействия, осуществления воспитания.

Тем самым, лишение и ограничение родительских прав есть не просто санкция правового порядка, но и прерывание (полное или частичное) указанного рода связи между родителями и детьми, что влечет за собой фактическое прекращение позитивной ответственности родителей, и наступление негативной (ретроспективной) ответственности, имеющей юридическое оформление.

¹³⁹ Сабитова Э.Н. Понятие, способы и формы защиты семейных прав: теоретические аспекты / Э.Н. Сабитова // Семейное и жилищное право. 2017. № 6. С. 16.

3) как способ защиты прав ребенка. С одной стороны, ограничение или лишение родительских прав предполагает ущемление права ребенка на совместное проживание с родителями.

Однако, в данном случае, по мнению автора, названное право само по себе не является самостоятельным и непосредственно действующим, поскольку его существование обусловлено не просто совместным проживанием как самоцелью, но необходимостью дать ребенку надлежащее воспитание, окружить должной заботой, любовью, «семейной атмосферой» и пониманием того, что его жизнь и развитие есть высочайшая ценность не только для государства, являющегося для отдельно взятого ребенка, все же, абстрактной категорией, но, в первую очередь для родителей, как наиболее близких людей.

В результате, в случае, если совместное проживание имеет отрицательный характер для ребенка, приводит к физическому, психологическому, сексуальному насилию, унижению человеческого достоинства и прочим негативным последствиям, влекущим за собой взращивание «больного» члена общества, создающим предпосылки для маргинализации ребенка, нарушения важнейших прав последнего, совместное проживание из блага трансформируется в бедствие для ребенка, что и обуславливает необходимость ограничения права на совместное проживание с родителями для цели защиты других основополагающих прав ребенка.

Таким образом, правовая природа лишения и ограничения родительских прав складывается из триединства следующих составляющих: мера родительской ответственности, как специфического рода ответственности, носящей морально-психологический характер; мера семейно-правовой ответственности, являющейся отраслевым видом ответственности, отличным от гражданско-правовой ответственности, а также способ защиты прав ребенка, причем последнее здесь выступает и как способ, и как цель применения данного рода мер.

Кроме того, специфика лишения и ограничения родительских прав заключается в ее отличии от лишения правосубъектности. Рассматриваемые институты характеризуются лишением конкретных прав личности, вызванное

совершением правонарушения, злоупотребление правом, а также неисполнением надлежащим образом родительских обязанностей. Как отмечает Н.В. Витрук, данный механизм последовательно отличается от лишения дееспособности как элемента правосубъектности в целом¹⁴⁰. Указанное следует из комплексного толкования статьи 127 СК РФ, предусматривающий запрет быть усыновителем для таких лиц как:

- недееспособные;
- лишенные или ограниченные в соответствующих правах;
- ограниченно дееспособные;
- лиц, отстраненных от обязанностей опекуна ввиду ненадлежащего исполнения обязанностей;
- иные категории.

Исходя из представленного не вполне обоснованным является подход исследователей любое лишение прав в качестве ограничения отраслевой правоспособности¹⁴¹.

Значимым элементом, связанным с определением правовой природы рассматриваемых институтов, является сам феномен родительской правоспособности, которая в научной литературе рассматривается как с подхода полной, т.е. содержащей «правообязанности», так и с позиции отсутствующей полностью¹⁴².

Фактически речь идет о «совмещении» прав и обязанностей, что наиболее характерно для семейного законодательства¹⁴³.

С учетом изложенного, следует выделить следующие особенности правовой природы лишения и ограничения родительских прав:

¹⁴⁰ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. 448 с.

¹⁴¹ См. Бегичев Б.К. Указ. соч. С. 181 - 219; Новоселов В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении. С. 111; Михайлов А.И. О трудовой правосубъектности медицинских и фармацевтических работников // Вестник Моск. ун-та. Сер. XII. Право. 1972. № 3. С. 67 - 68; и др.

¹⁴² Рабец А.М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах о личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Научные труды РАЮН. 2003. № 3. Т. 2. С. 162 - 163.

¹⁴³ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.

1. Ключевой задачей лишения и ограничения родительских прав является защита прав ребенка, а именно, недопущение нарушения прав ребенка и пресечение уже имеющих место действий (бездействия), приводящего к нарушению прав ребенка.

2. Специфика сферы правового регулирования семейных отношений обуславливает и особенности воздействия рассматриваемого рода ответственности на субъектов – нарушителей семейно-правовых норм, которые имеют характер как морального воздействия, происходящего из особой степени общественного осуждения нарушения лицом нравственных правил, сформировавшихся в общественном сознании применительно к брачно-семейным отношениям, так и особой реакции государства на выявленные факты, являющиеся основаниями для ограничения или лишения родительских прав.

3. Ограничение/лишение родительских прав, с учетом вышеизложенного, имеет особую правовую природу, будучи как мерой юридической ответственности родителя (родителей), так и особой мерой защиты прав и интересов несовершеннолетних детей.

ГЛАВА II. ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

§ 1. Основания применения меры юридической ответственности в виде ограничения родительских прав

Ограничение родительских прав предполагает отобрание ребенка у родителей без применения такого исключительного механизма как лишение родительских прав. Исходя из пункта 1 статьи 73 СК РФ следует, что ограничение родительских прав реализуется с учетом интересов ребенка. Рассматриваемый элемент направлен на обеспечение возможности ребенку принимать решения, напрямую связанные с процессом его воспитания¹⁴⁴. Доктрина семейного права рассматривает учет мнения ребенка в качестве фактора, обладающего значением для всего механизма регулирования семейных отношений¹⁴⁵. Нередко предмет научных исследований составляет феномен право на достойную жизнь каждого ребенка¹⁴⁶, закрепленного на уровне международных документов.

Фактически все используемые подходы, которые выработаны мировым сообществом в течение длительного исторического развития, предполагают создание определенной системы сдержек и противовесов, которая позволяет одновременно исключить чрезмерное вмешательство в семейные отношения при этом предоставив полноценную защиту детям, которые являются наименее

¹⁴⁴ Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18 - 21.

¹⁴⁵ См.: Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11 - 15; Ильина О.Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в Российской Федерации: законодательство, правоприменительная практика, российская наука: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 74 - 79; Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о праве ребенка на выражение мнения // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия "Гуманитарные науки". 2018. № 2(44). С. 49 - 53; Якушев П.А. Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 12А. С. 89 - 97 и др.

¹⁴⁶ Рабец А.М. Проблемы реализации права несовершеннолетнего на достойную жизнь по действующему наследственному законодательству РФ // Наследственное право. 2019. № 1. С. 16 - 19.

защищенным субъектом. В свою очередь, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, «конституционный принцип государственной поддержки и защиты семьи, лежащий в основе правового регулирования семейных отношений, предполагает приоритет семейного воспитания детей, заботу об их благосостоянии и развитии, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, судебную защиту этих прав, которые могут быть федеральным законом ограничены в конституционно одобряемых целях, в том числе для защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц»¹⁴⁷. Соответственно с точки зрения правового регулирования, направленного на защиту прав и законных интересов ребенка, законодатель рассматривать их в качестве уязвимой и зависимой стороны семейных отношений.

Безусловно, не вызывает сомнений, что ограничение родительских прав должно реализовываться в рамках, заложенных законодателем (исходя из конституционных требований) соответствующих подходов к ограничению родительских прав. В частности, речь идет о конституционном принципе соразмерности и взаимосвязанными с ним требованиями адекватности и пропорциональности используемых средств. В таком случае ограничение родительских прав возможно лишь при условии, что добиться такого эффекта иными средствами правового воздействия фактически невозможно. Учитывая высокую роль моральных аспектов в рамках института ограничения родительских прав в каждом конкретном судебном разбирательстве должны учитываться как права и законные интересы участников конкретных правоотношений, так и соблюдаться баланс конституционных ценностей.

¹⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» // Собрание законодательства РФ. 02.07.2018. № 27. Ст. 4138.

Рассматривая с точки зрения сравнения отечественного и зарубежных подходов возможность ограничения родительских прав необходимо отметить, что в ряде европейских государств на уровне конституционного регулирования предусматривается возможность ограничения родительских прав. В частности, подобные положения содержатся в конституциях: Словении (статья 54)¹⁴⁸, Польши (часть 2 статьи 48)¹⁴⁹, Болгарии (часть 5 статьи 47)¹⁵⁰, Германии (часть 3 статьи 6)¹⁵¹, Сербии (абзац второй статьи 65)¹⁵², Словакии (часть 4 статьи 41)¹⁵³, Чешской Республики (часть 4 статьи 32 Хартии основных прав и свобод)¹⁵⁴, Португалии (часть 6 статьи 36)¹⁵⁵, Республики Беларусь (абзац четвертый статьи 32)¹⁵⁶.

В отличие от вышеуказанных подходов в Российской Федерации указанные положения не закрепляются на уровне Основного закона. В статье 67.1 Конституции Российской Федерации предусматривается лишь приоритет семейного воспитания.

Соответственно возможность применения данного института всецело зависит от интересов ребенка, которые выражаются в создании условий для благополучного развития¹⁵⁷. Термин развитие выступает ключевым в системе оценки интересов ребенка¹⁵⁸.

¹⁴⁸ Конституция Республики Словения от 23.12.1991. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovenia.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁴⁹ Конституция Республики Польши от 02.04.1997. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵⁰ Конституция Республики Болгарии от 12.07.1991. URL: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵¹ Основной закон Федеративной Республики Германии от 23.05.1949. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵² Конституция Сербии от 30.09.2006. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=369> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵³ Конституция Словацкой Республики от 01.09.1992. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵⁴ Хартия об основных правах и свободах Чешской Республики от 16.12.1992. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7330> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵⁵ Конституция Португальской Республики от 02.04.1976. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵⁶ Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁵⁷ Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵⁸ Нечаева А.М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2012. № 6. С. 62.

При этом они напрямую связаны с его правами. Последние, в свою очередь, имеют ключевое значение и рассматриваются, в том числе через благоприятные взаимоотношения¹⁵⁹.

Обоснованно рассматривать интересы ребенка также через призму благ родителей в родительских правоотношениях, включая такие аспекты как право на общение, совместное проживание и т.д.¹⁶⁰. Учитывая, что развитие ребенка должно включать в себя возможность общения на постоянной основе со своими родственниками¹⁶¹ государству важно объективно подходить к трактовке содержания злоупотребления родительскими правами.

Как справедливо указывает О.Г. Миролубова интересы ребенка представляют собой потребности ребенка, охраняемые в особом порядке законом, выражающиеся в материальных или духовным благах, призванных обеспечить гармоничное личностное развитие. Они служат регулятором деятельности всех субъектов, так или иначе связанных с семейными правоотношениями¹⁶².

Кроме того, интересы ребенка преимущественно связаны с охранительным регулированием субъективных прав и обязанностей¹⁶³.

Особенно актуален вопрос интересов ребенка в информационно-правовых отношениях¹⁶⁴, так как их распространенность с каждым годом значительно возрастает.

Исходя из указанного можно отметить, что данная категория включает в себя множество элементов, подлежащих оценке применительно к конкретной жизненной ситуации.

¹⁵⁹ См.: Емелина Л.А., Лебедь М.В. Право ребенка на общение с отдельно проживающим после расторжения брака родителем // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 6 - 10. Емелина Л.А. Особенности семейных отношений в современном мире как фактор трансформации семейного законодательства // Юрист ВУЗа. 2009. № 5. Емелина Л.А. Правовые основы защиты прав детей в Российской Федерации // Человек и закон. 2008. № 1.

¹⁶⁰ Ульянова М.В. Юридическая ответственность в сфере семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 31 - 35.

¹⁶¹ Муратова С.А. Семейное право: учебник для студентов высших учебных заведений / С.А. Муратова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 375 с. С. 164.

¹⁶² Миролубова О.Г. О семейно-правовом понятии "интересы ребенка" // Вестник ЯрГУ. Сер. "Гуманитарные науки". 2012. № 4/1. С. 57 – 58.

¹⁶³ Шерстнева Н.С. Принципы Российского семейного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 151.

¹⁶⁴ Сустина Т.И. Интересы несовершеннолетних в информационноправовых отношениях и состояние их информационной безопасности // Образование и право. 2023. №7. С. 423-425.

Интересы ребенка рассматриваются с точки зрения благополучия, который также не имеет единой трактовки. При этом ограничение и лишение родительских прав предполагают однозначного определения субъекта, к которому могут быть применены такие меры ответственности¹⁶⁵. В научной доктрине отмечается отсутствие единства законодателей в вопросе юридической роли фактического родителя¹⁶⁶.

Не исключая важности вышерассмотренных подходов к интересам ребенка, непосредственное их воплощение уже в случае наличия судебного разбирательства должно быть предметом тщательного рассмотрения судом. В этой связи председатель судебного состава Владимирского областного суда П.А. Якушев, рассматривает резолютивную часть решения суда как один из самых значимых элементов, направленных на реализацию рассматриваемого вопроса¹⁶⁷.

Безусловно, ребенок в семейных правоотношениях выступает «слабой» стороной, что порождает важность установления механизмов правового регулирования, которые преимущественно направлены на реализацию его интересов.

Например, в Канаде родителем признается лицо, продемонстрировавшее устойчивое намерение установить с ребенком родительские правоотношения. Фактически Family Law Act 1990 (Закон о семье) предусматривает возможность признания в качестве родителя любого лица, не являющегося опекуном ребенка, без учета какой-либо биологической связи с ребенком.

Согласно Закону о семейном праве Эстонии представлять интересы ребенка, проживающего в приемной семье, вправе лицо, фактически за ним ухаживающее и воспитывающее его.

В данном случае можно утверждать о формировании доктрины фактического родительства. При этом в отечественной правовой системе указанная концепция не

¹⁶⁵ Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало и др.; Под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.

¹⁶⁶ Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 208 - 238.

¹⁶⁷ Якушев П.А. Резолютивная часть решения суда по спорам о воспитании детей как квинтэссенция выводов о наилучших интересах ребенка // Судья. 2019. № 10. С. 12 - 19.

реализована, а существующие теоретические исследования затрагивают лишь часть ее элементов.

Правовое регулирование ограничения родительских прав не предполагает исчерпывающий перечень случаев, при наступлении которых возможно его применение. Анализ научной литературы и правоприменительной практики демонстрирует возможность его применения в следующих ситуациях:

1. Оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, которые не зависят от родителей. Применительно к данному аспекту, как отмечает ВС РФ в Постановлении Пленума № 44, законодатель не устанавливает возможность ограничения родительских прав исходя из признания последних недееспособными или ограниченно дееспособными. Несмотря на это ограничение родительских прав должно сопровождаться конкретными и персональными доводами, изложенными в судебном акте¹⁶⁸.

Представляется, что данное положение возможно применять даже в случае отсутствия реальной опасности для ребенка на текущий момент, но при высокой возможности создания угрозы для ребенка. Кроме того, в научной литературе высказывается позиция о том, что ограничение родительских прав представляет собой меру защиты прав и интересов ребенка, не влекущих тех негативных последствий для родителей, которые предусмотрены в случае лишения родительских прав¹⁶⁹.

При этом возникает вопрос о применимых критериях, которые могут использоваться для оценки ситуации в семье в качестве опасной для ребенка¹⁷⁰. Представляется, что ограничение родительских прав по рассматриваемому основанию связано с временной невозможностью родителей исполнять надлежащим образом свои обязательства.

¹⁶⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2018 г. № 19-КГ17-39 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶⁹ Каймакова Е.В. Актуальные вопросы лишения и ограничения родительских прав в семейном законодательстве: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия "История и право". 2012. № 1. Ч. 1. С. 76 - 77.

¹⁷⁰ Гусева В.А. Проблемы применения ограничения родительских прав как семейно-правовой санкции // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 208 - 209.

Вместе с тем возможность вмешательства в данную сферу должно соответствовать требованию к государству о содействии существованию семейной связи с ребенком¹⁷¹. Например, в деле «Кочеров и Сергеева» против Российской Федерации Европейский суд по правам человека (далее также ЕСПЧ) признал необоснованным ограничение родительских прав по таким доводам как:

- 1) трудности в общении;
- 2) отсутствие навыков воспитания;
- 3) умственная отсталость заявителя;
- 4) недееспособность матери (заявителем был отец);
- 5) отсутствие финансовой возможности воспитывать ребенка¹⁷².

Европейским судом по правам человека было установлена недоказанность перечисленных обстоятельств. Кроме того, семейное законодательство не предусматривает перечисленные обстоятельства в качестве основания для ограничения родительских прав.

В свою очередь, возникают также вопросы об их соотношении с критерием опасности для ребенка. В результате было указано на отсутствие достаточных оснований для вмешательства государства в данные правоотношения. При этом сама возможность обеспечения определенных подготовительных мероприятий Европейским судом по правам человека признается допустимой¹⁷³.

Представленное означает необходимость правовых конструкций, позволяющих обеспечить учет интересов ребенка без ограничения родительских прав в тех случаях, когда объективна подобная потребность отсутствует. Представляется, что стечение тяжелых обстоятельств и иные схожие

¹⁷¹ Постановление Европейского Суда по делу "Киган против Ирландии" (Keegan v. Ireland) от 26 мая 1994 г., § 50, Series A, N 290, и Постановление Европейского Суда по делу "Крон и другие против Нидерландов" (Kroon and Others v. Netherlands) от 27 октября 1994 г., § 32, Series A, N 297-C)

¹⁷² Дело «Кочеров и Сергеева (Kocherov and Sergeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 16899/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 1 (175).

¹⁷³ Постановление Европейского Суда от 8 января 2008 г. по делу "Р.Р. против Польши" (R.R. v. Poland), жалоба № 8677/03, § 82, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Хокканен против Финляндии", § 53, и Постановление Европейского Суда по делу "Игнакколо-Зениде против Румынии" (Ignaccolo-Zenide v. Romania), жалоба № 31679/96, § 96, ECHR 2000-I

Постановление ЕСПЧ от 13.11.2012 Дело «Y.U. против Российской Федерации» (жалоба № 41354/10) // Российская хроника Европейского Суда. 2013. № 3.

обстоятельства должны являться основанием для ограничения родительских прав только при условии их длительности.

Действующая редакция Семейного кодекса Российской Федерации не учитывает аспекты возможности реализации подготовительных мероприятий без ограничения родительских прав, дифференциации обстоятельств для применения рассматриваемого института.

Достаточно примечательным также является дело Европейского суда по правам человека «А.М. и другие против Российской Федерации». В суде рассматривался вопрос о правомерности ограничения родительских прав заявительницы, которая сменила пол с мужского на женский.

При этом дети оставались с матерью, но лишь иногда встречались с заявительницей. Основанием для ограничения родительских прав стало возможное негативное влияние на психологическое здоровье детей. По итогам рассмотрения Европейским судом по правам человека было установлена необоснованность данного подхода, так как выводы судов подтверждались лишь заключениями экспертов, которые не были научно обоснованы¹⁷⁴. Исходя из этого возникает вопрос о категории опасности как основания для ограничения родительских прав.

2. Оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно вследствие их поведения. Для ограничения родительских прав в данном случае ключевым является отсутствие достаточных оснований для лишения родительских прав. Для применения данного основания суд должен проанализировать положения статьи 69 СК РФ, устанавливающей случаи, при которых возможно лишение родительских прав.

Фактически к рассматриваемым случаям можно отнести все ситуации, характеризующиеся опасностью для ребенка, но не предусмотренные в перечне для лишения родительских прав. В отличие от предыдущего основания для ограничения родительских прав принципиальным является последующая оценка поведения родителей (одного из них). В свою очередь, не изменение поведения по

¹⁷⁴ Боднарчук О. Постановление ЕСПЧ «Дело А.М. и другие против Российской Федерации» от 06.07.2021, жалоба № 47220/19 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 9. С. 151 - 152.

истечении 6 месяцев влечет обязанность органа опеки и попечительства предъявить иск о лишении родительских прав.

Подобный механизм предполагает возможность квалификации первоначально установленного обстоятельства, являющегося основанием для ограничения родительских прав, как случая, за который следует лишение родительских прав, при условии отсутствия исправления.

Подобное регулирование не отвечает критерию правовой определенности¹⁷⁵, так как, с одной стороны, ВС РФ указывает на исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав, предусмотренный в статье 69 СК РФ¹⁷⁶, а с другой, наличие безусловной обязанности по обращению в суд с иском о лишении родительских прав со стороны органа опеки и попечительства означает, что наличие опасности для ребенка также может стать основанием для лишения родительских прав в определенных случаях.

Неоднозначным является конструкция «изменения поведения», так как она не позволяет однозначно установить условия, при которых необходимо обращение в суд с иском о лишении родительских прав.

Более того, ВС РФ в Постановлении Пленума № 44 расширенно толкуя рассматриваемую норму предполагает возможность анализа не только поведения, но и образа жизни родителей (пункт 24).

Данное толкование предусмотрено в рамках отмены ограничения родительских прав или возвращения ребенка родителям, но также может служить индикатором для возможности применения института лишения родительских прав.

¹⁷⁵ Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, неопределенность содержания правовой нормы препятствует ее единообразному пониманию, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации (постановления от 06.04.2004 № 7-П, от 20.12.2011 № 29-П, от 02.06.2015 № 12-П).

При этом Конституционно-правовое требование определенности правового регулирования может быть обеспечено выявлением взаимосвязей среди правовых предписаний, в частности в судебном разъяснении их применения (постановления от 11.11.2003 № 16-П, от 14.04.2008 № 7-П, от 05.03.2013 № 5-П, от 23.05.2013 № 11-П и от 28.11.2017 № 34-П; Определение от 20.05.2021 № 879-О). В этой связи рассматриваемая ситуация, связанная с наличием толкования в судебной практике, не может быть разрешена в рамках судебного разъяснения.

¹⁷⁶ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. июль. 2012.

Достаточно примечательно, что оценка поведения и образа жизни нормативно закреплена лишь в отношении восстановления в родительских правах (статья 72 СК РФ), но не предусмотрена статьей 76 СК РФ, касающейся отмены ограничения родительских прав.

Достаточно расширительное толкование, содержащееся в Постановлении Пленума № 44, позволяет утверждать тот факт, что уполномоченный орган обладает возможностью по обращению с иском о лишении родительских прав также в случае изменения образа жизни родителей.

В результате можно сказать о наличии определенных противоречий в рамках реализации механизма ограничения родительских прав.

Правовая доктрина небеспочвенно рассматривает отсутствие скоординированного регулирования вопросов свободы усмотрения супруга по выбору места жительства и применения института лишения родительских прав в тех случаях, когда родители не изменяют своего поведения в течении шести месяцев после вынесения решения, предусматривающего ограничение родительских прав¹⁷⁷.

Представленные концептуальные недостатки особенно важны при комплексном применении соответствующих положений, учитывая высокий уровень дискреции судов в ходе применения институтов ограничения и лишения родительских прав.

Недостаточно определенной может рассматриваться оценка изменения поведения в институте ограничения родительских прав, так как ключевым для его применения является наличие реальной или возможной опасности для ребенка. Следовательно, выявить изменение поведения родителей к ребенку в случае ограничения в родительских правах достаточно проблематично.

На практике между судебным актом об ограничении в родительских правах и лишением ввиду не изменения поведения может пройти достаточно длительный период времени. Так, в деле девочки, находящейся большую часть жизни в

¹⁷⁷ Беспалов Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4 - 7.

перинатальном центре «Мать и дитя», в апреле 2020 года суд ограничил в родительских правах родителей девочки, а лишил их только в январе 2022 года, т.е. по прошествии практически двух лет¹⁷⁸.

В этой связи актуальным является замечание исследователей, отмечающих, что «органы опеки и попечительства не всегда эту обязанность исполняют, а иной механизм принудительного исполнения этой обязанности отсутствует»¹⁷⁹.

Анализ судебной практики, позволяет выделить следующую классификацию оснований для ограничения родительских прав:

1. Обстоятельства, связанные с условиями проживания (злоупотребление спиртными напитками, наркотическими веществами родителями¹⁸⁰, присутствие по месту жительства ребенка лиц, которые ведут аморальный образ жизни¹⁸¹, антисанитарные условия проживания¹⁸²);
2. Ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, подтвержденное несколькими административными протоколами по ст. 5.35 КоАП РФ¹⁸³;
3. Обстоятельства, связанные с отсутствием заботы со стороны родителей (систематическое оставление детей без присмотра¹⁸⁴, уклонение от направления ребенка на лечение при наличии соответствующих показаний¹⁸⁵, недостатки в обеспечении ребенка¹⁸⁶);

¹⁷⁸ Суд лишил прав родителей девочки, пять лет жившей в перинатальном центре. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/815885>

¹⁷⁹ Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11 - 15.

Аналогичной позиции придерживается П.А. Якушев (См.: Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.).

¹⁸⁰ См.: Решение Киржачского районного суда Владимирской области от 25.03.2015 по делу № 2-243/2015 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸¹ Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 28.08.2015 по делу № 2-2244/2015 // СПС КонсультантПлюс. Решение Суздальского районного суда Владимирской области от 07.04.2016 делу № 2-273/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸² Решение Кольчугинского городского суда Владимирской области от 29.01.2016 по делу № 2-77/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸³ Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 31.10.2015 по делу № 2-4928/2015 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁴ Решение Судогодского районного суда Владимирской области от 22.01.2016 по делу № 2-85/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁵ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 13.12.2016 по делу № 33-4938/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁶ Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 02.06.2016 по делу № 2-1689/2016 // СПС КонсультантПлюс.

4. Обстоятельства, напрямую затрагивающие вопросы безопасности ребенка (агрессия, физическое воздействие¹⁸⁷);

5. Обстоятельства, влекущие недостатки развития личности (непосещение по вине родителей образовательной организации в течении длительного времени¹⁸⁸).

При этом не всех из них однозначно трактуются всеми судебными инстанциями. Так, сам факт привлечения родителя к административной ответственности по статье 5.35 КоАП РФ не может являться безусловным основанием для ограничения родительских прав¹⁸⁹.

Рассмотренные случаи применения свидетельствует о важности анализа конкретно сложившейся ситуации для обоснованного вмешательства государства в права семьи.

Вместе с тем сама возможность ограничения родительских прав призвана в случаях, не подпадающих под критерии лишения родительских прав, обеспечить защиту прав ребенка. По мнению С.В. Алборова «ограничение родительских прав является легальным предупреждением родителей о необходимости корректировки своего поведения в отношении ребенка»¹⁹⁰.

Исходя из указанного необходимо отметить, что ограничение родительских прав существенно различается в зависимости от действий/бездействий родителей. Рассматриваемый институт направлен на отобрание ребенка в тех случаях, когда его дальнейшее нахождение с родителями или родителем может быть опасно.

Критерии наличия подобного обстоятельства являются компетенций судов в рамках оценки доводов заинтересованных лиц и представленных ими доказательств.

¹⁸⁷ Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 08.07.2015 по делу № 2-2755/2015 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁸ Решение Собинского городского суда Владимирской области от 22.06.2015 по делу № 2-241/2015 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁹ Решение Рузского районного суда Московской области от 24.11.2016 по делу № 2-2287/2016 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁹⁰ Алборов С.В. Обеспечение баланса интересов и прав супругов при осуществлении ими брачно-семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 3 - 6.

В свою очередь, принятие решения об ограничении родительских прав должно быть оправданным и не может быть признано обоснованным исключительно в случаях специфического воспитания, каких-либо иных взглядов родителей, не характерных для всего общества. Указанное свидетельствует о высокой значимости экспертных позиций, заключений для обеспечения правомерности судебных актов об ограничении родительских прав.

В результате отличительной особенностью ограничения родительских прав является возможность применения как в случае виновного поведения родителя, так и при отсутствии такого (невозможность обеспечивать реализацию интересов ребенка по не зависящим от него обстоятельствам). Указанное позволяет определять виновное поведение в качестве основания для применения меры ответственности по отношению к родителю, а второй случай рассматривать в качестве меры защиты по отношению к ребенку.

§ 2. Особенности применения института ограничения родительских прав

Ограничение родительских прав предполагает целый ряд специфических элементов, присущих непосредственно процессу предъявления и рассмотрения иска об ограничении родительских прав. Прежде всего, речь идет о субъектном составе лиц, которые имеют право обращаться с рассматриваемыми требованиями. Согласно пункту 3 статьи 73 СК РФ такой возможностью наделены:

- близкие родственники ребенка;
- органы и организации, которые в соответствии с законом обязаны осуществлять охрану прав несовершеннолетних детей;
- дошкольные образовательные организации;
- общеобразовательные организации;

- другие организации;
- прокурор.

В отличие от предъявления иска об ограничении родительских прав, субъектный состав на стороне истцов для целей применения института лишения родительских прав существенно меньше. В частности, таким правом наделены только:

- один из родителей или лицо, их заменяющее;
- прокурор;
- органы и организации, которые в соответствии с законом обязаны осуществлять охрану прав несовершеннолетних детей.

С одной стороны, учитывая, что лишение родительских прав является исключительным механизмом обеспечения безопасности ребенка, небольшой перечень лиц, обладающих рассматриваемым правом, оправдан.

С другой стороны, подобное регулирование вызывает вопросы, так как, во-первых, в соответствии с разъяснениями ВС РФ при рассмотрении иска о лишении родительских прав суд обладает правом при недостаточности оснований для удовлетворения такого иска ограничить в родительских правах.

В результате родительские права могут быть ограничены даже при подаче заявления, не уполномоченного на то субъекта в соответствии с СК РФ.

Во-вторых, ограничение и лишение родительских прав преследуют единые цели, что также проявляется в возможности применения последнего института в случае не изменения поведения лица в течение 6 месяцев после ограничения родительских прав.

В-третьих, законодатель в пункте 2 статьи 73 СК РФ устанавливает возможность ограничения родительских прав в случае опасности для ребенка вследствие поведения родителей, но недостаточности оснований для лишения родительских прав.

На наш взгляд, перечень субъектов, обладающих правом обращаться рассматриваемыми исками, должен быть идентичным. В свою очередь, суд в

процессе установления всех фактически обстоятельств дела должен определять наличие достаточных основания для крайней меры семейно-правовой ответственности. Обоснованность предложенного положения подтверждается обязательным участием в ходе данных дел прокурора, а также органа опеки и попечительства.

Не обеспечивает ясности применения института ограничения родительских прав положения статьи 77 СК РФ, предусматривающие механизм отобрания ребенка при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка.

По мнению исследователей, в качестве такой ситуации может рассматриваться оставление детей без присмотра, питания или истязание ребенка¹⁹¹. Учитывая, что в зависимости от возраста отличается психологическое, физиологическое и иное состояние, установить в рамках правового регулирования исчерпывающий перечень ситуаций не представляется возможным.

При этом в документах некоммерческих организаций непосредственная угроза раскрывается как вероятности наделения вреда ребенка, что может выражаться в таком поведении как нереалистичная оценка способностей ребенка, негативный настрой к нему и т.д.¹⁹². Еще большие вопросы вызывает рассмотрение жесткого обращения с ребенком через многодетность, низкую самооценку, сонный вид и т.д.¹⁹³.

В пункте 28 Постановления Пленума № 44 ВС РФ раскрывает данную категорию как угрозу, которая очевидно свидетельствует о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психологическому здоровью ребенка. Фактически охватываются все ключевые аспекты.

¹⁹¹ Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (2-е издание, переработанное и дополненное) // СПС Гарант.

¹⁹² См.: Административный регламент по исполнению государственной функции "Принятие мер по защите прав и законных интересов ребенка при получении сведений об их нарушении, об угрозе жизни или здоровью". С. 33. URL: http://www.sirotstvo.ru/files/5164/Stand_2.pdf (дата обращения: 20.10.2022)

¹⁹³ Методические рекомендации для педагогических работников образовательных учреждений Санкт-Петербурга «Методика (алгоритм) выявления случаев жестокого обращения с детьми и оказания помощи детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения в образовательном учреждении» URL: https://k-obr.spb.ru/media/uploads/userfiles/old_files/765/3.pdf (дата обращения: 20.10.2022)

Ключевой его особенностью является отсутствие необходимости соблюдения судебного порядка. Достаточным является принятие соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта РФ либо акта главы муниципального образования. Вместе с тем в рамках нормы, посвященной ограничению родительских прав, законодатель также использует формулировку «отобрание ребенка».

Как указывает П.А. Якушев отобрание ребенка характеризуется внесудебным механизмом, используемым при очевидной угрозе жизни или здоровью ребенка¹⁹⁴. При этом он применяется в случае виновного неисполнения обязанностей, что может быть обусловлено как объективными причинами, так и являться следствием злоупотребления правами.

По мнению О.Ю. Косовой, «используемый в СК РФ термин «отобрание детей» означает разновидность разлучения, инициированные и осуществляемые публичными органами действия, лишаящие детей и их родителей межличностного общения и взаимодействия в условиях совместной семейной жизни, предпринимаемые в случаях и в порядке, установленных законом»¹⁹⁵.

Использование рассматривает правовой конструкции приводит к отсутствию единства в толковании соответствующих норм. Безусловно, ее необходимость не вызывает вопросы, так как наличие механизма экстренного реагирования позволяет исключить в целом ряде случаев наиболее неблагоприятные последствия для ребенка.

Фактически применение отобрания ребенка может происходить в течение нескольких часов с момента поступления информации о нахождении ребенка в обстановке, которая угрожает его жизни или здоровью, т.е. реализуется как административная мера немедленного регулирования¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Якушев П.А. Изъятие ребенка из семьи без судебного постановления в контексте приоритета семейного воспитания ребенка как традиционной и правовой ценности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 17 - 20.

¹⁹⁵ Косова О.Ю. Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание // Lex Russica. 2023. №8 (201). С. 22-32.

¹⁹⁶ Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16 - 24.

Представляется, что в рамках ограничения родительских прав формулировка «отобрание ребенка» является излишней, так как одним из правовых последствий применения данного института является утрата права на личное воспитание. В свою очередь, отобрание ребенка представляет собой наиболее радикальный механизм, позволяющий в кратчайшие сроки обеспечить защиту прав несовершеннолетнего.

Достаточно парадоксально, но возможность отобрания ребенка в порядке статьи 77 СК РФ законодателем не ставится в зависимости от действий родителя, что порождает объективные вопросы, связанные с возможностью возникновения непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка при отсутствии вины родителей в этом.

Отобрание ребенка применяется как исключительная мера, возможность применение которой ставится в зависимость от чрезвычайности обстоятельств. При этом важным аспектом является последовательность в ее разграничении с иными мерами защиты прав несовершеннолетних, предусмотренных Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹⁹⁷ (далее – Федеральный закон № 120-ФЗ).

Принципиально важным также является указание ВС РФ в Постановлении Пленума № 44 на то, что тяжелое материальное положение не может являться самостоятельным основанием для применения статьи 77 СК РФ (п. 33). Ключевым является добросовестность исполнения обязанности по воспитанию детей.

Заслуживает одобрения позиция А.М. Нечаевой, рассматривающей создание законодателем путаницы между институтами ограничения родительских прав и отобранием ребенка. При этом каких-либо последовательных критериев их разграничения в действующем правовом регулировании не предусматривается¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

¹⁹⁸ Нечаева А.М. Особенности судебной защиты семейных прав ребенка // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 14 - 17.

Представляется, что использование единых понятий в рамках совершенно разных институтах не является оправданным, так как учитывая оценочность применяемых в данной сфере понятий, в полной мере разграничить ограничение родительских прав и отобрание ребенка не представляется возможным.

Не вызывает сомнения тот факт, что отобрание ребенка рассматривается как следствие применения рассматриваемых институтов. Следовательно, сам термин «отобрание» целесообразнее использовать в целях исполнения решения суда по данным вопросам. Возможно, в целях применения существующего механизма отобрания ребенка следует использовать термин «немедленное отнятие».

Разделение понятийного аппарата исключит двоякость в понимании данных институтов.

Кроме того, применение института ограничения в родительских правах возможно также в случае, когда родители не обеспечивают ограждение ребенка от существующей в семье угрозы, то есть не имеет правового значения источник возникновения угрозы¹⁹⁹. Учитывая, что для ограничения родительских прав важнейшим является критерий опасности, необходимо исследовать феномен опасного положения.

Согласно статье 1 Федерального закона № 120-ФЗ опасное положение раскрывается применительно к конкретным субъектам. Так, несовершеннолетним, который находится в социально опасном положении, признается лицо, которое ввиду безнадзорности или беспризорности находится в обстановке, характеризующейся опасностью для его жизни или здоровья либо не отвечающей требованиям к его воспитанию или содержанию.

В рассматриваемой статье также используется конструкция семьи, находящейся в социально опасном положении, в рамках которой ключевым выступает не исполнение обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию либо жестокое обращение с детьми. В судебной практике и в научной литературе

¹⁹⁹ Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.М. Нечаева. 3-е изд. М.: Юрайт, 2011.

подчеркивается, что понятие социально-опасного положение допускает очень широкого толкования²⁰⁰.

В этой связи возникает вопрос о соотношении социально опасного положения и опасности для ребенка. Представляется возможным рассматривать их единую природу. Так, исследователи раскрывают, что социально опасное положение представляет собой обстановку, которая является опасной для ребенка²⁰¹.

При этом проведение профилактической работы ввиду наличия социально опасного положения может быть существенно растянуто с момента появления такой информации²⁰². Соответственно применение института ограничения родительских прав не является единственным в случае выявления рассматриваемых обстоятельств.

Исследователями также обоснованно отмечается, что обширность практики лишения родительских прав обуславливается развитостью профилактических механизмов воздействия на родителей²⁰³.

Немаловажное значение оценка социально опасного положения играет в рамках установления трудной жизненной ситуации²⁰⁴, которое, в свою очередь, не может служить основанием для лишения родительских прав. В рамках социально опасного положения зачастую проводится индивидуальная профилактическая работа, призванная минимизировать возможность применения институтов ограничения или лишения родительских прав²⁰⁵.

²⁰⁰ Алейникова В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 3 - 7; № 5. С. 3 - 7.
Решение Томпонского районного суда Республики Саха от 26 мая 2020 г. по делу № 2А-М40/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1KtsJ8bmswZv/>.

²⁰¹ Галлямов Н.А. Детство без жестокости и насилия: защита и помощь // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 3. С. 13 - 16.

²⁰² Павлова Л.В. О совершенствовании координации и взаимодействия субъектов в сфере защиты прав ребенка // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 19 - 22.

²⁰³ Летова Н.В. Право ребенка на воспитание в семье: проблемы реализации и защиты // Социально-политические науки. 2022. №4. С. 121-128.

²⁰⁴ Леканова Е.Е. Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 103 - 110.

²⁰⁵ Герасименко Ю.В., Банщикова С.Л. Обследование семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 50 - 53.

Соответственно критерий опасности вытекает сразу и целого ряда положений, что предполагает возможность комплексного анализа в ходе рассмотрения судом дела об ограничении родительских прав.

Важным элементом, связанным с применением института ограничения родительских прав, является обязательное участие прокурора и органа опеки и попечительства при рассмотрении данного дела.

Подобное положение является идентичным и для порядка рассмотрения вопроса о лишении родительских прав. Законодатель таким образом указывает на публичность судебной защиты прав несовершеннолетних детей²⁰⁶.

Как отмечает ВС РФ в Обзоре практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей от 20.07.2011, представленное требование проистекает из статьи 4 Конвенции о правах ребенка, предполагающей обязанность государства обеспечить комплекс мер реализации соответствующих прав.

При этом в рамках применения института ограничения родительских прав получается, что законодатель предусматривает возможность участия органа опеки и попечительства и в качестве истца, так и лица, который обязан представлять компетентное заключение по существу спора²⁰⁷.

Возможная двойственность статуса органа опеки и попечительства, на наш взгляд, не приводит к каким-либо нарушениям в порядке применения института ограничения родительских прав, так как предполагает безусловную обязанность суда получить обоснованную позицию государственного органа.

В правовой доктрине вопросам правового статуса прокуроров, органов государственной власти уделяется немало внимания²⁰⁸. Вместе с тем феномену

²⁰⁶ Кострова Н.М. Судебная защита семейных прав: процессуальный аспект // Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства: Сборник статей / отв. ред. В.Н. Литовкин. М.: ОАО Издательский дом Городец, 2005. С. 142 - 153.

²⁰⁷ Справка Красноярского краевого суда от 25.05.2010 «По обобщению практики разрешения судами Красноярского края споров, связанных с воспитанием детей» // Буква закона. № 66. 2010.

²⁰⁸ См.: Бахарева О.А. Субъекты, защищающие от своего имени права других лиц в гражданском судопроизводстве (на примере участия органов местного самоуправления): Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 28; Евстифеева Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 120; Кулакова В.Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 4; Джандосова Е.В. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8; Артебякина Н.А. Теоретические и практические проблемы института лиц, участвующих в деле: Дис. ... канд. юрид.

реализации принципов гражданского процессуального права не уделяется должного внимания²⁰⁹. Непосредственно в рамках применения института ограничения родительских прав можно отметить фактическое преломление принципа диспозитивности²¹⁰.

Как отмечает К.В. Лапина, привлечение рассматриваемых субъектов обусловлено тем, что «только так возможно максимально полно защитить права как ребенка, так и родителя»²¹¹.

Указанное является оправданным, учитывая важность государства исключить или, по крайней мере, минимизировать возможность принятия решения об ограничении родительских прав в ситуации, когда объективно отсутствует необходимость применения такого рода ответственности.

Одной из важных особенностей применения такой меры ответственности как ограничение родительских прав является возможность рассмотрения в рамках одного дела также вопроса о лишении родительских прав.

Например, в одном из дел суд кассационной инстанции одновременно рассматривал иск о лишении родительских прав и встречный иск об ограничении родительских прав. В результате суд, основываясь в том числе на заключении отдела органа опеки и попечительства, пришел к выводу об отсутствии оснований для применения заявленных мер ответственности²¹².

Данный суд в другом деле № 88–13783/2022 отменил акты нижестоящих судов об ограничении одного родителя в родительских правах, а другого о лишении ввиду того, что судом не учтены такие вопросы как:

- жилищно-бытовые условия проживания ребенка;
- интересы ребенка, социальное и семейное окружение;

наук. Саратов, 2010. С. 13, 14; Табак И.А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 22.

²⁰⁹ Клабуков И.С. Соотношение принципов гражданского процессуального права и процессуального статуса прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 41 - 46.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Лапина К.В. Основания ограничения родительских прав лиц, осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 4. С. 26 - 30.

²¹² Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-13775/2022 // СПС КонсультантПлюс.

- отношение к новому месту жительства;
- эмоциональная привязанность ребенка к матери;
- последствия состояния ребенка после отрыва от матери²¹³.

Согласно обстоятельствам дела, мать была ограничена в родительских правах ввиду наличия признаков умственной отсталости легкой степени, а также неоднократным лечением в психиатрической больнице.

При этом заключением эксперта было установлено отсутствие угрозы со стороны матери для несовершеннолетнего ребенка в случае совместного проживания при условии соблюдения лечебно-охранительного режима. Основанием для лишения в родительских правах отца явилось отсутствие участия в воспитании дочери.

Заслуживает положительной оценке мотивы, по которым судом кассационной инстанции принято рассматриваемое определение. Помимо перечисленных обстоятельств, суд указал на несоблюдении Конвенции о правах ребенка и Декларации права ребенка.

Неоднозначным вопросом, выявленным в ходе рассмотрения судебной практики, является применение института ограничения родительских прав в случае уклонения от воспитания ребенка, отсутствия каких-либо мер по восстановлению детско-родительских отношений²¹⁴. Фактически действующая редакция СК РФ не предусматривает возможность применения рассматриваемого института в случае отсутствия опасности.

Учитывая судебную практику целесообразным является изложить абзац второй пункта 2 статьи 73 СК РФ в следующей редакции: «ограничение родительских прав допускается также в случаях, если родители (один из них) уклоняются от выполнения обязанностей родителей и (или) оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для

²¹³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-13783/2022 // СПС КонсультантПлюс.

²¹⁴ Апелляционное определение Московского городского суда № 2-152/2020, 33-33478/2020 // СПС КонсультантПлюс.

ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав».

Анализ практики судов общей юрисдикции позволяет рассматривать возможность применения института ограничения родительских прав в следующих случаях:

1. Невозможно надлежащее осуществление родительских прав ввиду психического расстройства, создающего опасность жизни или здоровья ребенка (указанное было установлено на основании судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы)²¹⁵;

2. Уклонение от исполнения обязанности заботиться о здоровье ребенка, положительное отношение ребенка к ограничению родительских прав родителя²¹⁶;

3. Жесткое обращение с ребенком, побои (например, в деле № 88-21474 Четвертым кассационным судом общей юрисдикции был установлен факт нанесения не менее пяти ударов шнуром от компьютера по малолетнему сыну²¹⁷), а также самоустранение от воспитания ребенка, при котором фактически воспитанием занимается другое лицо, реализующее неконструктивные и жесткие методы воспитания. При этом возникает вопрос о возможности неприменения лишения родительских прав в ситуации, когда такое поведение в силу статьи 69 СК РФ жесткое обращение с детьми влечет применение наиболее жесткой санкции семейного законодательства;

4. Наличие факта состояния на учете ввиду социально опасного положения, ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, неэффективность применяемых мер административной ответственности в отношении родителя. В свою очередь, подобные обстоятельства не могут

²¹⁵ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 по делу № 88-22086/2022 // СПС КонсультантПлюс.

Аналогичная позиция: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 по делу № 88-8280/2022, 2-760/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²¹⁶ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 по делу № 88-5050/2022 // СПС КонсультантПлюс.

²¹⁷ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2020 № 88-21474/2020 // СПС КонсультантПлюс.

нивелироваться тяжелым материальным положением, проживанием в аварийном жилье²¹⁸.

5. Сознательное исключение ребенком родителя из круга семьи, наличие у него мнения о том, что ограничение в родительских правах является возможностью создать зону безопасности с одновременным фактом наличия жесткого обращения с детьми²¹⁹.

Обобщая вышеуказанные позиции необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев ограничение родительских прав обусловлено совокупностью обстоятельства, свидетельствующих о наличии опасности для ребенка. Соответственно подобная опасность зачастую не раскрывается, а отмечаются только фактические обстоятельства дела, позволившие суду установить обоснованность заявления об ограничении родительских прав.

Достаточно распространенными случаями отказа в удовлетворении подобных требований являются следующие:

- сам факт наличия каких-либо заболеваний у ребенка, отсутствие положительной динамики лечения, не может являться основанием для применения института ограничения родительских прав²²⁰;
- наличие возбужденного уголовного дела в отношении родителя не является достаточным критерием для ограничения в родительских правах²²¹ (по мнению исследователей, сам факт нахождения в местах лишения свободы не препятствует ограничению родительских прав²²²);

²¹⁸ См.: Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2020 № 88-4300/2020 // СПС КонсультантПлюс.

²¹⁹ Апелляционное определение Московского областного суда от 26.03.2018 по делу № 33-6586/2018 // СПС КонсультантПлюс.

²²⁰ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2022 по делу № 88-1116/2022 // СПС КонсультантПлюс.

²²¹ См.: Апелляционное определение Воронежского областного суда от 17.01.2019 по делу № 33-146/2019 // СПС КонсультантПлюс.

²²² Рамонов Д.И. Особенности ответственности в виде ограничения родительских прав лиц, осужденных к лишению свободы, за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самарский юридический институт ФСИН России. 2014. С. 182 - 185.

Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи (См.: Бочкарев А.Е. Осуществление родительских прав лицами, содержащимися под стражей // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 21 – 23).

- личное мнение в отношении бывшего супруга (о возможном злоупотреблении алкоголем, наличие психического расстройства) не является доказательством, позволяющим суду применить рассматриваемый институт²²³.

Схожим образом суды толкуют наличие конфликтной ситуации между родителями²²⁴. При этом в случае наличия конкурирующих интересов, права ребенка должны быть приоритетом²²⁵.

Таким образом, ограничение родительских прав предполагает анализ наличия достаточных оснований для лишения родительских прав. Вместе с тем установленные в СК РФ особенности применения данного института не позволяют обеспечить возможность последовательного разграничения.

Соответственно предложенное изменение пункта 2 статьи 73 СК РФ, касающееся непосредственного закрепления в качестве основания для ограничения родительских прав – уклонение от выполнения обязанностей родителей, призвано обеспечить соответствие законодательства складывающейся судебной практике.

§ 3. Правовые последствия ограничения родительских прав

Ограничение родительских прав связано, прежде всего, с невозможностью последующего личного воспитания ребенка. В результате роль законного представителя переход к лицу, установленному в соответствующем порядке. Кроме того, родители, к которым применены рассматриваемые меры, не обладают

²²³ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2021 по делу № 33-19647/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²²⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2021 по делу № 33-13862/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²²⁵ Емелина Л.А. Базовые международно-правовые основы защиты прав детей в монографии Актуальные проблемы науки гражданского права на современном этапе под общ. ред. В. В. Кулакова, М. В. Ульяновой

правом выступать законными представителями детей, выступая в защиту их прав и интересов²²⁶. Законодателем для рассматриваемых целей используется конструкция утраты права на «личное воспитание ребенка» (п. 1 ст. 74 СК РФ).

При этом в нормативных правовых актах и правоприменительной практике не раскрывается существо данного понятия. Вместе с тем исследователями достаточно активно используется концепция семейного воспитания, рассматриваемого через субъективность родителя²²⁷. Кроме того, в конструкцию семейного воспитания также включаются принятие важных для ребенка решений (решение вопросов медицинского вмешательства, его образования, вопрос о вступлении в брак в ряде случаев и т.д.)²²⁸.

Несмотря на отсутствие регламентации «личного воспитания ребенка», необходимо отметить, что в полномочия родителей входит защита прав и интересов детей, законное представительство (ст. 64 СК РФ). При этом правовая норма, устанавливающая последствия ограничения родительских прав, не раскрывает функционирование данных положений применительно к такой обязанности родителей.

При этом исследователями справедливо отмечается, что действующая редакция статьи 62 СК РФ необоснованно упускает из виду правовой статус несовершеннолетних родителей, которые не состоят в браке²²⁹. Само по себе юридическое оформление брака несовершеннолетних не должно влиять на права и обязанности по участию в воспитании ребенка.

В свою очередь, специальная норма, регламентирующая защиту прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 121 СК РФ), закрепляет возложение защиты прав и интересов детей в случае ограничения в родительских правах родителей на органы опеки и попечительства.

²²⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.03.2012 № 5-В11-132 // СПС КонсультантПлюс.

²²⁷ Мардахаев Л.В. Семейное воспитание: проблемы и особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 13 (342). С. 173 - 178.

²²⁸ Комиссарова Е.Г., Краснова Т.В. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 672 - 697.

²²⁹ Вавилин Е.В., Кондрашова М.А. Семейное право на рубеже XX - XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции / И.Ф. Александров, О.С. Алферова, З.А. Ахметьянова и др.; отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. 446 с.

Представленное сопровождается отсутствием единства в юридической доктрине по вопросу определения перечня родительских прав и обязанностей. С одной стороны, отсутствие необходимости закрепления исчерпывающего перечня объясняется самостоятельным определением родителем методов и способов, используемых в воспитании ребенка²³⁰.

С другой, комплексность правового регулирования минимизирует возможность нарушения прав и интересов субъектов семейно-правовых отношений²³¹.

На наш взгляд, возможность закрепления всех положений, предусматривающих перечень родительских прав и обязанностей, является туманной. В свою очередь, правовое последствия ограничения родительских прав в виде утраты права на личное воспитание ребенка связано, прежде всего, с невозможностью в дальнейшем формировать личность ребенка.

Применительно к рассматриваемой норме государство стремится исключить возможные риски «опасности», которые были установлены в ходе рассмотрения вопроса об ограничении родительских прав, а также деструктивное влияние родителей.

Кроме того, учитывая, что право на воспитание ребенка одновременно является еще и обязанностью родителей²³², то обоснованным является прекращение всего воспитательного правоотношения в целом, включая связанные с ними конституционные обязанности²³³.

Вторым значимым аспектом, входящим в совокупность правовых последствий ограничения родительских прав, является утрата права на льготы и государственные пособия, которые предусмотрены для граждан, имеющих детей.

²³⁰ Смирновская С.И. Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 176 с. С. 3.

²³¹ Старосельцева М.М. О принципах осуществления родительских прав // Современное право. 2008. № 11. С. 36 - 38.

²³² Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 318 с.

²³³ Евстифеев Д.М. Конституционный долг личности в законодательстве и судебной практике // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 30 - 34.

Представленный механизм является логичным, так как напрямую связан с ненадлежащим исполнением родительских обязанностей. Аналогичное положение предусматривается в качестве основания для отказа в удовлетворении заявления о распоряжении средствами материнского (семейного) капитала (п. 5 ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее также Федеральный закон № 256-ФЗ)²³⁴). Достаточно примечательно, что в Федеральном законе № 256-ФЗ предусматривается наличие права у соответствующего органа отказать в удовлетворении заявления, в то время как СК РФ предусматривает императивную норму.

Кроме того, анализ статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ позволяет утверждать об отсутствии право на дополнительные меры государственной поддержки как такового в случае лишения родительских прав. При этом правовое последствие в виде утраты «права на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей», установлено как в статье 71, так и 74 СК РФ. В результате единое правовое последствие существенно разнится в нормах иных правовых актов.

Ограничение в родительских правах не предполагает освобождение родителей от обязанности по содержанию ребенка (п. 2 ст. 74 СК РФ). Прежде всего, речь идет о взыскании алиментов на ребенка, что прямо предусмотрено в нормах, посвященных ограничению родительских прав. Наличие данного правового последствия не зависит от обстоятельства, которое являлось причиной для применения данного института (например, сам факт статуса инвалида у родителя не предполагает возможность освобождения от уплаты алиментов²³⁵).

²³⁴ Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

²³⁵ Информация Минюста России от 20.07.2015 «Ответы на вопросы граждан, связанные с обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Социальный мир. № 32, 24 - 31.08.2015 (извлечения). Необходимость нести рассматриваемую обязанности практически при любых жизненных обстоятельствах подтверждается выводами Пензенского областного суда (См.: Актуальные проблемы рассмотрения споров, вытекающих из брачно-семейных отношений (подготовлены Пензенским областным судом 27.05.2016)).

Как отмечается в судебной практике, даже наличие отказа от установления соответствующих элементов представителем ребенка не может являться основанием для прекращения дела в указанной части, так как противоречит интересам ребенка²³⁶.

Более того, ограничение в родительских правах не предполагает безусловного лишения всех прав, в частности, сохраняется возможность участвовать в выборе места лечения и отдыха детей, целесообразности их выезда за пределы Российской Федерации²³⁷.

Последний аспект предусмотрен в виде права законного представителя несовершеннолетнего заявить о несогласии выезда ребенка за пределы Российской Федерации (ст. 21 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ)²³⁸).

Анализ положений Федерального закона № 114-ФЗ свидетельствует о значительном изменении редакции данного положения. Так, на момент принятия вышеуказанного решения Московским городским судом, законодателем не рассматривалось право на возражения как компетенция исключительно законного представителя.

Как подчеркивает П.М. Морхат «родители, лишённые родительских прав либо ограниченные в них, не могут быть законными представителями ребенка»²³⁹. Как следует из пояснительной записки к законопроекту № 1078996-7, которым внесены соответствующие изменения в Федеральный закон № 114-ФЗ его разработка была обусловлена выявленным несоответствием соответствующей

²³⁶ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2021 № 88-1964/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²³⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 02.03.2021 по делу № 33-9171/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²³⁸ Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 19.08.1996. № 34. Ст. 4029.

²³⁹ Морхат П.М. Привлекать или не привлекать органы опеки и попечительства при введении процедуры реструктуризации долга или реализации имущества должника? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 3. С. 63 - 71.

нормы Конституционным Судом РФ²⁴⁰. При этом данное не было связано с правовыми последствиями ограничения родительских прав.

Рассматривая последствия ограничения родительских прав, исследователи отмечают, что в данном вопросе суд общей юрисдикции осуществляет правоприменительную конкретизацию²⁴¹, что означает отсутствие изначально определенного перечня ограничений, которые указываются в содержании решения.

Обоснованность утверждения об ограничении лишь части прав родителей также следует из анализа иных норм законодательства Российской Федерации. Так, статья 1117 ГК РФ, посвященная недостойным наследникам, к таковым относит исключительно родителей детей, в отношении которых они в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в таких правах ко дню открытия наследства.

Закрепление подобного положения связано с защитой интересов семьи, выступающей «главной целью наследственного права»²⁴². Вместе с тем возможность составления завещания в отношении родителей, лишенных родительских прав, не ограничивается, что предполагает право детей «простить» своих родителей²⁴³. В правовой доктрине подобную возможность рассматривают как восстановление наследственных прав²⁴⁴.

Исходя из того, что восстановление в родительских правах возможно исключительно до достижения совершеннолетия возникает проблема изменения статуса недостойного наследника для родителей совершеннолетних детей.

²⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко» // Собрание законодательства РФ. 06.07.2020. № 27. Ст. 4287.

²⁴¹ Лазарев В.В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 5 - 16.

²⁴² Суханов Е.А. Российское гражданское право. В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник. Т. 1. М.: Статут, 2016. С. 686.

²⁴³ Огнева Н.И. Отстранение от наследования граждан: гражданско-процессуальный аспект // Наследственное право. 2016. № 3. С. 23 - 26.

²⁴⁴ Лиджиева С.Г. Восстановление наследственных прав по российскому гражданскому законодательству // Адвокат. 2016. № 4. С. 49 - 53. Муртазина Г.М. Правовые проблемы института недостойных наследников // Юрист. 2012. № 21. С. 18 - 21. Крашенинников П.В. Наследственное право. М.: Статут, 2016. С. 22.

В результате вне зависимости от наличия обстоятельств, предусмотренных статьей 72 СК РФ (восстановление в родительских правах), право такого родителя прекратить статус недостойного наследника фактически отсутствует.

Подобное регулирование не может рассматриваться как обоснованное ввиду того, что у детей фактически отсутствует возможность «простить» родителей в рамках специального института семейного законодательства, напрямую регламентирующего вопросы восстановления родительских правах.

Наличие возможности детей оформить соответствующее завещание не может рассматриваться как надлежащий механизм разрешения данной проблемы, так как существует возможность оспаривания завещания (ст. 1131 ГК РФ – недействительность завещания)²⁴⁵.

Кроме того, неоднозначным является сама возможность родителя, лишенного соответствующих прав, обращаться в суд о признании завещания недействительным в случае, когда существует еще одно (первоначальное) завещание, в соответствии с которым ему полагается то или иное имущества. Действующая норма пункта 2 статьи 1131 ГК РФ наделяет таким правом лиц, права или законные интересы которого нарушены завещанием.

Представляется, что «восстановленные» применительно к наследственным правоотношениям родители имеют возможность обратиться в суд с таким иском заявлением. Еще большие правоприменительные вопросы вызывают следующие ситуации:

1. Основания для восстановления в родительских правах присутствуют, но ввиду каких-либо обстоятельств в ходе судебного разбирательства ребенок достиг совершеннолетия, что исключает возможность удовлетворения заявления;

²⁴⁵ Подробнее об оспаривании завещания См.: Филинова Н.В., Толстова И.А., Матвеев П.А., Викторов В.Ю. Оспаривание завещания как разновидность недобросовестного поведения наследников // Нотариус. 2021. № 4. С. 34 – 37; Ходырева Е.А. Право наследования в гражданском праве России: монография. Москва: Статут, 2022. 386 с. Поповкин Н.А. Отстранение от наследования недостойных наследников // Нотариус. 2022. № 1. С. 32 - 39. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании // Наследственное право. 2021. № 2. С. 46 - 48. Гривков О.Д., Шичанин А.В. Правовые проблемы оспоримости завещания // Наследственное право. 2020. № 3. С. 28 - 31; № 4. С. 24 - 28.

2. Родитель был ограничен в правах, но не исправил своего поведения в течении 6 месяцев ввиду чего органом опеки и попечительства предъявлен иск о лишении родительских прав, не рассмотренный ввиду гибели ребенка.

Представленные ситуации являются лишь единичными случаями, в рамках которых адекватное применение существующих правовых норм фактически невозможно, так как, с одной стороны, при исправлении родителем своего поведения он при определенных обстоятельствах лишается права восстановления в родительских правах, но с другой стороны, родители, ограниченные в родительских правах, не изменившие свое поведение, не могут быть признаны недостойными наследниками, за исключением случая уклонения от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя (указанное возможно лишь по требованию заинтересованного лица в отличии от родителей, лишенных родительских прав, в отношении которое соответствующее требование не предъявляется).

В целях исключения противоречивости в рассмотренном вопросе целесообразным является предусмотреть отдельное положение, посвященное восстановлению в родительских правах в отношении совершеннолетних детей. Безусловно, применение такого института должно осуществляться исключительно при согласии детей.

Последствия ограничения родительских прав не должны противоречить интереса детей. В этой связи обеспечение защиты прав ребенка также достигается сохранением его права собственности на жилое помещение или право пользования жилым помещением, а также сохраняет имущественные права, которые основаны на факте родства с родителями и иными родственниками (п. 3 ст. 74 СК РФ).

В судебной практике отмечается отсутствие правового значения фактическое место проживания для приобретения права пользования жилым помещением²⁴⁶.

²⁴⁶ Определение ВС РФ от 01.09.2009 № 5-В09-105 // СПС КонсультантПлюс.

Важность обоснованного применения института ограничения родительских прав является наличие целого ряда проблем, связанных с воспитанием детей, оставшихся без попечения родителей²⁴⁷.

Законодателем также не раскрываются сроки ограничения родительских прав²⁴⁸, но одновременно с этим и не предусматривается длительность рассмотрения вопроса об отмене ограничения родительских прав.

В соответствии со статьей 154 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) гражданские дела подлежат рассмотрению до истечения двух месяцев со дня поступления соответствующего заявления. При этом в перечне дел, для которых установлен сокращенный – месячный срок, споры об отмене ограничения родительских прав не отнесены.

В случае ограничения родительских прав ввиду независимых от родителей обстоятельств справедливым является введение сокращенного срока для рассмотрения вопроса об отмене такого решения, так как соблюдение интереса ребенка был обусловлен экстраординарными обстоятельствами, при которых отобрание ребенка было вынужденной мерой.

Как указывают суды, при рассмотрении вопросов об отмене ограничении родительских прав, связанного с какими-либо заболеваниями, возможность удовлетворения такого заявления возможна лишь при доказанности прохождения лечения и стабильности психического состояния²⁴⁹.

При этом аспект улучшения жилищных условий может рассматриваться в качестве основания для отмены ограничения родительских прав²⁵⁰. При этом заявителем должны быть представлены доказательства изменения отношения по воспитанию и содержанию ребенка, избавлению от зависимостей²⁵¹.

²⁴⁷ Емелина Л.А. Социально-правовые проблемы выбора форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // Нравственные императивы в праве. 2011. № 5(15). С. 58-63.

²⁴⁸ Касаткина А.Ю. Конфликт интересов по семейному законодательству и его последствия // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 9 - 11.

²⁴⁹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2021 по делу № 88-10383/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²⁵⁰ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2020 по делу № 88-4300/2020 // СПС КонсультантПлюс.

²⁵¹ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 20.04.2017 по делу № 33-3569/2017 // СПС КонсультантПлюс.

Анализ судебной практики демонстрирует, что в случае удовлетворения заявлений об ограничении родительских прав в решениях отмечается возможность обращения с заявлением об отмене ограничения родительских прав в порядке, установленном статьей 76 СК РФ.

В свою очередь, семейное законодательство не предусматривает каких-либо положений, направленных на обеспечение поддержки родителей в процессе изменения своего поведения.

Как обоснованно отмечает Н.А. Матвеева, применение рассматриваемых мер семейно-правовой ответственности должно предусматривать всестороннюю помощь и содействие родителям в вопросе перемене образа жизни²⁵². Только развитием в подобной сфере возможно качественно повлиять на практику применения лишения и ограничения родительских прав. Реализация указанного предложения напрямую связана с интересом ребенка, особенно в тех случаях, когда он изъявляет мнение остаться с родителем.

В такой ситуации государство обязано создать наиболее эффективные механизмы, позволяющие такому лицу в кратчайшие сроки изменить свое поведение. Вместе с тем, важным является создание условий, обеспечивающих получение истинного мнения ребенка. Например, исследователи объективно утверждают о том, что ребенку проще поделиться с учителями, или другими представителями детских учреждений²⁵³.

Утрата права на личное воспитание ребенка как последствие ограничения родительских прав не лишает в абсолютном смысле возможности контакта с ребенком. Так, статья 75 СК РФ, предусматривает ее реализацию по полученному разрешению органа опеки и попечительства или иных уполномоченных субъектов.

Представляется, что наличие подобного права является важным элементом по исправлению родителя, ограниченного в соответствующих правах.

²⁵² Матвеева Н.А. Юридическая ответственность родителей за злоупотребление своими правами и неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 16 - 20.

²⁵³ Емелина Л.А. Правовые основы защиты прав детей в Российской Федерации / Л.А. Емелина // Человек и закон. 2008. № 1.

Нельзя не согласиться с Е.А. Татаринцевой, отмечающей взаимосвязь всех элементов социальной жизни в рамках воспитания детей. В этой связи требуется комплексное регулирование вопроса, предусматривающему возможность свидания родителей, которые лишены родительских прав со своими детьми²⁵⁴. Примечательно, что Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 года в статье 62 устанавливал такое право при условии согласия органа опеки и попечительства при условии, что такое общение не окажет на детей вредного влияния.

В этой связи закрепление указанного права в рамках отдельной статьи СК РФ обоснованно. Вместе с тем возможность контактов с ребенком зависит от наличия или отсутствия предполагаемого «вредного влияния». При этом в случае, когда подобное согласие дается уполномоченным органом, существует объективная возможность минимизировать эмоциональный фактор, то в случае, когда согласие необходимо получить от другого родителя, данный фактор может быть существенным.

При этом закрепление подобного положения может являться важным критерием оценки для последующего восстановления родительских прав, т.е. фактическая проверка исправления родителя.

В целях исключения необоснованного отказа в контактах, родитель, ограниченный в родительских правах, должен обладать эффективным институтом реализации такого права при условии объективного отсутствия вредного влияния.

Применительно к рассматриваемой норме родитель должен обладать правом обратиться в орган опеки и попечительства с целью оценки обоснованности отказа в контактах с ребенком. Кроме того, изначально не во всех ситуациях, предшествующих ограничению родительских прав, изначально существовало какое-либо вредное влияние. Соответственно необходимость его оценки во всех случаях не оправданна.

Таким образом, правовые последствия ограничения родительских прав предполагают совокупность элементов, влекущих утрату лишь части прав и

²⁵⁴ См.: Татаринцева Е.А. Преимущественные права в правоотношениях по воспитанию ребенка в семье // Актуальные проблемы российского права. № 5. май 2017 г.

обязанностей. Подобное регулирование призвано обеспечить возможность восстановления полноценного функционирования института семьи в каждом конкретном случае. В свою очередь, недостатком действующего законодательства Российской Федерации является отсутствие механизмов в СК РФ, направленных на исправление родителя или родителей. Важность подобных мер обусловлена задачей государства предпринять все меры для уменьшения вероятности применения более жесткой меры юридической ответственности – лишения родительских прав.

ГЛАВА III. ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

§ 1. Основания применения меры юридической ответственности в виде лишения родительских прав

Согласно пункту 13 Постановления Пленума № 44, лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, которая применяется судом только за виновное поведение родителей по основаниям, указанным в статье 69 СК РФ, перечень которых является исчерпывающим. Соответственно одним из основных при рассмотрении вопроса об обосновании применения данной меры является установление вины родителя.

Как отмечает в этой связи В.И. Цуканова, статья 69 СК РФ предназначена для использования только в тех случаях, когда иными мерами достичь защиты прав и интересов ребенка невозможно²⁵⁵.

Тем самым, лишение родительских прав представляет собой меру семейно-правовой ответственности, которая применяется за виновное поведение родителей в тех случаях, когда иными мерами защитить права и интересы ребенка не представляется возможным, а действия (бездействие) родителей по отношению к последнему создают реальную угрозу жизни, физическому и/или психическому здоровью ребенка, равно как лишают ребенка значимых для формирования личности социальных благ.

Как уже отмечалось выше, перечень оснований для лишения родительских прав, предусмотренный статьей 69 СК РФ, является исчерпывающим. Однако ряд формулировок вышеуказанной статьи СК РФ могут толковаться (и толкуются на уровне ВС РФ) расширительно, о чем будет сказано далее.

²⁵⁵ Цуканова В.И. Особенности судопроизводства по делам о лишении родительских прав: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2012. С. 7, 8.

Итак, первым основанием для лишения родительских прав, указанным в статье 69 СК РФ, является уклонение от выполнения обязанностей родителей. Законодатель не раскрывает случаи подобного «уклонения», отмечая лишь отнесение к ним злостного уклонения от уплаты алиментов. Исходя из позиции, выраженной в Постановлении Пленума № 44, проявлениями уклонения может быть отсутствие заботы о здоровье детей, их развитии. Приведем пример из судебной практики.

В деле, рассмотренном Красноармейским районным судом г. Волгограда, А. лишена родительских прав в отношении дочери Н. Как отметил суд, А. проявляет полное равнодушие и безразличие к судьбе дочери, а именно:

- жилое помещение, в котором проживает А. и ее несовершеннолетняя дочь находится в антисанитарном состоянии (помещение в захламленном состоянии, присутствует наслоение грязи, требуется проведение ремонта), что подтверждается актами обследования жилищно-бытовых условий.
- семья состоит на учете в едином банке данных о семьях и несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, а также на социальном патронаже.
- по итогам проведения контрольных мероприятий по проверке условий жизни семьи у А. регулярно выявлялись признаки алкогольного опьянения, при этом А. регулярно оставляет несовершеннолетнюю Н. одну, без пищи и питья.
- профилактические посещения врача не обеспечиваются, несовершеннолетней Н. прививки не ставятся.
- после отобрания ребенка и помещения его в реабилитационный центр выявлено истощение последнего, авитаминоз и ухудшение состояния здоровья вследствие антигигиенических условий проживания в жилом помещении А.

Кроме того, во всех случаях посещения дочери в реабилитационном центре А. находилась в состоянии алкогольного опьянения, проявляла агрессию и враждебность к окружающим, а у ребенка появлялись очевидные признаки страха,

тревожности и неприятия А. Судом также учтено, что А. неоднократно привлекалась к административной ответственности по статье 5.35 КоАП РФ за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Более того, А., к моменту рассмотрения судом дела уже была лишена родительских прав в отношении старшего сына, который воспитывался в другой семье.

При этом А. «не пыталась восстановиться в родительских правах в отношении указанного ребенка, своего поведения, образа жизни не изменила»²⁵⁶. Принимая во внимание изложенные факты, суд счел обоснованным исковое заявление органа опеки и попечительства о лишении А. родительских прав.

В рамках абзаца 2 статьи 69 СК РФ наиболее распространенными проявлениями уклонения от выполнения обязанностей родителей являются необеспечение детей нормальными (соответствующими требованиям санитарно-гигиенических норм) условиями проживания, отсутствие ухода за детьми, надлежащего медицинского обеспечения, лечения заболеваний, а также длительное неучастие в воспитании детей.

При этом, в качестве доказательств могут служить документы (справки и т.д.) из образовательного учреждения, характеристики, акты обследования условий проживания, свидетельские показания²⁵⁷.

Отметим, что не подлежит удовлетворению заявление о лишении родительских прав в отношении родителя, который объективно не имеет возможности в полной мере выполнять свои родительские обязанности в отношении ребенка.

Так, например, суды отказывают в удовлетворении заявления о лишении родительских прав лица, находящегося в местах лишения свободы, и не имеющего, в связи с этим, возможности выполнять свои родительские обязанности. Отбывание наказания в виде лишения свободы само по себе не свидетельствует о намерении родителя отказаться от ребенка.

²⁵⁶ Решение Красноармейского районного суда г. Волгограда от 25.10.2016 по делу № 2-4176/2016 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/oe5qDzoKdjop/ (дата обращения: 15.11.2022).

²⁵⁷ Котлярова В.В. К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав / В.В. Котлярова // Мировой судья. 2021. № 10. С. 35.

Отметим, что в тех случаях, когда хотя налицо и имеются обстоятельства, свидетельствующие об уклонении родителей от воспитания детей, но родители (родитель) находятся в трудной жизненной ситуации, а также есть основания считать, что родитель осознал недопустимость своего отношения к детям, и готов впредь исполнять свои родительские обязанности добросовестно, суд может принять решение не о лишении, а об ограничении родительских прав.

Принцип добросовестности в семейном праве позволяет выявить правомерность поведения членов семьи²⁵⁸.

Однако подобные обстоятельства носят весьма оценочный характер, и поэтому озвученные примеры не могут рассматриваться в качестве применимых во всех случаях. Очевидно, что существенно влияет на итоговое решение по делу и социально-экономическая обстановка в регионе, которая определяет возможность трудоустройства родителей и их уровень дохода.

Так, гражданка Д. ненадлежащим образом исполняла свои родительские обязанности, не следила за малолетним сыном, на длительный период оставляла последнего одного в квартире. Само жилое помещение находится в антисанитарном состоянии, выбито несколько окон, по полу разбросаны остатки еды, которую ребенок употребляет в пищу.

Гражданка Д. допустила соприкосновение ребенка с горячей газовой плитой, в результате чего последний получил термический ожог 2 степени; кроме того, ребенок упал с высоты по вине матери, после чего получил закрытую черепно-мозговую травму. Одежда ребенка матерью не стирается, сам ребенок находится в неухоженном состоянии, спит на полу.

Вместе с тем, судом также установлено, что гражданка Д. является матерью-одиночкой, постоянного места жительства и работы не имеет, несовершеннолетнего ребенка содержит исключительно за счет пособия.

Суд, принимая решение об ограничении родительских прав, счел, что наличие формальных оснований для лишения родительских прав недостаточно для

²⁵⁸ Беспалов Ю.Ф. О добросовестности в семейном праве российской федерации // Государственная служба и кадры. 2021. №2. С. 42-44.

удовлетворения подобного требования, особенно при условии желаний заниматься воспитанием ребенка, а также отсутствии негативное влияния на несовершеннолетнего²⁵⁹.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что сам по себе факт уклонения лица от выполнения родительских обязанностей является основанием для лишения родительских прав в тех случаях, когда такое уклонение носит длительный характер (родитель несколько лет не общается с ребенком или, по крайней мере, не пытается установить контактов с ребенком в отсутствие объективных к тому препятствий (пребывание в местах лишения свободы, длительная командировка без возможности осуществления звонков и т.п.), либо когда вследствие такового уклонения возникает реальная угроза жизни и здоровью ребенка.

Так, прокурор города Ж. обратился в суд с исковым заявлением о лишении Е. родительских прав. Материалами дела установлено, что Е. ненадлежащим образом выполняет свои родительские обязанности, а именно: на длительное время (несколько суток) оставляет ребенка одного в квартире; одобряет физическое насилие в отношении ребенка со стороны своего сожителя, распивает спиртные напитки в присутствии ребенка, не осуществляет воспитание ребенка и препятствует его образованию, ночует с ребенком на улице, в антисанитарных и опасных для жизни ребенка условиях.

Установлено, что ребенок поступил в городскую больницу «с диагнозом гематомы лица и сотрясения головного мозга, со слов матери ребенок был избит ее сожителем», при этом мать никак не препятствовала действиям сожителя²⁶⁰. Учитывая изложенные выше обстоятельства, ответчик лишена родительских прав.

²⁵⁹ Решение Березовского районного суда (ХМАО) от 28.05.2020 по делу № 2-223/2020 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/Ic0Zkb5U61YO/ (дата обращения: 15.11.2022).

²⁶⁰ Решение Железноводского городского суда (Ставропольский край) от 27.06.2016 по делу № 2-787/2016 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/3C4t2eRSpaV1/ (дата обращения: 15.11.2022 г.).

Злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, согласно разъяснениям, данным в пункте 16 Постановления Пленума № 44, может проявляться в следующем:

- у родителя имеется задолженность по алиментам, образовавшаяся по его вине;
- установлен факт сокрытия плательщиком алиментов размера своего заработка (дохода), из которого должно производиться удержание алиментов;
- родитель, скрывающий место своего нахождения, объявлен в розыск;
- имеется факт привлечения родителя к административной ответственности по части 1 статьи 5.35.1 КоАП РФ или к уголовной ответственности по части 1 статьи 157 УК РФ).

Как показывают материалы судебной практики, доказывание злостного характера уклонения от уплаты алиментов является достаточно сложной задачей. Родитель, уклоняющийся от систематической уплаты алиментов, может уплачивать их хаотично или в небольшом размере, либо предпринимать действия, оправдывающие неуплату (предоставлять документы о болезни, недавней смене работы и т.п.).

Более того, сам по себе факт задолженности или небольшой размер алиментных выплат со стороны родителя обычно не рассматривается судами в качестве достаточного основания для лишения родительских прав: заявителю необходимо доказать также наличие иных фактов, свидетельствующих о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей и виновном поведении родителя, ввиду того, что, как уже отмечалось выше, лишение родительских прав рассматривается правоприменителем как крайняя мера семейно-правовой ответственности.

На практике это означает, что недобросовестные родители, уклоняющиеся от выплаты алиментных платежей, имеют множество способов

избежать лишения родительских прав, что несколько нивелирует значимость вышеприведенного основания для лишения родительских прав.

Так, М. обратилась в суд с исковым заявлением к О. (отцу ребенка), предусматривающим применение рассматриваемой меры ответственности. В обоснование своих требований М. указала, что ответчик длительное время не выплачивает алименты, образовавшаяся задолженность составляет более 154 тысяч рублей.

Более того, с момента расторжения брака между М. и О. последний ни разу не навещал несовершеннолетнего ребенка, не проявлял к нему интереса, полностью самоустранившись от исполнения обязанности родителя, при этом мать не чинит препятствий отцу к общению с ребенком.

Между тем, суд счел, что представленные истцом аргументы не свидетельствуют о наличии достаточных оснований для лишения ответчика родительских прав. Факт наличия алиментной задолженности у истца даже не рассматривался судом в качестве самостоятельного основания для удовлетворения требований, при том, что совокупная сумма задолженности превышала 10-кратный размер величины прожиточного минимума, установленный в регионе на момент рассмотрения дела²⁶¹.

Относительно иных аргументов истца суд отметил, что они не являются достаточным свидетельством того, что «ответчик виновно, осознанно уклоняется от выполнения обязанностей родителя»²⁶². Следует отметить, что благоприятным фактором для ответчика явилось то, что орган опеки и попечительства позицию истца не поддержал: в представленном в суд заключении последний указал на отсутствие сведений о нарушении прав и интересов несовершеннолетнего, а также иных сведений, подтверждающих доводы истца.

²⁶¹ Величина прожиточного минимума за I квартал 2020 года // Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Электронный ресурс). URL: <https://deptrud.admhmao.ru/prozhitochnyy-minimum-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/velichina-prozhitochnogo-minimума-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/2020-god/> (дата обращения: 15.11.2022).

²⁶² Решение Березовского районного суда (ХМАО) от 03.02.2020 по делу № 2-31/2020 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/TGNIg6gbq6xw/ (дата обращения: 15.11.2022).

Таким образом, сам по себе факт существенной алиментной задолженности не был принят судом в качестве основания для удовлетворения искового заявления.

В другом деле попечитель несовершеннолетнего Н. обратился в суд с с аналогичным иском заявлением против отца ребенка Т., указав, что ответчик в течение года злостно уклоняется от уплаты алиментов, а также не выполняет свои родительские обязанности по воспитанию сына: не навещает сына в течение 13 лет, не звонит ему, интереса к жизни ребенка не проявляет. После подачи в суд искового заявления о взыскании алиментов угрожал ребенку «сдать его в интернат». Орган опеки и попечительства иски требования поддержал.

Вместе с тем, показательно, что суд удовлетворил заявление о лишении родительских прав на «основании установления факта уклонения ответчика от исполнения родительских обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетнего», не принимая в качестве самостоятельного факта, имеющего юридическое значение, уклонение последнего от уплаты алиментов²⁶³.

Таким образом, анализ судебной практики показывает, что суды в большинстве случаев удовлетворяют иски заявления о лишении родительских прав, которые мотивированы фактом злостного уклонения от уплаты алиментов в тех случаях, когда материалами дела подтверждаются и иные обстоятельства, предусмотренные статьей 69 СК РФ.

На практике, разумеется, уклонению от уплаты алиментов в большинстве случаев сопутствуют и другие обстоятельства, составляющие основания для лишения родительских прав: длительное отсутствие родителя, его систематическое неучастие в воспитании ребенка, злоупотребление родительскими правами.

Не имеют должного правового регулирования также вопросы оценки надлежащего исполнения родительских обязанностей в случае, когда в семье воспитывается ребенок с тяжелой формой хронического заболевания²⁶⁴. Например,

²⁶³ Решение Ленинского районного суда г. Владивостока (Приморский край) от 19.04.2019 по делу № 2-1367/2019 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/HofHZsPdGK5n/ (дата обращения: 15.11.2022).

²⁶⁴ Ульянова М.В. Реализация жилищных и семейных прав ребенка с тяжелой формой хронического заболевания // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 40 - 44.

в деле семьи Л.Н. Лепницкой лишь обращение в высшую судебную инстанцию позволило реализовать право на получение жилого помещения во внеочередном порядке, так как было установлено невозможность совместного проживания граждан в одной квартире²⁶⁵.

Очевидно, что в такой ситуации факт ненадлежащего исполнения родительских прав возможно усмотреть, но характер и содержание действий родителей свидетельствует о принятии всех необходимых мер в целях исключения такой ситуации. Следовательно, применение институтов ограничения или лишения родительских прав в данном случае необоснованно.

Значимым аспектом, который должен анализироваться в случае оценки возможности лишения родительских прав, является предшествующее поведения родителя. Так, одним из признаков, свидетельствующих об уклонении от выполнения обязанности родителей, является тот факт, что родитель ранее был ограничен в родительских правах, но не изменил своего поведения²⁶⁶. Отсутствие учета данного аспекта является основанием для отмены судебных актов.

Еще одним основанием применения рассматриваемого института является отказ без уважительных причин забрать своего ребенка из медицинской, образовательной или аналогичной организации.

Как отмечается в научной правовой литературе, подобное положение одно из самых сложно доказуемых²⁶⁷. Нередки случаи, когда родители по причинам финансового свойства вынуждены прибегать к временному помещению детей на государственном обеспечении в соответствующие организации.

Отметим, что пунктом 2 статьи 155.1 СК РФ предусмотрена возможность временного помещения ребенка соответствующую организацию в случае, если родители по уважительным причинам не могут исполнять свои обязанности в

²⁶⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 18.07.2017 № 5-КГ17-49 // СПС КонсультантПлюс.

²⁶⁶ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 № 88-33620/2022 по делу № 2-21/2022 // СПС КонсультантПлюс.

²⁶⁷ Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О.Н. Коршунова, В.В. Лавров, Е.Л. Никитин и др. Москва: РУСАЙНС, 2019. С. 98.

отношении ребенка. Критерии подобной уважительности не находят своего закрепления в действующей системе правового регулирования.

При этом, согласно правовым актам Минпросвещения России, в случае оставления родителями ребенка по истечении срока, указанного в заявлении, составляется акт об оставлении ребенка, который хранится в личном деле ребенка в органах опеки и попечительства²⁶⁸.

Тот же алгоритм действий предусмотрен и в отношении детей, оставленных в медицинской организации (родильном доме) матерью – руководителем указанной организации составляется акт об оставлении ребенка матерью.

Соответственно, в тех случаях, когда родители не забирают ребенка из организации для детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо установить обстоятельства и причины данного поведения родителей, а также выяснить, что предпринимали родители для преодоления обстоятельств, являвшихся причиной отказа от ребенка.

Таким образом, отказ родителей забрать ребенка может быть прямо выраженным, «прямым недобросовестным поведением» – в тех случаях, когда родители фактически «бросают ребенка» в родильном доме, и в этом случае подобное поведение родителей уже является достаточным свидетельством того, что они бросили ребенка на произвол судьбы, а лишение родительских прав является оправданной и необходимой мерой; в тех же случаях, когда ребенок был помещен по обращению родителей в соответствующую организацию в соответствии с пунктом 2 статьи 155.1 СК РФ, а затем родители, по истечении установленного срока не забирают своего ребенка или прямо не сообщают о препятствующих этому причинах, необходимо установить, имеются ли достаточные основания полагать, что родители не желают забрать ребенка в будущем, не имеется ли объективных препятствий к этому у последних, и не будет ли лишение родительских прав преждевременной мерой.

²⁶⁸ См.: Приказ Минпросвещения России от 15.06.2020 № 300 «Об утверждении Порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // СПС КонсультантПлюс.

Широкую известность получило дело об ограничении родительских прав супругов Татьяны Максимовой и Юрия Зинкина, которые в течение более 6 лет отказывались забрать свою дочь из перинатального центра частной клиники «Мать и дитя», мотивируя это тем, что ребенок страдает тяжелым заболеванием, что создает необходимость нахождения ребенка под постоянным присмотром врачей.

Однако, в дальнейшем медицинская организация сообщила родителям об отсутствии оснований для нахождения ребенка под присмотром врачей, поскольку ребенок оказался здоров. Тем не менее, родители отказывались забрать ребенка из клиники. По итогам рассмотрения искового заявления в 2020 году суд ограничил родителей в родительских правах, а в 2022 году родители девочки были лишены родительских прав²⁶⁹.

В соответствии с абзацем 4 статьи 69 СК РФ, еще одним основанием для применения рассматриваемого института является злоупотребление родителями своими родительскими правами. Категория «злоупотребление правом» является, с одной стороны, одним из ключевых понятий, относящихся к характеристике реализации гражданами своих гражданских прав; в то же время, данное понятие носит абстрактный характер, и его содержание на практике может иметь множество проявлений, ввиду чего фактически любые действия родителей, совершенные во вред ребенку либо без учета интересов ребенка, могут быть квалифицированы правоприменителем как «злоупотребление родительским правом».

Вопрос только в том, будет ли подобное злоупотребление правом признано достаточным основанием. Таким образом, злоупотребление родительскими правами может иметь множество проявлений, и именно применительно к данной категории особое значение приобретает судебское усмотрение (статья 67 ГПК РФ).

Наиболее распространенные примеры злоупотребления родительскими правами приведены в пункте 16 Постановления Пленума № 44, указывающим на создание препятствий к реализации их конституционного права на образование,

²⁶⁹ Родители, более 6 лет не забиравшие дочь из роддома, лишены родительских прав // Российская газета (RG.RU) (Электронный ресурс). URL: <https://rg.ru/2022/01/17/roditeli-bolee-6-let-ne-zabiravshie-doch-iz-roddoma-lisheny-roditelskih-prav.html> (дата обращения: 15.11.2022).

вовлечение в противоправную деятельность (бродяжничество, воровство) или организацию, деятельность которой запрещена.

Подобные аспекты справедливо рассматриваются как определенный предел осуществления права ребенка на образование с точки зрения комплекса тех действий, которые предпринимаются его родителями²⁷⁰.

Обстоятельства лишения родительских прав по данному основанию содержатся не только в решениях о лишении родительских прав, но и в приговорах по уголовным делам, так как в ряде случаев действия родителей, злоупотребляющих родительскими правами, квалифицируются как преступления, предусмотренные статьями 151 и 156 УК РФ; кроме того, привлечение родителей к уголовной ответственности по названным статьям УК РФ нередко предшествует лишению родительских прав.

Так, гражданка Н. лишена родительских прав и привлечена к уголовной ответственности по статьям 151 и 156 УК РФ, ввиду совершения последней действий, свидетельствующих о злоупотреблении родительскими правами, вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, а также о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Так, судами установлено, что Н. на систематической основе поила ребенка спиртными напитками (пивом), применяла методы воспитания, несовместимые с формированием здоровой и психически устойчивой личности. Так, Н., в качестве наказания за плохое поведение, оставляла ребенка одного в комнате, наполненной крысами, которые кусали ребенка, и, хотя, физического вреда здоровью ребенка причинено не было, ребенок, согласно выводам экспертной медицинской комиссии, получил психологическую травму. Мать заявила, что поила ребенка пивом, поскольку «слышала от знакомых, что это полезно» и что это «помогает ребенку успокоиться»²⁷¹.

²⁷⁰ Ульянова М.В. Право ребенка на образование и право родителя на выбор образовательной организации в период цифровизации среды // Современный юрист. 2022. № 2. С. 55 - 66.

²⁷¹ Приговор Свердловского районного суда г. Перми (Пермский край) от 15.05.2018 по делу № 1-166/2018 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/6cdv8dX0Ar6T/ (дата обращения: 15.11.2022).

Указанные факты квалифицированы как противоправные действия, Н. лишена родительских прав.

Жестокое обращение с детьми очень часто «сопутствует», как основание лишения родительских прав, злоупотреблению родительскими правами. Как правило нерадивый родитель применяет к более слабому и, потому, не имеющему возможности предпринять меры для собственной защиты, ребенку, меры физического воздействия, которые рассматриваются родителем как «воспитание».

Жестокое обращение с ребенком не обязательно носит характер физического насилия: это может быть и «психологическое истязание» (например, умерщвление домашнего питомца ребенка за «провинность» последнего, оставление ребенка с существом или объектом, которые вызывают у последнего страх (змеи, грызуны, тараканы и т.д.), угрозы ребенку «сдать его в «детский дом», оскорбления и т.п.), словом, способы и методы изуверского воздействия на ребенка со стороны так называемого «родителя» могут носить разнообразный характер, и, к сожалению, зачастую доказать их совершение в суде представляется затруднительным.

Вместе с тем, подчас психологическое насилие и издевательство являются значительно более чудовищными ударами по здоровью ребенка, нежели пресловутые «подзатыльники» (разумеется, последние также недопустимы в обращении с ребенком).

К сожалению, жестокое обращение с ребенком очень часто затрагивает двусторонние отношения родителей, и в этом случае ребенок становится инструментом давления на другого родителя, способом «расквитаться», а в правоохранительные органы, по тем или иным причинам, данная информация так и не поступает.

Так, в деле, рассмотренном Пресненским районным судом г. Москвы установлено, что ответчик (отец ребенка), прекратив семейные отношения с матерью ребенка, предпринимал шаги с целью психологического давления на последнюю, увезя ребенка, несмотря на возражения матери, в одну из кавказских республик, где ребенок оказался в чуждой ему обстановке: ребенку навязывали религиозные воззрения, насильно осуществили ему обрезание, и не давали

возможности общаться с матерью, отняв телефон. При этом, ранее отец никоим образом не участвовал в жизни ребенка, и не пытался установить с ним психологический контакт.

По результатам клинико-психологического обследования ребенка установлено наличие «психотравмирующего длительного эпизода внезапного расставания с матерью»²⁷². С учетом указанных обстоятельств суд признал обоснованными требования матери ребенка о лишении ответчика родительских прав, в связи с уклонением последнего от исполнения родительских обязанностей, а также жестоким обращением с ребенком (психологическим насилием).

Тем не менее, не во всех случаях факты жестокого обращения с детьми, даже подтверждаемые материалами уголовного дела, а также поддержка исковых требований со стороны органов опеки и попечительства составляют бесспорное основание для удовлетворения требований о лишении родительских прав. Суд учитывает, помимо приведенных обстоятельств, также и иные факты, характеризующие личность ответчика, всю историю его общения с ребенком, а также иные действия ответчика, свидетельствующие об изменении его отношения к исполнению родительских обязанностей.

Так, истец С. обратилась в суд с исковым заявлением к ответчику Р. о лишении последнего родительских прав, указывая, что в период с 2008 по 2016 года она совместно проживала с ответчиком; в указанный период родились сыновья М. и Я. В период совместного проживания ответчик регулярно не работал, проявлял жестокое отношение по отношению к детям и к истцу. В 2015 году ответчик ударил младшего сына Я., уронившего телефон ответчика в воду, вследствие чего несовершеннолетний Я. получил физические травмы, а ответчик привлечен к уголовной ответственности по части 1 статьи 116 УК РФ за нанесение побоев. Ответчик с несовершеннолетними детьми общается редко, не поздравляет последних с праздниками. Задолженность ответчика по алиментным платежам

²⁷² Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 06.08.2013 по делу № 2-3773/2013 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/GDqIZTADQ1UR/ (дата обращения: 15.11.2022).

составляет более 500 тысяч рублей. Орган опеки и попечительства искивые требования поддержал.

Ответчик против удовлетворения исковых требований возражал, указав, что действительно привлекался с уголовной ответственности по части 1 статьи 116 УК РФ по вышеуказанному факту, однако раскаялся, вину свою в судебном заседании признал, что отражено в приговоре мирового судьи.

Ответчик указал, что с момента предъявления ему судебного приказа о взыскании алиментов задолженность погашает, при этом просил учесть, что истец более года не предъявляла судебный приказ к исполнению. Ответчик также указал, что истец сменила место жительства, не сообщив об этом ответчику, чинила ему препятствия к общению с детьми, и настраивала детей против него.

Ответчик в период после привлечения к уголовной ответственности за причинение побоев сыну, и до рассмотрения дела не совершал каких-либо неправомерных действий в отношении детей, напротив, покупал детям игрушки, встречался с ними, делал попытки достичь с истцом соглашения о порядке общения с детьми, что подтверждается информацией ГКУ «Центр социального обслуживания населения». Ответчик подал встречное исковое заявление с требованиями об определении порядка общения с детьми.

При этом, из материалов дела следовало, что истец также осуществляла неправомерные действия в отношении несовершеннолетних детей. Так, по информации ГКУ «Центр социального обслуживания населения», были выявлены факты применения физического наказания²⁷³.

Суд, отметив обоснованность доводов истца, указал, что поскольку лишение родительских прав является крайней мерой семейно-правовой ответственности, ответчик, с учетом его финансовых возможностей и материального положения, с момента предъявления судебного приказа погашает алиментную задолженность, делает попытки установления устойчивого контакта с детьми, а поведение ответчика после привлечения к уголовной ответственности свидетельствует о его

²⁷³ Решение Промышленного районного суда г. Самары от 07.02.2020 по делу № 2-100/2020 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/XxuAt035AiLv/ (дата обращения: 15.11.2022).

намерении исправиться и начать регулярно общаться с детьми, отказал истцу в удовлетворении исковых требований и удовлетворил встречные исковые требования ответчика об определении порядка общения с детьми.

Рассматривая данное основание для лишения родительских прав необходимо отметить, что действующая редакция статьи 69 СК РФ предусматривает возможность его применения только в случае насилия в отношении детей. Вместе с тем, как отмечают практикующие специалисты, факт нанесения побоев не рассматривает основанием для лишения родительских прав²⁷⁴. Подобный подход не вполне справедлив, так как совершение подобных действий на глазах у несовершеннолетнего ребенка безусловно оказывает психологическое воздействие.

Хронический алкоголизм или наркомания родителей являются еще одним основанием для лишения последних родительских прав.

В настоящее время в законодательстве отсутствует понятие «хронический алкоголизм» и «хроническая наркомания», в связи с этим при определении данного явления следует руководствоваться подходами, выработанными медицинским сообществом²⁷⁵.

Действительно, общая характеристика данного рода недугов заключается в том, что у больного хроническим алкоголизмом или наркоманией происходит искажение ценностных приоритетов, и на первый план выходит потребление вещества, являющегося предметом зависимости.

В условиях абстинентного синдрома (синдрома отмены), характеризующегося повышенным уровнем агрессии по отношению к окружающим, фактической неспособностью больного контролировать свои

²⁷⁴ Ибрянова Г. Лишение родительских прав // Адвокатская газета. № 13, 14. 2019.

²⁷⁵ Так, согласно Международной классификации болезней (МКБ-10), «синдром зависимости представляет собой группу поведенческих, мнестических и физиологических феноменов, развивающихся при неоднократном использовании вещества, которые включают сильное желание принять наркотик, отсутствие самоконтроля, употребление несмотря на пагубные последствия, более высокий приоритет употребления наркотиков перед другими действиями и обязательствами, увеличенную толерантность к веществам, включая хронический алкоголизм, дипсоманию и наркоманию». См.: Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра // МКБ-10, онлайн версия (Электронный ресурс). URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4001> (дата обращения: 15.11.2022).

действия и наличием, на этом фоне, единственной цели – получить столь желанную дозу вещества, дети становятся не просто заложниками неблагоприятной для них ситуации, но и основными жертвами, расплачивающимися своим здоровьем и даже своей жизнью за «хроническое пристрастие» родителей.

Очень часто родители, не имеющие средств на приобретение очередной дозы вещества, вымещают свою ненависть и злобу в отношении окружающей действительности на самых слабых и зависимых от них существах – их собственных детях.

Семьи, в которых родители (или хотя бы один из них) являются хроническими алкоголиками или наркоманами, практически всегда являются неблагополучными: дети в данных семьях страдают от физического, психического и сексуального насилия, условия их проживания, в большинстве случаев, не соответствуют минимально необходимым санитарным и гигиеническим нормам, а, в условиях фактического отсутствия воспитания и родительской заботы, дети оказываются в маргинальном окружении, и, взрослея, пополняют ряды криминальных группировок.

Процесс взросления ребенка характеризуется поиском ценностных ориентиров, примеров для подражания, моделей поведения. Родители, наряду с учителями, формируют для ребенка примеры для подражания из мира взрослых, которые закладывают фундамент формирования характера и мировоззрения ребенка.

Поэтому реализация родительских прав лицами, являющимися хроническими алкоголиками и наркоманами, создает предпосылки для разрушения не только личности отдельно взятого ребенка, но и государства, которое заинтересовано в воспитании с физически и морально-психологически здоровых членов общества. Таким образом, хронический алкоголизм и наркомания во многих случаях выступают первопричиной возникновения негативных явлений, которые приводятся в статье 69 СК РФ в качестве основания для лишения родительских прав.

В правовом контексте следует обратить внимание на тот факт, что данное основание для лишения родительских прав не предполагает обязательного наличия вины. Как отмечается в правовой литературе, «в отношении хронического алкоголизма и наркомании отсутствие вины родителя правового значения не имеет»²⁷⁶.

Следует, однако, учитывать, что если доведение собственной личности до состояния хронического алкоголика представляется невозможным в отсутствие вины лица, поскольку процесс формирования зависимости от алкоголя значительно растянут во времени, и у потенциального хронического алкоголика есть некая «фора», позволяющая ему прекратить употребление алкоголя до появления устойчивой зависимости, то в отношении наркотической зависимости возможны случаи ее появления в отсутствие вины лица (например, в процессе лечения от какого-либо заболевания с применением наркотических препаратов).

Отметим, что токсикомания родителей не является самостоятельным основанием для лишения родительских прав, хотя, безусловно, может учитываться судом в качестве одного из факторов, создающих условия для ненадлежащего воспитания ребенка.

Отсутствие в абзаце 6 статьи 69 СК РФ указания на токсикоманию представляется автору обоснованным с той позиции, что уже названный выше Международной классификации болезней (МКБ-10), токсикомания относится к «употреблению с вредными последствиями», но не к группе «синдром зависимости», то есть, токсические вещества в МКБ-10 не рассматриваются в качестве предмета зависимости.

Термин «токсикомания» в российском законодательстве встречается редко, а определение токсикомании дается лишь в Глоссарии, являющимся приложением к приказу Минобразования России от 28.02.2000 № 619 «О Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде», согласно которому токсикомания представляет собой хроническую болезнь, возникающую

²⁷⁶ Белянинова Ю.В. Родители и дети: юридические вопросы / Ю.В. Белянинова // СПС КонсультантПлюс. 2005.

вследствие злоупотребления веществами, не признаваемыми в качестве наркотических средств²⁷⁷.

Таким образом, хотя токсикомания и является крайне пагубным явлением, разрушающим психическое и физическое здоровье лица, потребляющего токсические вещества и отрицательно влияющее на способность последнего исполнять свои родительские обязанности, признание токсикомании самостоятельным основанием для лишения родительских прав представляется на текущий момент преждевременным.

Последним нормативным основанием для применения рассматриваемого института выступает умышленное преступление против жизни или здоровья детей, другого родителя, иного члена семьи.

Подобный факт должен установлен вступившим в законную силу приговором.

Следует отметить, что, хотя законодатель и ограничивает категории преступлений, при совершении которых родитель может быть лишен родительских прав по рассмотренному основанию, на практике совершение лицом иных преступлений, объект посягательства которых не соответствует абзацу 7 статьи 69 СК РФ, также учитывается при лишении родительских прав.

Если абзац 7 статьи 69 СК РФ направлен на предупреждение дальнейших посягательств родителя непосредственно на личность ребенка, то иные положения статьи 69 СК РФ, хотя и не содержат прямого указания на уголовно-правовую составляющую действий родителя, очевидно, что таковую возможность предусматривают, и предполагают лишение родительских прав в интересах недопущения вовлечения ребенка в преступную деятельность родителя, устранение родителя от воспитания ребенка в целях воспрепятствования маргинализации несовершеннолетнего.

Вместе с тем, зачастую при рассмотрении уголовного дела в отношении родителя, который принял насилие в отношении другого члена семьи, наличие

²⁷⁷ Приказ Минобразования России от 28.02.2000 № 619 «О Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде» // СПС «КонсультантПлюс».

несовершеннолетнего ребенка играет роль смягчающего обстоятельства. Указанное следует из статьи 61 УК РФ наличие малолетних детей является таким обстоятельством.

Более того, учет смягчающих обстоятельств в приговоре является обязательным в случае их фактического установления в рамках уголовного дела²⁷⁸. Указанная позиция была сформирована Конституционным Судом Российской Федерации и основывалась на пункте 8 Постановления Пленума ВС РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания»²⁷⁹, утратившего силу в 2015 году²⁸⁰.

Согласно данному положению учет в качестве смягчающего обстоятельств наличия у малолетних детей не может применяться в случае совершения преступления в отношении своего ребенка, усыновленного или находящегося на иждивении. Показательно, что в данном случае ВС РФ также не учитывается аспект совершения действий в отношении другого супруга или других родственников. Более того, в последующем постановлении Пленума ВС РФ указанный аспект остается в целом без внимания²⁸¹.

В результате лишь на уровне правоприменения судами устанавливается невозможность учета малолетних детей в качестве смягчающего обстоятельства. Так, в деле Маргариты Грачевой (женщине супруг отрубил кисти рук) суд в ходе рассмотрения уголовного дела указал на невозможность учета наличия малолетних детей в качестве смягчающего обстоятельства. Более того, он был лишен родительских прав до вступления в силу приговора суда.

В данном случае немаловажным был факт признания преступления со стороны мужа. Непосредственным основанием для лишения родительских прав

²⁷⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1446-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бишаева Виктора Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 3, частью первой статьи 6 и частью третьей статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

²⁷⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. № 13. 24.01.2007.

²⁸⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. № 295. 29.12.2015.

²⁸¹ Там же.

стал факт совершения насильственных действий в отношении матери несовершеннолетних детей, что негативным образом сказывается на их развитии, а также влияет на обстановку в семье и фактически лишает материального содержания со стороны обоих родителей.

По итогам рассмотрения дела Маргариты Грачевой ЕСПЧ установил факт нарушения со стороны Российской Федерации, что выразилось в неспособности создания условия, защищающие от насилия в семье. Анализ этой и иных подобных ситуаций позволяет сделать вывод о том, что аспект домашнего насилия не предусматривает должной правовой защиты для лиц, которые страдают от его проявлений.

Сам факт наличия подобных обстоятельств должен быть основанием для применения мер ограничения или лишения родительских прав.

Учитывая различные формы домашнего насилия²⁸², а также его тесную взаимосвязь с применением института лишения родительских прав, государство должно исключать возможность отказа в рассмотрении подобных исков только лишь по причине отсутствия факта вступившего в силу решения суда.

Безусловно, рассмотренное тесно связано с таким основанием как жесткое обращение с детьми, но для его качественного применения Постановление

²⁸² Как указывал ЕСПЧ «проблема домашнего насилия, которое может принимать различные формы, от физического нападения до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия, является общей проблемой, которая затрагивает в различной степени все государства-члены, но не всегда проявляется, поскольку часто имеет место в межличностных отношениях или закрытых сообществах. Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их защите подчеркиваются в ряде международных документов и прочно установлены в прецедентной практике Европейского Суда» (См.: Постановление Европейского Суда по делу "Бевака и С. против Болгарии" (Bevacqua and S. v. Bulgaria) от 12 июня 2008 г., жалоба № 71127/01, § 64 - 65, Постановление Европейского Суда по делу "Опуз против Турции" (Opuz v. Turkey) от 9 июня 2009 г., жалоба № 33401/02, § 72 - 86 и 132, и Постановление Европейского Суда по делу "Володина против Российской Федерации" (Volodina v. Russia) от 9 июля 2019 г., жалоба № 41261/17, § 71 - 72), Постановление ЕСПЧ от 16.06.2020 "Дело "Польшина (Polshina) против Российской Федерации" (жалоба № 65557/14).

Проблемы правового регулирования мер, направленных на борьбу против домашнего насилия, являлись предметом множества научных трудов (См.: Мартыненко Н.Э., Мартыненко Э.В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5. С. 60 – 63, Яушева А.Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 83 – 84, Береза З.М. Международные подходы к доказыванию в делах о домашнем насилии // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 75 – 86, Волосова Н.Ю., Баловнева В.И. Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 51 – 53, Волосова Н.Ю., Журкина О.В., Филиппова Е.О. Проблема семейного (домашнего) насилия в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией: вопросы профилактики // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 49 – 51, Мотрович И.Д. Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в противодействии ему // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 64 – 76, Химиченко В. Побои в семье - анализ споров // Административное право. 2020. № 2. С. 101 – 106).

Пленума № 44 должно расширительно толковать подобные случаи, отдельно раскрывая аспекты психологического насилия.

В практике ЕСПЧ также рассматривались случаи, когда в результате домашнего насилия мужем над женой, последняя лишалась родительских прав, так как указанное приводило к отлучению детей, которые привыкли к приемным родителям. В результате рассмотрения дела ЕСПЧ признал справедливым решение внутригосударственных судов Норвегии о лишении родительских прав. Так, судом учитывались следующие аспекты:

- травмирующий для детей опыт;
- высокий риск похищения детей;
- маловероятно, что кто-либо из родителей смог бы осуществлять родительские права²⁸³.

В данном случае ключевым являлось обеспечение стабильности и предсказуемости жизни для детей.

Указанное подтверждает отсутствие возможности учета фактов домашнего насилия как безусловного обстоятельства для предоставления правовой защиты пострадавшему родителю. Для лишения родительских прав ключевым является интерес ребенка, включая дальнейшие перспективы по осуществлению обязанностей по их воспитанию. Представляется, что подобное вызвано стремлением обеспечить баланс интересов всех заинтересованных субъектов.

Кроме того, анализ статьи 69 СК РФ и Постановления Пленума ВС РФ № 44 демонстрирует отсутствие учета не только самого феномена домашнего насилия (что объясняется отсутствием законодательства регулирующего данную сферу в целом), но и побоев, ответственность за которые установлена в статьях 116, 116.1 УК РФ.

Указанное вызывает объективные вопросы, так как согласно статистике Консорциума женских неправительственных объединений, жертвами домашнего

²⁸³ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 26.04.2018 по делу «Мохамед Хасан (Mohamed Hasan) против Норвегии» (жалоба № 27496/15) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 10.

насилия стали более 70% всех убитых в России женщин в 2020 и 2021 годах²⁸⁴. Так, число погибших женщин составило 2680.

Очевидность данной проблемы также следует из распоряжения Правительства Российской Федерации от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017-2022», согласно разделу II которой констатируется, что реализуемые меры профилактики насилия в отношении женщин, в том числе семейно-бытового насилия, недостаточны²⁸⁵.

Парадоксально, но анализ представленного документа демонстрирует отсутствие каких-либо положений, связанных с институтами лишения и ограничения родительских прав. Вместе с тем совершение подобных действий должно рассматриваться как основание для их применения.

В данном случае значимым является вопрос о квалификации действий в виде домашнего насилия, а также перечнем лиц, которые могут признаваться в качестве лицами в целях уголовного преследования по статье 116 УК РФ, в редакции существовавшей в период с июля 2016 года по февраль 2017 года (до принятия Федерального закона от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»²⁸⁶).

В научной литературе обоснованно высказывались сомнения о достаточно узком рассмотрении категории близких родственников²⁸⁷, а также необходимости использования подхода, сформулированного в Постановлении Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»²⁸⁸. Так, представленному документу в качестве близких лиц рассматриваются все те,

²⁸⁴ Чисто семейное убийство. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5514924> (дата обращения: 10.10.2022). Данная статистика подготовлена на основании приговоров, размещенных в открытом доступе на ГАС «Правосудие» и сайте Мосгорсуда.

²⁸⁵ Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2017. № 11. Ст. 1618.

²⁸⁶ Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 13.02.2017. № 7. Ст. 1027.

²⁸⁷ См.: Николаева Ю.В., Гримальская С.А. Новая редакция ст. 116 УК РФ: за и против // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы XIV Международной научно-практической конференции: сб. науч. ст. М., 2017. С. 322 - 324

²⁸⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. № 24. 09.02.1999.

чья жизнь, здоровье и благополучие дороги ввиду сложившихся личных отношений.

Подобный подход выработан в зарубежной практике, включая даже домашних работников²⁸⁹. Более того, отдельно выделяются различные формы домашнего насилия, в том числе эмоциональное насилие (в Болгарии), психологическое (во Франции).

Попытки отечественного законодателя принять нормативное правовое регулирование не увенчались успехом. Внесенный в 2016 году законопроект о профилактике семейно-бытового насилия № 1183390-6 был возвращен субъекту права законодательной инициативы в целях выполнения требований Конституции Российской Федерации и Регламента Государственной Думы²⁹⁰.

В свою очередь, в 2019 году Советом Федерации обсуждалась концепция нового законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия, существенная часть комментариев на сайте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации была в негативном ключе²⁹¹. В частности, законопроект предлагалось установить механизм защитного предписания, активно используемого в зарубежных правовых порядках. Кроме того, отдельная статья должна была быть посвящена судебному защитному предписанию.

Анализ представленного законопроекта не обнаруживает системного разрешения проблемы, учитывающего тесную взаимосвязь домашнего насилия и института лишения родительских прав. Более того, последний аспект вообще никак не упоминается в законопроекте.

В научной литературе при оценке вышеуказанного документа также не уделяется внимания рассматриваемым вопросам²⁹². В свою очередь, предлагаемое

²⁸⁹ См.: Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. Н.А. Голованова. М., 2011. С. 3.

²⁹⁰ Законопроект о профилактике семейно-бытового насилия № 1183390-6 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 13.10.2022).

²⁹¹ Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 13.10.2022).

²⁹² См.: Маркова Я. Анализ официальной риторики противников принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Логико-философские штудии. 2019. Т. 17. № 3. С. 240 - 256. Баранов В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 5 - 21.

закрепление понятия домашнего насилия в СК РФ в следующей формулировке: «общественно опасное, оскорбляющее человеческое достоинство поведение виновного лица, которое ставит жертву такого насилия в унижительное материальное, сексуальное, физическое, эмоциональное и иное положение, применяющего в отношении потерпевшего физическое воздействие и иным образом оказывающего влияние на него»²⁹³, нельзя ограничить только точечной трансформацией понятийного аппарата, но также расширить, включив домашнее насилие в качестве самостоятельного основания для лишения родительских прав.

Подобное предложение является обоснованным в силу обязанности суда при рассмотрении дела учесть интересы ребенка и иные обстоятельства дела в рамках применения института лишения родительских прав. Более того, судебная практика демонстрирует взвешенный подход судов по применению такой исключительно меры семейно-правового воздействия, ограничиваясь в большинстве случаев институтом ограничения родительских прав²⁹⁴.

Кроме того, в рамках разрешения проблемы домашнего насилия исследователями предлагается использовать зарубежный опыт медиации партнеров²⁹⁵. Здесь актуальным также является комплексное их введение с предложенными в рамках 2 главы настоящего диссертационного исследования мерами по использованию превентивных мер, предшествующих институтам ограничения и лишения родительских прав.

Предложенные пути совершенствования правового регулирования комплексно охватывают рассматриваемый институт, так как предусматривают одновременное совершенствование как положений, устанавливающих основания

Ендольцева А.В. Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? // Мировой судья. 2020. № 10. С. 14 - 18.

Борисова Л.В. Защита прав граждан от насилия в семье: поиск оптимального соотношения частных и публичных интересов // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 3 - 6.

²⁹³ Иохим В.А. Семейное право как инструмент борьбы против домашнего насилия // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 11 - 17.

²⁹⁴ Как отмечалось во второй главе, даже в случае наличия оснований для лишения родительских прав, предусмотренных статьей 69 СК РФ, нередко суды применяют менее карательную меру в виде ограничения родительских прав.

²⁹⁵ См.: Михайлович И. Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 283.

для лишения родительских прав, так и позволяя применять их только в случае объективной необходимости.

Лишение родительских прав по основанию, предусмотренному абзацем 7 статьи 69 СК РФ, к сожалению, не является редкостью в судебной практике.

Так, решением Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре удовлетворены исковые требования органа опеки и попечительства о лишении родительских прав М., матери несовершеннолетнего А., осужденной по части 1 статьи 105 УК РФ за умышленное убийство отца несовершеннолетнего.

Судом при вынесении решения также учтено поведение М. до совершения преступления: М. развелась с мужем, оставила ребенка с ним, о ребенке не заботилась, не интересовалась успехами сына в школе, переложила вопросы воспитания ребенка на отца и бабушку, после чего, будучи в состоянии алкогольного опьянения, на почве личной неприязни убила отца ребенка²⁹⁶.

Необходимо учитывать, что крайняя мера семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав не может быть применена в отношении родителей, которые не выполняют свои родительские обязанности вследствие тяжелых жизненных обстоятельств и иных причин, не зависящих от родителя. Данная оговорка прямо в СК РФ не приводится, но указание на нее содержится в пункте 17 Постановления Пленума № 44.

Оценка того, создают ли конкретные жизненные обстоятельства непреодолимые препятствия для исполнения родительских обязанностей является предметом широкого судебного усмотрения, что предполагает необходимость оценки доводов сторон на предмет обоснованности и достоверности, и учета объективных жизненных обстоятельств, относящихся как к истцу, так и к ответчику.

Именно на это обращает внимание П.А. Якушев, указывая на основную сложность при рассмотрении споров о лишении родительских прав в виде

²⁹⁶ Решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) от 03.02.2020 по делу № 2-328/2020 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/U6v1pHRcbFH5/ (дата обращения: 15.11.2022 г.).

существенных затруднений при оценке фактических обстоятельств дела в целях установления наличия обстоятельств, достаточных для рассматриваемой меры семейно-правовой ответственности²⁹⁷. Более того, различные противоречия, кризисы, тяжелое материальное положение не должны являться основой для изъятия ребенка из семьи, а также применения мер ответственности в виде лишения родительских прав²⁹⁸.

Так, категория «тяжелые жизненные обстоятельства», исходя из анализа судебной практики, включает в себя трудности в материальном положении ответчика, возникшие не по вине ответчика; сюда же следует отнести длительную или тяжелую болезнь ответчика и его родственников.

Однако, как следует из приведенного положения Постановления Пленума № 44, обстоятельства, не относящиеся к категории «тяжелых жизненных обстоятельств» также исключает применение к родителю меры семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав, однако ссылка на характер данных обстоятельств не приводится, что фактически позволяет отнести к данной категории обстоятельств любые жизненные трудности и факты, которые могут препятствовать надлежащему исполнению родительских обязанностей.

Представляется, что в данном случае ВС РФ четко отделяет жизненные обстоятельства, которые бесспорно препятствуют исполнению родительских обязанностей (объективные обстоятельства) от тех обстоятельств, которые зависят от факторов субъективного характера, возникают по воле другой стороны (например, другого родителя, который препятствует общению первого из них с ребенком, чиня ему препятствия разнообразного характера), либо другого лица (лиц) (в том числе должностных лиц), вследствие чего возникают обстоятельства и факторы, которые хотя и не подпадают по категорию «тяжелых жизненных обстоятельств», но по своему характеру создают сложности для взаимодействия

²⁹⁷ Якушев П.А. Лишение родительских прав и традиционные семейные ценности: процессуальные аспекты гармонизации // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 5. С. 283 - 292.

Аналогичной позиции придерживается К.В. Шиманчик (См.: Шиманчик К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26 – 29).

²⁹⁸ Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.

ответчика с ребенком, а также приводят к формальному неисполнению ответчиком своих родительских обязанностей.

Так, Н. обратилась в суд с исковым заявлением к М. о лишении родительских прав, указывая, в обоснование иска, что после развода с ней последний не заботится о несовершеннолетней дочери, с ребенком не общается, материально истца и ребенка не поддерживает, алименты не выплачивает. Показаниями ряда свидетелей доводы истца подтверждались.

Однако, при рассмотрении дела судом установлено, что ответчик проживает в другом регионе, ввиду чего ответчику затруднительно постоянно видеться с ребенком; между тем, ответчик регулярно звонит истцу, чтобы общаться с ребенком, однако истец практически никогда не отвечает на звонки. Также установлено, что истец испытывает к ответчику сильную психологическую неприязнь, мотивированную обстоятельствами развода (супружеская измена), ввиду чего истец в присутствии посторонних людей регулярно объясняет ребенку, что ответчик не является ей отцом, и что он является жестоким и злым человеком.

Ответчик считал, что истец намеренно прививает ребенку негативное отношение к отцу и использует ребенка в качестве инструмента для психологических манипуляций.

Более того, судом установлено, что ответчик предпринимал меры для своевременной и надлежащей уплаты алиментов, направляя всю необходимую информацию отделу судебных приставов, однако по причине ненадлежащего исполнения судебным приставом-исполнителем своих должностных обязанностей исполнительный лист не был направлен ни по месту жительства ответчика, ни по месту его работы; в связи с длительным неполучением исполнительного листа ответчик направлял жалобы начальнику отдела судебных приставов и прокурору.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд отметил, что «злостного уклонения от выполнения родительских обязанностей со стороны Н. не усматривается, при этом, имеется конфликтная ситуация, по причине которой

ответчик не может участвовать в нравственном и духовном воспитании ребенка»²⁹⁹.

В судебной практике имеются примеры недобросовестных действий со стороны истца, когда возможность общения и участия в жизни ребенка со стороны ответчика ставилась истцом в зависимость от полного исполнения алиментных обязательств со стороны ответчика.

Так, истец Л. обратилась в суд к ответчику А. о лишении последнего родительских прав, мотивировав исковые требования неисполнением ответчиком родительских обязанностей после развода с ней, поскольку ответчик не общается с ребенком и не видится с ним, а также уклоняется от уплаты алиментов.

Вместе с тем, в судебном заседании установлено, что истец и ее сожитель не позволяют ответчику видиться с ребенком, требуя его уплатить всю сумму задолженности по алиментам. Таким образом, истец чинил ответчику препятствия для общения с ребенком, ставя возможность встреч с ребенком в зависимость от уплаты полной суммы алиментов.

При этом, как установлено судом, ответчик не только оказывал посильную материальную помощь истцу и ребенку, в том числе приобретая продукты питания, одежду и игрушки для последнего, но и частично выплачивал алименты, передавая истцу денежные средства под расписку. Факт неоплаты алиментной задолженности в полном объеме обусловлен временным отсутствием трудоустройства у ответчика, при этом, последний предпринимает меры для трудоустройства с целью погашения имеющейся алиментной задолженности.

Суд, отказывая в удовлетворении искового заявления, сделал вывод, что «истец намеренно препятствует встречам ребенка с ответчиком, что лишает возможности последнего выполнять родительские обязанности»³⁰⁰.

²⁹⁹ Решение Эхирит-Булагатского районного суда (Иркутская область) от 11.07.2013 по делу № 2-275/2013 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/immgRlnxPdNq/ (дата обращения: 15.11.2022).

³⁰⁰ Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 12.09.2019 по делу № 2-3760/2019 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/5TNqLQbtOiYM/ (дата обращения: 15.11.2022).

Схожим образом трактуется эпизодическая уплата алиментов, что обусловлено отсутствием работы³⁰¹. Одновременно с указанным факт отсутствия применения мер ответственности к родителю, недоказанности обстоятельств негативного влияния на ребенка свидетельствует о необоснованности лишения родительских прав.

Еще один пример из судебной практики раскрывает судебную оценку относительно квалификации жизненных обстоятельств в качестве тяжелых, создающих препятствия для надлежащего исполнения родительских обязанностей.

Истец Т. обратился в суд с исковым заявлением о лишении М. родительских прав, указав, что после расторжения с ответчиком брака последний своих родительских обязанностей не исполняет, в частности, о несовершеннолетнем К. не заботится, обязанности по уплате алиментов не исполняет, взаимодействовать с ребенком не пытается.

Судом установлено, что ответчик действительно длительное время не встречалась с ребенком лично и не выплачивает алименты, начисляемые на основании решения суда. Вместе с тем, судом принято во внимание, что ответчик на момент рассмотрения дела находится в тяжелой жизненной ситуации: не имеет собственного жилья, находится в состоянии беременности с диагнозом отягощенный акушерский анамнез, имеет низкооплачиваемую работу.

Кроме того, ответчик доказал, что после расторжения брака и оставления ребенка с отцом, «ответчик несколько раз передавала вещи для ребенка через своих знакомых»³⁰². С учетом названных обстоятельств, в удовлетворении исковых требований было отказано.

Небезынтересным также представляется рассмотрение вопросов доказывания по данным категориям дел. Анализ судебной практики показывает, что, хотя суды в рамках рассмотрения дел о лишении родительских прав,

³⁰¹ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 № 88-2056/2021, 2-177/2020 // КонсультантПлюс.

³⁰² Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 06.10.2016 по делу № 2-6055/2016 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/FHS1ScBeCmdu/ (дата обращения: 15.11.2022).

исследуют различные виды доказательств, присущие гражданскому процессу в целом (свидетельские показания, переписка сторон и т.п.), однако ключевое значение имеют специфические доказательства, которые исходят, прежде всего, от органов опеки и попечительства, медицинских и образовательных организаций, а также органов внутренних дел.

Особая роль органов опеки и попечительства при рассмотрении судами дел о лишении родительских прав следует и из обязательности привлечения органов опеки и попечительства к участию в деле о лишении родительских прав (статья 78 СК РФ, пункт 3 постановления Пленума ВС РФ № 10).

Среди важнейших видов доказательств по рассматриваемой категории дел следует выделить следующие:

1) Акт обследования условий жизни несовершеннолетнего гражданина и его семьи, составляемый по форме, утвержденной приложением № 3 к приказу Министерства просвещения Российской Федерации от 10.01.2019 № 4 (далее – приказ Минпросвещения России № 4). Согласно пункту 2 статьи 78 СК РФ, «орган опеки и попечительства обязан провести обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и представить суду акт обследования и основанное на нем заключение по существу спора».

При рассмотрении судом дела о лишении родительских прав орган опеки и попечительства проводит как обследование условий жизни в месте фактического проживания несовершеннолетнего на момент рассмотрения спора, так и аналогичным образом оценивает условия жизни лица, претендующего на установление опеки над несовершеннолетним (при наличии такового).

Следует отметить, что в соответствии с пунктом 3 приказа Минпросвещения России № 4, обследование условий жизни несовершеннолетних и их семей может проводиться не только непосредственно органами опеки и попечительства, но и образовательными, медицинскими и иными организациями, которым в

установленном порядке «передано полномочие органа опеки и попечительства по обследованию условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей»³⁰³.

Обследование условий жизни несовершеннолетнего носит комплексный характер, и включает в себя не только визуальный осмотр места проживания последнего, но и оценку состояния здоровья несовершеннолетнего, анализ сложившихся в семье отношений, выяснение структуры доходов и имущественного положения семьи и других факторов, позволяющих сделать вывод об условиях проживания ребенка (пункт 6 приказа Минпросвещения России № 4).

2) Заключение органа опеки и попечительства. Как уже отмечалось выше, помимо акта обследования условий жизни несовершеннолетнего, орган опеки и попечительства предоставляет суду заключение по существу спора.

Следует отметить, что не всегда наличие «положительного» заключения органа опеки и попечительства влечет за собой разрешение спора в пользу истца, поскольку названное доказательство подлежит оценке судом в совокупности со всеми доказательствами по делу, и нередки случаи, когда основываясь на проведенном осмотре условий жизни несовершеннолетнего, а также сведениях, полученных от одной из сторон спора, орган опеки и попечительства не в полной мере объективно оценивает обоснованность исковых требований о лишении родительских прав.

Как отмечается судами, решающее значение при рассмотрении дел о лишении родительских прав имеет не заключение органа опеки и попечительства, а «подтверждение сугубо отрицательного виновного поведения ответчика в отношении ребенка, которое возможно исправить, лишь лишив ответчика родительских прав»³⁰⁴.

3) Сведения от медицинских организаций. Документы, поступающие из медицинских организаций, могут подтверждать обстоятельства дела, связанные

³⁰³ Порядок проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей, утвержден приказом Минпросвещения России от 10.01.2019 № 4 // Официальный интернет-портал правовой информации (Электронный ресурс). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

³⁰⁴ Решение Тындинского районного суда (Амурская область) от 03.12.2019 по делу № 2-1430/2019 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/e2kt44LpDQd/ (дата обращения: 15.11.2022 г.).

как с наличием у ответчика хронического алкоголизма или хронической наркомании, так и с состоянием здоровья несовершеннолетнего (включая случаи причинения ему травм и побоев, недостаточного питания и т.п.).

В случае необходимости выяснения наличия у лица синдрома зависимости от психоактивных веществ (ПАВ), в материалы дела могут быть представлены:

- справка медицинской организации о направлении лица в стационар, о имеющихся у лица психических расстройствах, связанных с употреблением ПАВ (указание на диагноз);
- медицинское заключение о наличии у лица хронического психического расстройства в форме хронического алкоголизма или хронической наркомании.

Следует отметить, что до 2017 года хронический алкоголизм или наркомания родителей могли подтверждаться исключительно медицинским заключением – соответствующие разъяснения содержались в пункте 11 Постановления Пленума № 10. Однако в силу пункта 36 Постановления Пленума № 44 пункт 11 Постановления Пленума № 10 признан утратившим силу, актуальные разъяснения, содержащиеся в пункте 16 Постановления Пленума № 44, указывают на необходимость предоставления в материалы дела, для подтверждения указанных выше обстоятельств, соответствующих медицинских документов.

Тем самым, круг доказательств, свидетельствующих о наличии факта хронической зависимости лица от ПАВ (хронического алкоголизма или хронической наркомании) расширен.

4) Постановления о привлечении к административной ответственности и приговоры судов о признании лица виновным в совершении преступления. Следует учитывать, что подобные документы подлежат учету судом при рассмотрении дела о лишении родительских прав при «релевантности нарушений закона» характеру спора.

Так, например, привлечение ответчика к уголовной ответственности за незаконную рубку лесных насаждений (статья 260 УК РФ), или, например, за

неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ) само по себе не свидетельствует о том, что данный родитель осуществляет воспитание детей ненадлежащим образом, или же что в связи с совершением данного рода преступлений возникает угроза жизни и здоровью ребенка.

В судебной практике нередки случаи, когда истец, в качестве обоснования необходимости лишения ответчика родительских прав приводит факт привлечения последнего к административной ответственности в области дорожного движения, что, разумеется, не принимается судами в качестве заслуживающего внимания довода³⁰⁵.

При этом, при разрешении спора о лишении родительских прав, суды учитывают наличие обвинительных приговоров о признании ответчика виновным в совершении преступления, направленного против личности и, по отдельным составам преступлений, - против государственной власти.

Особое значение для данной категории дел имеют факты привлечения лица к уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ), против половой неприкосновенности и половой свободы личности (глава 18 УК РФ), а также против семьи и несовершеннолетних (глава 20 УК РФ).

В отношении случаев лишения родительских прав по причине злостного уклонения от уплаты алиментов важное доказательственное значение имеют факты привлечения лица к административной ответственности по части 1 статьи 5.35.1 КоАП РФ), а также к уголовной ответственности по части 1 статьи 157 УК РФ, о чем имеются разъяснения ВС РФ (пункт 16 Постановления Пленума № 44).

Однако, хотя обратная позиция и содержится в Постановлении Пленума № 44, на практике привлечение лица лишь к административной ответственности по названной статье КоАП РФ не рассматривается судами в качестве достаточного свидетельства злостности уклонения от уплаты алиментов: помимо самого факта

³⁰⁵ Решение Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 10.07.2019 г. по делу № 2-900/2019 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/HRIAoQMVqp1T/ (дата обращения: 15.11.2022).

привлечения к административной ответственности требуется предоставить суду иные доказательства, подтверждающие уклонение лица от уплаты алиментов, включая документы, полученные от органов службы судебных приставов.

В свою очередь, статья 157 УК РФ содержит административную преюдицию – субъектом преступления по данному составу УК РФ может являться лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние. По сравнению с ранее действовавшей (до июля 2016 года) редакцией УК РФ, «произошло усложнение и увеличение сроков процесса сбора доказательств, подтверждающих уклонение «алиментобязанного» лица, когда вначале следует «добиться» привлечения к административной ответственности, а потом - к уголовной»³⁰⁶.

При этом, ряд авторов считают, что позиция Пленума ВС РФ в части возможности признания лица, привлеченного только к административной по части 1 статьи 5.35.1 КоАП РФ, злостно уклоняющимся от уплаты алиментов, является нецелесообразной, поскольку «это противоречит идее законодателя, направленной на поддержку, укрепление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества, в связи с которой и была декриминализована норма УК РФ»³⁰⁷.

Вместе с тем, автор не считает обоснованной данную позицию, поскольку, по мнению автора, в таком случае суды будут склонны рассматривать факт привлечения лица к уголовной ответственности по части 1 статьи 157 УК РФ в качестве обязательного условия лишения родительских прав, что само по себе противоречит как норме абзаца 2 статьи 69 СК РФ, так и пункту 16 Постановления Пленума, который предусматривает возможные обстоятельства, составляющие признаки злостного характера уклонения от уплаты алиментов, и которые вовсе не

³⁰⁶ Котлярова В.В. К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав / В.В. Котлярова // Мировой судья. 2021. № 10. С. 33 - 37.

³⁰⁷ Жирикова К.А., Саядян С.Г. К вопросу о практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка / К.А. Жирикова, С.Г. Саядян // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 56

ограничены лишь имеющими место ранее фактами привлечения ответчика к юридической ответственности в установленном порядке.

С учетом вариативности и многообразия жизненных ситуаций, особенно в рассматриваемой категории дел, сужение горизонта судейского усмотрения «уголовной преюдицией» не представляется целесообразным.

5) Иные относимые доказательства по делу. В частности, по делам о лишении родительских прав судами учитываются следующие виды доказательств:

- характеристика истца и (или) ответчика с места работы;
- характеристика истца и (или) ответчика, полученная от муниципальных органов (администратий сельских поселений, муниципальных округов и т.п.);
- справки-характеристики, полученные от должностных лиц органов внутренних дел;
- психолого – педагогические характеристики, выданные центрами социального обслуживания населения, образовательными учреждениями.

Исчерпывающий перечень оснований для применения института лишения родительских прав «не сводит на нет» стремление органов правопорядка расширить такие случаи в рамках правоприменения.

В частности, одной из таких попыток можно рассматривать дело супругов Проказовых. Согласно обстоятельствам дела, Перовский межрайонный прокурор обратился в суд с иском о лишении родительских прав супругов Проказовых, которые в 2019 году присутствовали на митинге вместе с годовалым ребенком³⁰⁸.

Кроме того, во время его прохождения супруги передали сына гражданину Фомину, что по мнению прокуратуры, являлось подверганием опасности здоровья и жизни ребенка³⁰⁹. Согласно пояснениям ответчиков, они осуществляли прогулку

³⁰⁸ Дело № 33-46028/2019 (02-3930/2019), рассмотренное Лефортовским районным судом и Московским городским судом. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ca132f1d-f5f3-4153-97b7-06dc5a33710f> (дата обращения: 10.10.2022).

³⁰⁹ Органы прокуратуры поясняли ситуацию следующим образом: «Проказовы во время акции передали сына Сергею Фомину, который благодаря этому смог пройти через полицейский кордон, избежав задержания. Момент передачи ребенка был зафиксирован на видео оперативниками центра противодействия экстремизму (центра "Э") МВД. Фомин - один из обвиняемых по делу о массовых беспорядках (ст. 212 УК РФ) в столице, которое расследует ГСУ СКР по Москве. Он находится в федеральном розыске. Информация о том, что Фомин использовал ребенка,

с ребенком и родственником (Фоминим) в центре Москвы, совпавшей с массовой акцией протеста.

В результате рассмотрения данного суда судом первой инстанции было отказано в удовлетворении заявленных требований (апелляция оставила в силе данное решение).

Представляется, что принятые судебные акты в полной мере соответствуют действующему законодательству Российской Федерации, так как лишение родительских прав возможно лишь в ограниченном количестве случаев, участие в несанкционированном мероприятии, не относится к таковым, так как напрямую не связано с наличием опасности для ребенка, создаваемой родителями.

Аналогичного подхода придерживаются Н.А. Матвеева и А.И. Воеводина, отмечая, что само по себе участие в публичном мероприятии не является достаточным для применения статьи 69 СК РФ³¹⁰.

Применительно к рассматриваемому случаю отсутствует причинная связь между действиями родителей и негативными последствиями для ребенка, что является обязательным для применения института лишения родительских прав³¹¹.

Иной подход свидетельствовал бы о возможности лишения родительских прав во всех случаях, когда ребенок каким-либо образом связан с политическими событиями, деятельностью запрещенных в России организаций, иностранных агентов и т.д. (например, использование ребенком запрещенных в России социальных сетей).

Безусловно, подобные факты не должны влечь за собой юридическую ответственность в принципе, так как это является прямым вмешательством в личную жизнь семьи, меры государственного воздействия на которую должны быть минимальны и направлены на разрешение исключительных обстоятельств.

чтобы избежать применения силы со стороны сотрудников Росгвардии, звучала также на судах по избранию меры пресечения другим фигурантам этого дела». URL:<https://www.rbc.ru/society/06/08/2019/5d498d529a79473081bad806> (дата обращения: 10.10.2022).

³¹⁰ Матвеева Н.А., Воеводина А.И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 7 - 10.

³¹¹ Ладочкина Л.В. Лишение и восстановление родительских прав // Вестник Самарской юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 91 - 94.

Аналогичное дело было рассмотрено Никулинским районным судом по иску Никулинского межрайонного прокурора г. Москвы. По результатам рассмотрения дела в удовлетворении требований было отказано, но родителям вынесли предупреждение ввиду невыполнения Хомскими своих родительских прав. Согласно данному факту родителям необходимо изменить отношение к вопросам безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних дочерей.

В научной доктрине отмечается, что сам факт возбуждения дела о лишении родительских прав является сильнейшим стрессом³¹². Более того, реабилитация после подобных обстоятельств может негативно сказаться на психологическом здоровье ребенка, который в том или ином виде будет участвовать в процессе рассмотрения подобного иска.

Так, в деле супругов Хомских в процессе рассмотрения дела о лишении родительских прав у матери практически пропало грудное молоко, необходимое трех месячному ребенку. Как отметил психолог, помощь которого потребовалась в данном случае, у Елены Хомской присутствовали «глубокие материнские страдания из-за возможного отобрания ребенка»³¹³.

Исходя из указанного возникает вопрос о целесообразности установления права прокурора обращаться в суд с иском о лишении родительских прав только после получения предварительного заключения органа опеки и попечительства³¹⁴.

Наличие такой меры не будет препятствием для применения экстренных мер воздействия, включая отобрание ребенка в порядке статьи 77 СК РФ. Кроме того, действующее законодательство Российской Федерации устанавливает

³¹² Зыков С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9 - 11.

³¹³ Адвокату удалось пресечь попытку лишения родительских прав за нахождение на митинге с детьми URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-udalos-presech-popytku-lisheniya-roditelskikh-prav-za-nakhozhdienie-na-mitinge-s-detmi/> (дата обращения: 10.10.2022).

³¹⁴ Примечательно, что орган опеки и попечительства в рассмотренных случаях обращения прокурора с иском о лишении родительских прав родителей из-за участия в митинге возражал против применения такой меры ответственности.

Как отметил представитель родителей по делу Проказовых: «то есть на крайне перегруженные тяжелой работой органы возлагается новая специфическая функция: держать на контроле родителей, положительные характеристики которых даны этими органами, а также подтверждены судом. Едва ли это будет способствовать выполнению данными органами своих прямых задач, которые состоят, в частности, в работе с действительно неблагополучными семьями и детьми, оставшимися без попечения родителей, – а таких в нашей стране почти 48 тысяч» URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-udalos-presech-popytku-lisheniya-roditelskikh-prav-za-nakhozhdienie-na-mitinge-s-detmi/> (дата обращения: 10.10.2022).

обязательное участие органа опеки и попечительства в процессе рассмотрения спора о лишении или ограничении родительских прав.

Помимо этого, сам факт наличия подобного судебного разбирательства и вынесения предупреждения родителям (даже при наличии отрицательного заключения со стороны органов опеки и попечительства) будет одним из доказательств в пользу лишения родительских прав.

Примечательно, что в результате ужесточения норм о проведении публичных мероприятий в 2018 году статьи 20.2 КоАП РФ была дополнена частью 1.1, предусматривающей административный штраф за вовлечение несовершеннолетнего в участие в публичном мероприятии. По мнению Л.А. Нудненко подобная тенденция свидетельствует о несоблюдении законодателем баланса публичных и частных интересов, отсутствием учета интересов граждан³¹⁵.

Таким образом, дела о лишении родительских прав являются одними из наиболее сложных, требующих от судьи всестороннего и комплексного анализа всех обстоятельств по делу, подтвержденных соответствующими доказательствами.

Сложность данной категории дел заключается в том, что даже при наличии всех формальных оснований для лишения лица родительских прав, зачастую подобное решение будет вступать в противоречие с интересами ребенка, защита которых является основной целью применения мер семейно-правовой ответственности. Более подробно рассмотрим данный вопрос в следующем параграфе настоящей главы.

³¹⁵ Нудненко Л.А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52 - 55.

§ 2. Особенности применения института лишения родительских прав

Как уже отмечалось в настоящей работе, ключевой задачей института семейно-правовой ответственности, и, в частности, лишения родительских прав, является защита прав и интересов ребенка. Это непосредственно следует из положений статей 65 и 69 СК РФ. Особо отметил данный аспект и ВС РФ в пункте 1 Постановления Пленума № 44: «родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, могут быть ограничены судом в родительских правах или лишены родительских прав».

Таким образом, и логика законодателя, и логика правоприменителя исходит из той исходной аксиомы, что наказание нерадивого родителя само по себе не является целью применения меры семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав: наказание здесь носит сопутствующее значение, второстепенное по отношению к восстановлению и защите прав слабой стороны правоотношений – ребенка.

Более того, как указывает ВС РФ в пункте 13 Постановления Пленума № 44, допустимость лишения родительских прав находится в прямой зависимости от наличия/отсутствия возможности защитить права и интересы детей иным образом: только в случае отсутствия иных способов защиты прав и интересов детей, исковое заявление о лишении родительских прав подлежит удовлетворению.

Даже если имеются формальные основания для лишения лица родительских прав, однако при этом подобный шаг приведет к возможному ущемлению прав и интересов ребенка, суд либо отказывает в иске, и выносит предупреждение лицу о необходимости изменения своего подхода к воспитанию детей, либо отказывает в иске, принимая, вместе с тем, решение об ограничении родительских прав.

Заслуживает внимание позиция А.Н. Левушкина и Э.Х. Надысева, обосновывающих о необходимости мотивированного вынесения судебных актов,

вследствие чего мотивировка решения должна быть конкретной и персональной³¹⁶. При этом подобный подход применим как для института ограничения родительских прав, так и для лишения.

В таком случае применяется модель поддержки и сохранения семьи. Существенные противоречия, возникающие в настоящее время при дискуссии о современной модели семьи, семейных отношениях, не должны приводить к вероятности уменьшения гарантий обеспечения верховенства интересов ребенка.

При этом защита прав и интересов детей в текущих реалиях не может основываться на ранее выработанных подходах применения институтов ответственности в семейном праве. В частности, речь идет об адаптации правового регулирования к цифровой реальности, в рамках которой ребенок может сообщить о наличии каких-либо обстоятельств, которые существенным образом противоречат его интересам, а также не соответствуют ценностям и принципам семейного воспитания. Сложность выявления нарушения прав детей также вызвана недостатком существующих мер по информационной безопасности несовершеннолетних³¹⁷. Исследователи также выявляют сложности в защите детей от деструктивной информации³¹⁸. Требуют законодательного осмысления механизма повышения родительского мониторинга на предмет осведомленности родителей о цифровой среде ребенка³¹⁹. В таком случае ограничение и лишение родительских прав не могут применяться как инструменты защиты прав ребенка.

Кроме того, должны актуализироваться способы противодействия таким фактам. Прежде всего, целесообразно предусматривать различные системы (на платформах, мессенджерах, электронных порталах, видеоиграх), которые позволяют в автоматическом/полуавтоматическом режиме фиксировать возможные противоправные действия со стороны родителей с последующей

³¹⁶ Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К.А. Абдуллаев, Э.Б. Абдурахимова, С.В. Алборов и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с.

³¹⁷ Сустина Т.И. Интересы несовершеннолетних в информационно-правовых отношениях и состояние их информационной безопасности // Образование и право. 2023. № 7. С. 423-425.

³¹⁸ Титор С.Е. Международные принципы защиты детей от деструктивной информации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №3. С. 195-199.

³¹⁹ Бородин В.Н. Роль детско-родительских отношений в возникновении кибербуллинга // МНКО. 2023. № 1 (98). С. 138-141.

передачей такой информации в органы опеки и попечительства, прокуратуру и т.д. Реализация данного положения во многом может быть основана на текущей системе автоматического модерирования, которое позволяет исключать использование нецензурной лексики.

Следует учитывать, что важнейшим правом ребенка является право на жизнь и воспитание в полноценной семье, при непосредственной заботе и уходе со стороны обоих родителей. Разумеется, в тех случаях, когда в отношении ответчика имеются доказанные материалами дела эпизоды применения к ребенку физического или психологического насилия, оскорблений, унижения человеческого достоинства или же посягательств/нарушения половой неприкосновенности ребенка, лишение родительских прав является единственно возможной и необходимой мерой защиты прав и интересов несовершеннолетнего.

Однако, в тех случаях, когда речь идет о «пассивном» неисполнении лицом родительских обязанностей, когда родитель уклоняется от исполнения своих обязанностей, не совершая при этом действий, грубо и непосредственно нарушающих права ребенка, лишение родительских прав носит перспективный, а не ретроспективный характер, то есть, судом учитываются, прежде всего, не имеющие место нарушения интересов ребенка, а наличие или отсутствие свидетельств того, что родитель изменит свое поведение и примет меры для того, чтобы сгладить свою вину перед ребенком.

Фактически, «ретроспективный характер» лишения родительских прав имеет место лишь в случаях, когда родители допустили жестокое обращение с детьми (покушение на половую неприкосновенность детей), особенно приведшее к причинению ребенку травм, а также когда родители совершили преступление в отношении ребенка и иных лиц, поименованных в абзаце 7 статьи 69 СК РФ, иными словами, когда свершившийся юридический факт носит настолько негативный характер, что исправить его в формально-юридическом и фактическом смыслах не представляется возможным.

Во всех остальных случаях лишение родительских прав носит «перспективный характер»: уклонение от исполнения родительских обязанностей,

в том числе, в части неуплаты алиментов, а также злоупотребление родительскими правами может быть прекращено; родители могут забрать своего ребенка из родильного дома; наконец, родители могут излечиться от хронического алкоголизма или наркомании.

В случае, когда речь идет о «перспективном характере» лишения родительских прав, суду следует, прежде всего, оценить реальность перспектив изменения поведения родителей, исправления сложившейся ситуации путем активных действий родителей, а также, насколько это возможно, путем заглаживания морально-психологического компонента вины родителя перед ребенком.

Взор судьи во всех случаях, когда это возможно и целесообразно для обеспечения прав и законных интересов ребенка, должен быть обращен в будущее; прошлое же является определяющим лишь в тех случаях, когда сущность свершившихся в нем событий оставляет в будущем слишком глубокий и вредоносный след, чтобы ее игнорировать.

Вероятно, именно в этом и заключается особенность рассматриваемой категории дел – интересы детей так или иначе устремлены в будущее, и, если тень прошлого может быть навсегда устранена из жизни ребенка без применения таких крайних мер, как лишение родительских прав, суду следует дать родителям шанс на исправление.

Согласно пункту 4 статьи 70 СК РФ, если суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав обнаружит в действиях родителей (одного из них) признаки уголовно наказуемого деяния, он обязан уведомить об этом прокурора. Вместе с тем, по мнению автора, представляется сомнительным решение законодателя ограничиться информированием органов прокуратуры исключительно о наличии в действиях родителя (родителей) признаков преступления, оставляя без должного внимания необходимость пресечения действий, имеющих признаки административно наказуемого деяния.

Совершение родителями в отношении детей и/или иных членов семьи таких правонарушений, как побои (статья 6.1.1 КоАП), вовлечение несовершеннолетнего

в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (статья 6.10 КоАП РФ), пропаганда наркотических средств (статья 6.13 КоАП РФ), а также иного рода правонарушений, предусмотренных главой 6 КоАП РФ, не только представляет угрозу обществу, но может также повлечь за собой причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, вовлечение его в занятие преступной деятельностью и появление у последнего пагубных пристрастий.

Считаем целесообразным изложить пункт 4 статьи 70 СК РФ в следующей редакции: «Если суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав обнаружит в действиях родителей (одного из них) признаки уголовно наказуемого деяния, он обязан уведомить об этом прокурора, а в случае обнаружения в действиях родителей (одного из них) признаков административного правонарушения, предусмотренного главой 6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях – органы, уполномоченные рассматривать дела о соответствующих административных правонарушениях».

Защитная функция лишения родительских прав отражается также и в круге субъектов, которые правомочны обращаться с соответствующим иском заявлением в суд.

Помимо родителя или лица, его заменяющего, прокурора, а также органа опеки и попечительства, указанным правом наделен и сам несовершеннолетний, достигший возраста четырнадцати лет (статьи 56 и 70 СК РФ).

Исходя из указанного, законодательство рассматривает несовершеннолетнего ребенка не просто как пассивного участника правоотношений (субъекта, подлежащего защите), но как субъекта, который наделен безусловным правом на самозащиту в форме обращения с иском заявлением в суд.

Особо данный момент был отмечен в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом ВС РФ 20.07.2011, согласно которому право ребенка на защиту его прав и законных интересов в форме обращения в суд, предусмотренное положениями пункта 2

статьи 56 СК РФ, включает в себя и право инициировать судебное разбирательство о лишении родителей (родителя) родительских прав.

Одним из приоритетных направлений семейно-правового регулирования является защита прав и интересов несовершеннолетних членов семьи (пункт 3 статьи 1 СК РФ).

Практически все положения семейного законодательства пронизаны идеей защиты прав, и даже исключительные меры семейно-правовой ответственности, такие как ограничение или лишение родительских прав, имеют своей первостепенной задачей защиту прав ребенка, как слабой стороны, нуждающейся в особой поддержке и заботе со стороны государства, если родители ребенка по тем или иным причинам не должным образом реализуют родительские права, основанные на нормах СК РФ, общепринятых понятиях морали и нравственности.

Особая забота о подрастающем поколении на сегодняшний день продиктована и растущим геополитическим напряжением, в условиях которого Российской Федерации необходимо обеспечить собственную экономическую систему квалифицированными кадрами и сознательными членами общества, стремящимися развиваться как умственно, так и физически, бережно относящимися к историческому наследию народов Российской Федерации, а также любящими Родину.

Достижение данных целей невозможно без эффективной защиты прав и интересов детей, поскольку именно они в дальнейшем проецируют собственное сформировавшееся мироощущение и мировосприятие на поведенческую модель себя как взрослого человека, что делает задачу защиты прав ребенка стратегически важной, имеющей далеко идущие последствия как в жизни отдельно взятого индивидуума, так и общества в целом.

Лишение родительских прав как способ защиты прав детей безусловно является наименее приемлемым как для государства как с точки зрения сохранения института семьи, так и в рамках вмешательства в семейную жизнь. При этом избрание такой меры ответственности всецело обусловлено интересами ребенка, преобладающими во всей системе регулирования семейных отношений.

В таком случае каждое разбирательство по вопросу лишения родительских прав должно сопровождаться учетом принципа приоритета семейного воспитания детей, который является одним из основных принципов построения всего механизма семейной политики Российской Федерации. Как следует из статьи 4 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», целями государственной политики в интересах детей выступают:

- формирование правовых основ гарантий прав ребенка;
- упрочение основных гарантий и законных интересов детей;
- недопущение дискриминации прав детей;
- защита детей от факторов, негативно влияющих на их развитие;
- содействие развитию детей.

Не вызывает сомнений, что минимизация случаев использования института лишения родительских прав зависит от комплексной государственной политики, направленной на финансовую, социальную, психологическую поддержку семей. Учитывая проанализированную судебную практику, которая демонстрирует лишение родительских прав лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, а также ранее привлекаемых к административной или уголовной ответственности, целесообразно рассматривать данный институт лишь как следствие недостаточно эффективной деятельности государства по решению таких проблем.

Таким образом, лишение родительских прав является одним из важнейших способов защиты прав и интересов детей, хотя и носящим исключительный характер и применяемым только в тех случаях, когда иные меры, предусмотренные семейным законодательством, не могут обеспечить эффективную защиту ребенка от деяний, перечисленных в статье 69 СК РФ.

Применение данной меры на практике должно быть увязано с принципами соразмерности совершенного родителем деяния характеру рассматриваемой меры родительской ответственности, соответствия данного рода нарушения признакам, предусмотренным в статье 69 СК РФ, а также с фактором неустранимости

последствий нарушения (неустранимости риска повторного совершения родителем нарушения) иными способами защиты прав ребенка, предусмотренными СК РФ.

§ 3. Правовые последствия лишения родительских прав

Лишение родительских прав является значимым юридическим фактом, влекущим за собой ряд правовых последствий неимущественного и имущественного характера. Родитель, лишенный родительских прав, утрачивает все права и обязанности по отношению к ребенку, будь то права имущественного или неимущественного характера, за исключением обязанности по содержанию своего ребенка.

Как справедливо отмечает П.Н. Мардахаева, основным элементом воздействия при лишении родительских прав является «поражение в правах»³²⁰. Вместе с тем, имущественный аспект данного рода семейно-правовой ответственности также играет важную роль.

Прежде всего, родители утрачивают все выплаты, связанные с фактом родства с ребенком (часть 2 статьи 60 СК РФ).

Так, в деле, рассмотренном Уссурийским районным судом установлено, что несовершеннолетняя А. имеет право на получение пособия по потере кормильца (в связи со смертью матери), которое, в соответствии с частью 2 статьи 60 СК РФ поступает в распоряжение отца А. – М., который распоряжается денежными суммами по своему усмотрению.

При этом несовершеннолетняя А. является воспитанницей центра социального обслуживания, помещена в данное учреждение по акту о помещении

³²⁰ Мардахаева П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Москва, 2005. С. 189.

несовершеннолетнего, оказавшегося в социально опасном положении. Фактически, нетрудоустроенный М. распоряжается денежными средствами, причитающимися А. не в интересах ребенка, и пользуется возможностью проживания за счет данных денежных средств, тем самым реализуя свои родительские права, предусмотренные частью 2 статьи 60 СК РФ в собственных корыстных интересах.

В свою очередь, обязанности по воспитанию А. и заботе о ней не осуществляет, самоустранившись от жизни дочери. Суд, удовлетворяя заявленный органом опеки и попечительства иск, с учетом положений статьи 71 СК РФ постановил «прекратить выплату М. пособия по потере кормильца, причитающегося несовершеннолетней А.»³²¹.

Лишение родительских прав влечет за собой также и утрату права на получение материнского капитала, а выданный ранее сертификат признается судом недействительным по иску органа уполномоченного органа. Обратимся к правоприменительной практике.

Управление ПФР в городе Магнитогорске обратилось в суд с исковым заявлением к Л. о признании сертификата недействительным.

В обоснование иска истец указал, что на основании требований статей 3 и 5 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Федеральный закон № 256-ФЗ) Управление выдало ответчику сертификат на материнский (семейный) капитал, в связи с предоставлением ответчиком свидетельства о рождении второго ребенка.

Однако, как установлено Управлением в дальнейшем, ответчик Л. к моменту получения сертификата была лишена родительских прав в отношении первого ребенка. При этом, как установлено частью 2 статьи 3 Федерального закона № 256-ФЗ, при реализации дополнительных мер государственной поддержки не

³²¹ Решение Уссурийского районного суда от 24.05.2016 по делу № 2-4509/2016 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/ktuo7405bdHw (дата обращения: 15.11.2022 г.).

учитываются дети, в отношении которых родители лишены соответствующих прав³²².

Таким образом, судом установлено, что на момент выдачи сертификата ответчик уже утратила право на получение дополнительной меры государственной поддержки; сертификат был признан недействительным «как выданный лицу, не имеющему права на его получение»³²³.

Небезынтересным для рассмотрения является приведенное в Обзоре судебной практики ВС РФ № 4 (2020) дело, затрагивающее право родителя на получение социальных выплат при отсутствии факта лишения последнего родительских прав в условиях фактического уклонения от исполнения родительских обязанностей.

В силу пункта 2 статьи 5 Федерального закона от 28.03.1998 № 52-ФЗ и части 8 статьи 3 Федерального закона от 07.11.2011 № 306-ФЗ лицами, имеющими право на получение страховой суммы и единовременной выплаты в связи с гибелью военнослужащего, являются в том числе его родители.

И., являясь матерью погибшего военнослужащего, обратилась в суд с исковым заявлением к Т. (отцу военнослужащего) о лишении последнего права на получение единовременной выплаты и страховой суммы, предусмотренных указанными выше нормативными правовыми актами.

В обоснование исковых требований И. указала, что Т. до достижения сыном совершеннолетия не исполнял родительские обязанности в отношении погибшего: материально последнего не содержал, алименты не выплачивал, контактов с ребенком не поддерживал, интереса к судьбе сына не проявлял, воспитанием не занимался; в довершение вышесказанного Т. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 157 УК РФ в отношении сына.

³²² Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

³²³ Решение Правобережного районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) от 11.07.2016 по делу № 2-2341/2016 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/X5CE1Non4MLT/ (дата обращения: 15.11.2022).

Суд первой инстанции в удовлетворении иска И. отказал, отметив, что действующим законодательством не предусмотрено возможности лишения лица, в отношении которого не было вынесено решения о лишении последнего родительских прав, социальных выплат, основанных на факте родства с ребенком. Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции в силе.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ с вышеозвученными доводами судов не согласилась, указав на следующее.

При решении вопроса о наличии у лица права на социальную выплату следует учитывать не только формальное содержание нормы права, но и определенную законодателем цель рассматриваемых выплат, с учетом общеправовых принципов справедливости, равенства и соразмерности.

Тем самым, хотя законодательством и определен круг лиц, имеющих право на получение социальной выплаты, указанное не означает возможности их дифференциации судом и необходимости учета при рассмотрении дела всех обстоятельств, характеризующих семейно-родственные отношения лиц, фактическое содержание которых непосредственно влияет на признание за лицом статуса получателя социальных выплат.

Как указал ВС РФ, «в случае уклонения от выполнения обязанностей родителя такой родитель может быть лишен права на получение мер социальной поддержки, основанных на факте родства с погибшим военнослужащим»³²⁴.

Фактически, ВС РФ указал на возможность отказа родителю, не лишенному в предшествующий период родительских прав, но чьи действия очевидно свидетельствовали о существовании оснований для такого лишения, предусмотренных статьей 69 СК РФ, в праве на получение социальных выплат, связанных с родственными связями с погибшим ребенком.

Примечательно, что в обоснование своей позиции ВС РФ ссылается и на положения статьи 71 СК РФ.

³²⁴ Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 5. 2021.

Тем самым, налицо, выражаясь языком публицистики, ситуация «идеального шторма», когда фактические обстоятельства дела приводят к противоречию между формально – определенными требованиями закона и правилами юридической техники, с одной стороны, и общеправовыми принципами справедливости, соразмерности и необходимостью недопущения злоупотребления правом, с другой.

Хотя ВС РФ и не говорит о лишении родительских прав в отношении не только переступившего порог совершеннолетия, но и умершего ребенка, он, тем не менее, допускает применение последствий такого лишения в отношении лица, в чьих действиях, имевших место ранее, присутствовали признаки деяний, предусмотренных статьей 69 СК РФ.

Но если речь идет о применении последствий того или иного юридического акта (включая лишение родительских прав), невозможно говорить о том, что сама сущность такого акта не применяется к конкретным лицам, а, следовательно, данный акт признается в той или иной степени свершившимся.

Сложность данной ситуации заключается в том, что правоприменитель допускает нарушение юридической техники при принятии любого из возможных решений.

Суды нижестоящих инстанций, отказывая в удовлетворении иска, фактически допустили возможность злоупотребления правом со стороны отца, который никоим образом не участвовал в воспитании и содержании погибшего ребенка, следовательно, при подаче искового заявления о лишении отца родительских прав до достижения ребенком совершеннолетия, существовали объективные основания для удовлетворения указанных исковых требований.

В этой ситуации суды руководствовались необходимостью соблюдения формально-определенных требований законодательства, невозможностью лишения родительских прав «post facto», что также справедливо с точки зрения юридической техники и недопустимости расширительного толкования смысла юридических норм вразрез с волей законодателя. Справедливый вопрос, в данном

случае, звучит следующим образом: может ли данная ситуация быть преодолена путем судебного усмотрения?

Содержание понятия «судейское усмотрение» в общеправовом смысле наиболее точно и емко раскрывается Тринадцатым арбитражным апелляционным судом: «судейское усмотрение есть относительно свободный выбор возможного правового решения применительно к конкретной жизненной ситуации, осуществляемый судом... право суда сводится не к свободе усмотрения, а к полномочию сделать наиболее эффективный выбор»³²⁵.

Судейское усмотрение, как отмечает при этом суд, имеет свои пределы, которые проявляются в применении судом аналогии права, преодолении существующих коллизий норм права, придании смысла оценочным понятиям, а также в осмыслении и применении, с учетом конкретных обстоятельств дела, принципов права в целях достижения целей и смысла правового регулирования – обеспечении законности, защите прав и свобод граждан, недопущении извлечения кем-либо выгоды из своего недобросовестного поведения.

Принимая во внимание содержание такого явления, как судебское усмотрение, а также учитывая все обстоятельства дела и особенности законодательного регулирования, представляется сомнительным возможность преодоления судами формальных установлений закона в целях претворения в жизнь принципов права.

В рассмотренном ВС РФ деле однозначность и императивность регулирования (в части положений СК РФ, Федеральных законов № 52-ФЗ и № 306-ФЗ) не позволяла нижестоящим судам, по мнению автора, достичь решения, аналогичного тому, что принял сам ВС РФ, поскольку обратное означало бы превалирование одного принципа права – справедливости, над другим, не менее важным принципом права – принципом законности.

Разумеется, баланс данных принципов, для целей эффективной реализации норм права, должен быть определен судом, однако данное явление, в том или ином

³²⁵ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2022 № 13АП-30074/2022 по делу № А56-9446/2022 // СПС КонсультантПлюс.

виде, представляет собой отрицательную для правоприменения ситуацию, когда суд, учитывая необходимость соблюдения принципа справедливости, вынужден прибегать к фактически прямому нарушению норм права, или же, по меньшей мере, к их расширительному толкованию.

Для целей устранения пробельности правового регулирования, с учетом названной выше позиции ВС РФ автор предлагает дополнить статью 3 306-ФЗ частью 19 следующего содержания:

«19. В случае уклонения от выполнения обязанностей родителя такой родитель может быть по иску заинтересованного лица в судебном порядке лишен права на получение мер социальной поддержки и выплат, предусмотренных частями 2.2, 2.4, 8 и 9 настоящей статьи, основанных на факте родства с погибшим военным служащим».

Необходимо также дополнить статью 11 52-ФЗ пунктом 5 следующего содержания:

«5. В случае уклонения от выполнения обязанностей родителя такой родитель может быть по иску заинтересованного лица в судебном порядке лишен права на получение страховой суммы, предусмотренной абзацем вторым пункта 2 статьи 5 настоящего Федерального закона в случае гибели (смерти) застрахованного лица в период прохождения военной службы».

Кроме того, автор считает целесообразным внести изменения в пункт 1 статьи 71 СК РФ, изложив его в следующей редакции:

«1. Родители, лишённые родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребёнком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания (статья 87 настоящего Кодекса), а также право на льготы, государственные пособия, страховые и иные выплаты, установленные для граждан, имеющих детей. В случаях, установленных законом, по решению суда последствия лишения родительских прав в части лишения права на получение льгот, государственных пособий, страховых и иных выплат, установленных для граждан, имеющих детей, могут быть применены в

отношении родителей, хотя и не лишенных родительских прав, но уклонявшихся от выполнения обязанностей родителей, предусмотренных настоящим Кодексом.».

Данные изменения в СК РФ, Федеральных законов № 306-ФЗ и № 52-ФЗ обуславливаются необходимостью законодательно закрепить правовой подход, изложенный ВС РФ в Обзоре судебной практики № 4 (2020).

Полагаем, что включение данного положения «будет способствовать единообразному правоприменению, нивелированию возможности злоупотребления правом со стороны лиц, не исполнявших родительские обязанности, а также устранению правовой определенности на законодательном уровне»³²⁶.

В соответствии с частью 2 статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), правом пользования жилым помещением, принадлежащим собственнику наделены и члены его семьи. При этом, в силу части 4 статьи 31 ЖК РФ, последствием лишения родительских прав является утрата родителем жилищных прав на пользование жилым помещением, принадлежащим несовершеннолетнему на праве собственности.

Так, Р., являясь отцом несовершеннолетней А., после смерти супруги (матери А.) оставил несовершеннолетнюю А. без родительского попечения, выселился из жилого помещения, принадлежащего А. и третьему лицу К. на праве собственности, не оказывал ей материальной помощи, устранился от воспитания дочери, ввиду чего заботу о несовершеннолетней А. взяла на себя И. (бабушка последней). Р. был ограничен в родительских правах, а впоследствии – лишен родительских прав. Истец И., действуя в интересах несовершеннолетней А., обратилась в суд с исковым заявлением о признании Р. утратившим право пользования жилым помещением, и снятии последнего с регистрационного учета.

Суд, приняв во внимание, что ответчик на момент рассмотрения искового заявления осуществляет право пользования другим жилым помещением (проживая в другой семье), имеет стабильный доход и, следовательно, способен обеспечить

³²⁶ Фарафонтова Д.С. Отдельные направления совершенствования институтов ограничения и лишения родительских прав //Право и управление. № 10 2023. С. 90.

себя жилым помещением, пришел к выводу, что оснований для сохранения за ответчиком права пользования жилым помещением, принадлежащим А. и третьему лицу К. на праве собственности, предусмотренных частью 4 статьи 31 ЖК РФ, не имеется, и удовлетворил иски в полном объеме³²⁷.

При лишении родителей родительских прав ребенок сохраняет все имущественные права, основанные на факте родства, в том числе право собственности на жилое помещение, право пользования им, а также права, вытекающие из наследственных правоотношений (часть 4 статьи 71 СК РФ).

Следует отметить, что после достижения совершеннолетия дети сохраняют не только право собственности на жилое помещение, но и право на пользование жилым помещением, предоставленным родителям по договору социального найма жилого помещения. При этом, факт длительного непроживания ребенка в названном жилом помещении не влияет на сохранение указанного права за ребенком³²⁸.

Довольно жестко законодателем решается вопрос о выселении родителей из жилого помещения при невозможности совместного проживания с ребенком, в отношении которого родители лишены родительских прав: согласно части 2 статьи 91 ЖК РФ указанные лица «могут быть выселены в судебном порядке из жилого помещения без предоставления другого жилого помещения, если иное не предусмотрено законом субъекта Российской Федерации»³²⁹.

Следует учитывать, что названная норма ЖК РФ распространяется на правоотношения, связанные с наймом жилого помещения по договору социального найма. Родитель – собственник жилого помещения не может быть выселен из данного жилого помещения по названному основанию.

В случае невозможности, после лишения родителя родительских прав, передачи ребенка другому родителю (в том числе если родительских прав лишены

³²⁷ Решение Шарыповского городского суда (Красноярский край) от 13.07.2021 по делу № 2-504/2021 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/x20qIeY5EGL0/ (дата обращения: 15.11.2022).

³²⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 10.12.2012 по делу № 11-25017 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁹ Жилищный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

оба родителя), ребенок передается на попечение органа опеки и попечительства (пункт 5 статьи 71 СК РФ).

При этом, по прошествии полугода со дня вынесения решения суда о лишении родительских прав ребенок может быть усыновлен в установленном законом порядке (пункт 6 статьи 71 СК РФ).

Исходя из представленных аспектов можно сделать вывод о том, что в статье 71 СК РФ охватываются лишь основные последствия лишения родительских прав, которые раскрываются в большинстве случаев исключительно с точки зрения судьбы ребенка. Вместе с тем такой подход является достаточно спорным, так как не учитывается другая сторона правоотношений – родитель.

Прежде всего, вызывает вопросы отсутствие каких-либо ограничений для лица, лишённого родительских прав, в рамках осуществления трудовых правоотношений. В частности, статья 331 Трудового кодекса Российской Федерации, посвященная праву на занятие педагогической деятельностью, не устанавливает запрет допуска к педагогической деятельности лиц, которые лишены родительских прав. Представляется, что такое правовое регулирование не отвечает устоявшимся требованиям к педагогическому работнику, процессу осуществления образовательной деятельности, а также существованию образовательного процесса. В пользу указанного приведем следующие аргументы.

Во-первых, все предусмотренные законодателем случаи лишения родительских прав охватывают ненадлежащее воспитание ребенка или факт крайне асоциального поведения.

Во-вторых, подобная превентивная мера является достаточно распространенной в действующем законодательстве Российской Федерации. Так, в статье 11 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» устанавливается запрет для иностранных агентов осуществлять «просветительскую деятельность в отношении несовершеннолетних и (или) педагогическую деятельность в государственных и муниципальных образовательных организациях». При этом в отношении иностранных агентов фактически отсутствуют выявленные

факт ненадлежащего воспитания или противоправных действий в отношении ребенка.

В-третьих, педагогические работники во многом формируют структуру личности ребенка, т.е. определяют его нравственное, психологическое становление.

Перечисленные факторы демонстрируют недостаточную обоснованность существующего подхода к правовым последствиям лишения родительских прав.

Таким образом, лишение родительских прав влечет за собой комплекс юридических последствий как имущественного, так и неимущественного характера, при этом, анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости совершенствования законодательного регулирования в данной сфере, в том числе, с учетом позиций ВС РФ.

Таким образом, лишение родительских прав влечет за собой комплекс юридических последствий как имущественного, так и неимущественного характера, включая лишение права на воспитание, права на решение вопросов об образовании ребенка, права быть законным представителем ребенка, права на общение с ребенком, а также прав имущественного характера (прав на получение и распоряжение выплатами, причитающимися ребенку в качестве алиментов, пенсий и пособий).

При этом анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости совершенствования законодательного регулирования в рассматриваемой сфере, в том числе, с учетом позиций ВС РФ. Так, необходимым представляется внесение изменений в положения 306-ФЗ, 52-ФЗ и статью 71 СК РФ в части недопущения получения родителем погибшего военнослужащего, ненадлежащим образом, осуществлявшим родительские обязанности, денежных выплат, предусмотренных положениями 306-ФЗ и 52-ФЗ.

Заключение

Правовое регулирование отношений, связанных с институтом семьи, объективно нуждается в пристальном внимании всех участников законотворческого процесса. Ограничение и лишение родительских прав, будучи самыми жесткими санкциями в рамках юридической ответственности в сфере семейных отношений, должны основываться на механизмах, исключающих, или по крайней мере, уменьшающих возможность принятия решений, не соответствующих интересам ребенка.

Рассмотренная в рамках настоящей работы семейно-правовая ответственности, направленная на защиту прав ребенка, характеризуется непоследовательностью, наличием большого количества противоречий, как в процессе толкования, так и правоприменения. Юридическая ответственность как механизм защиты прав ребенка, тем самым, можно охарактеризовать как совокупность семейно-правовых, гражданско-правовых, уголовно-правовых и административно-правовых мер, направленных на предупреждение, пресечение и недопущение впредь нарушения прав ребенка, а также на возмещение ущерба, причиненного ребенку.

В свою очередь, правовая природа лишения и ограничения родительских прав складывается из триединства следующих составляющих: мера родительской ответственности, как специфического рода ответственности, носящей морально-психологический характер; мера семейно-правовой ответственности, являющейся отраслевым видом ответственности, отличным от гражданско-правовой ответственности, а также способ защиты прав ребенка, причем последнее здесь выступает и как способ, и как цель применения данного рода мер.

При этом ограничение родительских прав существенно различается в зависимости от действий/бездействий родителей. Рассматриваемый институт направлен на отобрание ребенка в тех случаях, когда его дальнейшее нахождение

с родителями или родителем может быть опасно. Критерии наличия подобного обстоятельства являются компетенций судов в рамках оценки доводов заинтересованных лиц и представленных ими доказательств. В свою очередь, принятие решения об ограничении родительских прав должно быть оправданным и не может быть признано обоснованным исключительно в случаях специфического воспитания, каких-либо иных взглядов родителей, не характерных для всего общества. Указанное свидетельствует о высокой значимости экспертных позиций, заключений для обеспечения правомерности судебных актов об ограничении родительских прав.

Кроме того, ограничение родительских прав предполагает анализ наличия достаточных оснований для лишения родительских прав. Вместе с тем установленные в СК РФ особенности применения данного института не позволяют обеспечить возможность последовательного разграничения. Соответственно предложенное изменение пункта 2 статьи 73 СК РФ, касающееся непосредственного закрепления в качестве основания для ограничения родительских прав – уклонение от выполнения обязанностей родителей, призвано обеспечить соответствие законодательства складывающейся судебной практике.

Правовые последствия ограничения родительских прав предполагают совокупность элементов, влекущих утрату лишь части прав и обязанностей. Подобное регулирование призвано обеспечить возможность восстановления полноценного функционирования института семьи в каждом конкретном случае. В свою очередь, недостатком действующего законодательства Российской Федерации является отсутствие механизмов в СК РФ, направленных на исправление родителя или родителей. Важность подобных мер обусловлена задачей государства предпринять все меры для уменьшения вероятности применения более жесткой меры юридической ответственности – лишения родительских прав.

Лишение родительских прав, являясь крайней мерой правового воздействия, влечет за собой комплекс юридических последствий как имущественного, так и неимущественного характера, при этом, анализ правоприменительной практики

свидетельствует о необходимости совершенствования законодательного регулирования в данной сфере, в том числе, с учетом позиций ВС РФ.

Среди правовых проблем, выявленных автором в ходе написания настоящей работы выделим следующие:

1. Декриминализация домашнего насилия повлекла за собой исключение в ряде случаев возможности применения института лишения родительских прав, как меры, применяемой лишь в случае совершения умышленного преступления против ребенка, родителя, супруга или иного члена семьи. В этой связи предлагается расширить данное основание, предусмотрев возможность его применения в случае привлечения родителя к административной ответственности по статье 6.1.1 КоАП с аналогичным субъектным составом на стороне потерпевших.

2. Действующая редакция СК РФ не предусматривает возможность ограничения родительских прав лиц, уклоняющихся от выполнения родительских обязанностей. Фактически СК РФ не предусматривает возможность применения рассматриваемого института в случае отсутствия опасности. Учитывая изложенное, предлагается внести соответствующие изменения в пункт 2 статьи 73 СК РФ, дополнив его положениями о возможности ограничения родительских прав лиц, уклоняющихся от выполнения обязанностей родителей, при отсутствии достаточных оснований для лишения родителей (одного из них) родительских прав.

3. Текущая редакция СК РФ, Федеральных законов № 306-ФЗ и № 52-ФЗ позволяет лицу, не осуществлявшему свои родительские обязанности в отношении ребенка либо осуществлявшему их ненадлежащим образом, в разрез с требованиями СК РФ (что подтверждается материалами дела), но не лишенному, при этом, родительских прав, получать соответствующие выплаты, предусмотренные Федеральными законами № 306-ФЗ и № 52-ФЗ для родителей погибшего военнослужащего. Предлагается внести соответствующие изменения в пункт 1 статьи 71 СК РФ, статью 3 Федерального закона № 306-ФЗ, статью 11 Федерального закона № 52-ФЗ, которые бы давали суду по иску заинтересованного лица полномочие на лишение лица, ненадлежащим образом исполнявшего свои

родительские обязанности (не исполнявшего их вовсе) права на получение мер социальной поддержки и выплат, предусмотренных Федеральными законами № 306-ФЗ и 52-ФЗ, основанных на факте родства с погибшим военнослужащим.

4. Учитывая роль заключения уполномоченных органов для рассмотрения вопроса об ограничении и лишении родительских прав (нередко их отсутствие является основанием для отмены или изменения решений в ходе рассмотрения дела в апелляционной и кассационной инстанциях) целесообразным представляется закрепление в статьях 70, 73 СК РФ положений, предусматривающих не только обязательное участие прокурора и органа опеки и попечительства, но и обязанность данных субъектов представить свое мотивированное мнение по данному вопросу.

5. В целях исключения практики попыток лишения или ограничения родительских прав в случае общественно-политической деятельности родителей или иных каких-либо обстоятельств, не связанных с поведением родителей по отношению к ребенку, на уровне Постановления Пленума № 44 требуется установление положения о том, что суд не вправе принять решение о применении рассматриваемых мер семейно-правовой ответственности в случае отсутствия негативных последствий для ребенка, в том числе возможных, от поведения родителя, наличие которых является объективным.

6. Учитывая, что при рассмотрении спора о лишении родительских прав, суд вправе ограничиться решением об ограничении родителя в родительских правах, перечень субъектов, обладающих правом обращаться с иском об ограничении или лишении родительских прав, должен быть идентичным. Указанное также следует из взаимосвязанности рассмотренных институтов, так как не изменение поведения родителем, ограниченным в родительских правах, является основанием для лишения его в родительских правах.

7. Законодательство Российской Федерации, предусматривая целый ряд мер семейно-правовой ответственности родителей, практически не содержит эффективных институтов, направленных на исправление поведения родителей, а также предотвращения случаев применения институтов ограничения и лишения родительских прав. Вместе с тем, в условиях санкционного давления необходимым

представляется приоритет подобных мер, что особенно актуально ввиду Десятилетия детства, объявленного Президентом Российской Федерации на период 2018-2027 годов.

Список использованных источников и литературы

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. выпуск XLVI. 1993.
3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22.01.1993) // СЗ РФ. 24.04.1995. № 17. Ст. 1472.
4. Судебник 1550 г. // Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.
5. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
6. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.
7. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
8. Закон РСФСР от 30.07.1969 «Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР» // Свод законов РСФСР. Т. 2. С. 43. 1988.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 16.04.2022) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. ст. 16.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

13. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 18.03.2022) // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

14. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

15. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.

16. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 19.08.1996. № 34. Ст. 4029.

17. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 21.11.2022) // СЗ РФ. 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

18. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

19. Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 28.04.2008. № 17. Ст. 1755.

20. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 17.02.2023) // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

21. Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 13.02.2017. № 7. Ст. 1027.

22. Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» (ред. от 30.04.2021) // СЗ РФ. 31.12.2018. № 53 (часть I). Ст. 8427.

23. Указ Президента РФ от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» (ред. от 15.01.2019) // СЗ РФ. 07.09.2009. № 36. Ст. 4312.

24. Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // КонсультантПлюс.

25. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.

26. Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 - 2022 годы» // СЗ РФ. 13.03.2017. № 11. Ст. 1618.

27. Приказ Минобразования России от 28.02.2000 № 619 «О Концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде» // СПС КонсультантПлюс.

28. Приказ Генпрокуратуры России от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность. № 2. 2008.

29. Приказ Минпросвещения России от 15.06.2020 № 300 «Об утверждении Порядка формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // СПС КонсультантПлюс.

30. Приказ Генпрокуратуры России от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. № 2. 2022.

31. Гражданский кодекс Франции / Пер. с франц. В. Захватаев; Отв. ред. А. Довгерт. Киев, 2006.

II. Правоприменительная практика

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // СЗ РФ. 12.04.2004. № 15. Ст. 1519.

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «Ютэйр» // СЗ РФ. 09.01.2012. № 2. Ст. 397.

34. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть» // СЗ РФ. 15.06.2015. № 24. Ст. 3547.

35. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко» // СЗ РФ. 06.07.2020. № 27. Ст. 4287.

36. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1446-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бишаева Виктора Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 3, частью первой статьи 6 и частью третьей статьи 60 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

37. Постановление ЕСПЧ от 26.05.1994 по делу «Киган против Ирландии» (Keegan v. Ireland) // СПС КонсультантПлюс.

38. Постановление ЕСЧП от 27.10.1994 по делу «Крон и другие против Нидерландов» (Kroon and Others v. Netherlands) // СПС КонсультантПлюс.

39. Постановление ЕСПЧ от 24.03.1998 по делу «Ольссоны (Olsson) против Швеции (№ 1)» (жалоба № 10465/83) // СПС КонсультантПлюс.

40. Постановление ЕСПЧ от 25.01.2000 по делу «Игнакколо-Зениде против Румынии» (Ignaccolo-Zenide v. Romania) (жалоба № 31679/96) // СПС КонсультантПлюс.

41. Постановление ЕСПЧ от 13.07.2000 по делу «Скоццари и Джунта (Scozzari and Giunta) против Италии» (жалобы № 39221/98 и 41963) // СПС КонсультантПлюс.

42. Постановление ЕСПЧ от 12.07.2001 по делу «К. и Т. против Финляндии» // СПС КонсультантПлюс.

43. Постановлении ЕСПЧ от 26.10.2006 по делу «Валлова и Валла (Wallová and Walla) против Чехии» (жалоба № 23848/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 4.

44. Постановление ЕСПЧ от 08.01.2008 по делу «Р.Р. против Польши» (R.R. v. Poland) (жалоба № 8677/03) // СПС КонсультантПлюс.

45. Постановление ЕСПЧ от 12.06.2008 по делу «Бевака и С. против Болгарии» (Bevacqua and S. v. Bulgaria) (жалоба № 71127/01) // СПС КонсультантПлюс.

46. Постановление ЕСПЧ от 18.12.2008 по делу «Савины (Saviny) против Украины» (жалоба № 39948/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 4.

47. Постановление ЕСПЧ от 09.06.2009 по делу «Опуз против Турции» (Opuz v. Turkey) (жалоба № 33401/02) // СПС КонсультантПлюс.
48. Постановление ЕСПЧ от 29.03.2016 по делу «Кочеров и Сергеева (Kocherov and Sergeyeva) против Российской Федерации» (жалоба № 16899/13) // Бюллетень ЕСПЧ. 2017. № 1(175).
49. Постановление ЕСПЧ от 26.04.2018 по делу «Мохамед Хасан (Mohamed Hasan) против Норвегии» (жалоба № 27496/15) // Бюллетень ЕСПЧ. 2018. № 10.
50. Постановление ЕСПЧ от 09.07.2019 по делу «Володина против Российской Федерации» (Volodina v. Russia) (жалоба № 41261/17) // СПС КонсультантПлюс.
51. Постановление ЕСПЧ от 16.06.2020 по делу «Польшина (Polshina) против Российской Федерации» (жалоба № 65557/14) // СПС КонсультантПлюс.
52. Постановление ЕСПЧ от 02.02.2022 по делу «Куцнер (Kutzner) против Германии» (жалоба № 46544/99) // СПС КонсультантПлюс.
53. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюллетень ВС РФ. № 7. июль. 2012.
54. Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // Бюллетень ВС РФ. № 5. 2021.
55. Постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. № 24. 09.02.1999.
56. Постановление Пленума ВС РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень ВС РФ. № 6. 2006.
57. Постановление Пленума ВС РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. № 13. 24.01.2007.

58. Постановление Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. № 295. 29.12.2015.

59. Постановление Пленума ВС РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень ВС РФ. № 1. 2018.

60. Определение ВС РФ от 01.09.2009 № 5-В09-105 // СПС КонсультантПлюс.

61. Определение ВС РФ от 20.03.2012 № 5-В11-132 // СПС КонсультантПлюс.

62. Определение ВС РФ от 18.07.2017 № 5-КГ17-49 // СПС КонсультантПлюс.

63. Определение ВС РФ от 20.02.2018 № 19-КГ17-39 // СПС КонсультантПлюс.

64. Определение ВС РФ от 18.02.2020 № 41-КГ19-50 // СПС КонсультантПлюс.

65. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 по делу № 88-5050/2022 // СПС КонсультантПлюс.

66. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11.10.2022 по делу № 88-22086/2022 // СПС КонсультантПлюс.

67. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 по делу № 88-8280/2022, 2-760/2021 // СПС КонсультантПлюс.

68. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2021 № 88-1964/2021 // СПС КонсультантПлюс.

69. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 № 88-2056/2021, 2-177/2020 // КонсультантПлюс.

70. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2020 № 88-4300/2020 // СПС КонсультантПлюс.

71. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.07.2020 № 88-4300/2020 // СПС КонсультантПлюс.
72. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 № 88-33620/2022 по делу № 2-21/2022 // СПС КонсультантПлюс.
73. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.10.2020 № 88-21474/2020 // СПС КонсультантПлюс.
74. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.02.2022 по делу № 88-1116/2022 // СПС КонсультантПлюс.
75. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2021 по делу № 88-10383/2021 // СПС КонсультантПлюс.
76. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-13775/2022 // СПС КонсультантПлюс.
77. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу № 88-13783/2022 // СПС КонсультантПлюс.
78. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2022 № 13АП-30074/2022 по делу № А56-9446/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
79. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 17.01.2019 по делу № 33-146/2019 // СПС КонсультантПлюс.
80. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 28.04.2016 по делу № 33-2842/2016 // СПС КонсультантПлюс.
81. Апелляционное определение Московского городского суда № 2-152/2020, 33-33478/2020 // СПС КонсультантПлюс.
82. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.03.2021 по делу № 33-9171/2021 // СПС КонсультантПлюс.
83. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2021 по делу № 33-13862/2021 // СПС КонсультантПлюс.
84. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.12.2012 по делу № 11-25017 // СПС КонсультантПлюс.

85. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2021 по делу № 33-19647/2021 // СПС КонсультантПлюс.
86. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.01.2018 по делу № 33-3023/2018 // СПС КонсультантПлюс.
87. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.03.2016 по делу № 33-10328/2016 // СПС КонсультантПлюс.
88. Апелляционное определение Московского областного суда от 26.03.2018 по делу № 33-6586/2018 // СПС КонсультантПлюс.
89. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 20.04.2017 по делу № 33-3569/2017 // СПС КонсультантПлюс.
90. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.11.2020 № 33а-22208/2020 по делу № 2а-3229/2020 // СПС КонсультантПлюс.
91. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 13.12.2016 по делу № 33-4938/2016 // СПС КонсультантПлюс.
92. Решение Кольчугинского городского суда Владимирской области от 29.01.2016 по делу № 2-77/2016 // СПС КонсультантПлюс.
93. Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 28.08.2015 по делу № 2-2244/2015// СПС КонсультантПлюс.
94. Решение Октябрьского районного суда г. Владимира от 31.10.2015 по делу № 2-4928/2015 // СПС КонсультантПлюс.
95. Решение Рузского районного суда Московской области от 24.11.2016 по делу № 2-2287/2016 // СПС КонсультантПлюс.
96. Решение Судогодского районного суда Владимирской области от 22.01.2016 по делу № 2-85/2016 // СПС КонсультантПлюс.
97. Решение Киржачского районного суда Владимирской области от 25.03.2015 по делу № 2-243/2015// СПС КонсультантПлюс.
98. Решение Суздальского районного суда Владимирской области от 07.04.2016 делу № 2-273/2016// СПС КонсультантПлюс.

99. Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 02.06.2016 по делу № 2-1689/2016 // СПС КонсультантПлюс.

100. Решение Собинского городского суда Владимирской области от 22.06.2015 по делу № 2-241/2015 // СПС КонсультантПлюс.

101. Решение Ковровского городского суда Владимирской области от 08.07.2015 по делу № 2-2755/2015 // СПС КонсультантПлюс.

102. Обобщение практики рассмотрения районными судами Самарской области в 2018 - 2019 годах гражданских дел по спорам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, об ограничении родительских прав, о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав, о восстановлении в родительских правах, об отмене усыновления детей, об установлении отцовства, об оспаривании отцовства (материнства) (подготовлено Самарским областным судом 21.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

103. Актуальные проблемы рассмотрения споров, вытекающих из брачно-семейных отношений (подготовлены Пензенским областным судом 27.05.2016)) // СПС КонсультантПлюс.

104. Справка Красноярского краевого суда от 25.05.2010 «По обобщению практики разрешения судами Красноярского края споров, связанных с воспитанием детей» // Буква закона. № 66. 2010.

105. Информация Минюста России от 20.07.2015 «Ответы на вопросы граждан, связанные с обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Социальный мир. № 32, 24 - 31.08.2015 (извлечения).

III. Монографии, учебники, учебные пособия, статьи

106. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К.А. Абдуллаев, Э.Б. Абдуряхимова, С.В. Алборов и др.; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022.

107. Алборов, С.В. Обеспечение баланса интересов и прав супругов при осуществлении ими брачно-семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 3-6.
108. Алейникова, В.В. Принцип добросовестности в семейном праве: сфера применения и пути толкования // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 3-7.
109. Алексеев, С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев // Москва: Юрид. лит. 1971.
110. Андреева, И. Процессуальные вопросы рассмотрения дела воспитания детей // Советская юстиция. 1977. № 24.
111. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 2002. 336 с.
112. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юристъ, 2003. 333 с.
113. Ахмедов, А.Я., Толочкова, И.А. Препятствование получению образования как основание привлечения к семейно-правовой ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 125-134.
114. Базылев, Б.Т. Юридическая ответственность: (Теорет. вопр.) / Б. Т. Базылев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та. 1985.
115. Баранов, В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 5-21.
116. Беянинова, Ю.В. Родители и дети: юридические вопросы / Ю.В. Беянинова // СПС КонсультантПлюс.
117. Береза, З.М. Международные подходы к доказыванию в делах о домашнем насилии // Российский юридический журнал. 2022. № 3. С. 75-86.
118. Беспалов, Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании // Наследственное право. 2021. № 2.
119. Беспалов, Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 6-11.
120. Беспалов, Ю.Ф. Семейное законодательство РФ: некоторые дефекты, проблемы правоприменения и направления совершенствования // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 4-7.

121. Беспалов, Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11-15.
122. Беспалов, Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2020.
123. Боднарчук, О. Постановление Европейского суда по делу «А.М. и другие против Российской Федерации» от 6 июля 2021 г., жалоба № 47220/19 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 9.
124. Борисова, Л.В. Защита прав граждан от насилия в семье: поиск оптимального соотношения частных и публичных интересов // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 3-6.
125. Бородина, В.Н. Роль детско-родительских отношений в возникновении кибербуллинга // МНКО. 2023. № 1 (98). С. 138-141.
126. Бочкарев, А.Е. Осуществление родительских прав лицами, содержащимися под стражей // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 21-23.
127. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 416 с.
128. Вавилин, Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.
129. Вавилин, Е.В., Кондрашова, М.А. Семейное право на рубеже XX - XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции / И.Ф. Александров, О.С. Алферова, З.А. Ахметьянова и др.; отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011. 446 с.
130. Васильчикова, Н.А. Полномочия прокурора в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2018. № 6. С. 48-52.
131. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008.
132. Войнилова, И.Г. Правовое положение незаконнорожденных лиц в период систематизации права в России 1649 - 1833 гг. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 10-17.

133. Волосова, Н.Ю., Баловнева В.И. Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект // Административное право и процесс. 2021. № 4. С. 51-53.

134. Волосова, Н.Ю., Журкина О.В., Филиппова Е.О. Проблема семейного (домашнего) насилия в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией: вопросы профилактики // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 49 - 51.

135. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин // Москва, 1972.

136. Воронина, И.А., Криволапова, Л.В., Саблин, Д.А. Юридическая ответственность в гражданском обществе // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 192-195.

137. Воронина, Т.Д. Развод как социальный феномен в современной России: причины // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13).

138. Гадиятова, М.В. Проблемы участия прокурора в защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 4А. С. 228-235.

139. Галлямов, Н.А. Детство без жестокости и насилия: защита и помощь // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 3. С. 13-16.

140. Герасименко, Ю.В., Банщикова, С.Л. Обследование семейно-бытовых условий жизни несовершеннолетнего как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 50-53.

141. Горюнов, В. Е., Карнакова, А. Г. Роль прокуратуры Российской Федерации в осуществлении надзора за соблюдением прав и законных интересов несовершеннолетних // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. №2 (21). С. 55-60.

142. Гривков, О.Д., Шичанин, А.В. Правовые проблемы оспоримости завещания // Наследственное право. 2020. № 3. С. 28 - 31; № 4. С. 24-28.

143. Гринь, Е.А., Хрипков, И.И. Участие прокурора в защите прав несовершеннолетних в гражданском судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2019. №9 (177). С. 130-133.

144. Гришаев, С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (2-е издание, переработанное и дополненное) // СПС Гарант.

145. Грозин, С.Ю., Коршунов, А.В., Маринов, А.А. Сущностные особенности юридической ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 60-62.

146. Гусева, В.А. Проблемы применения ограничения родительских прав как семейно-правовой санкции // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10.

147. Детство - территория безопасности. Сборник материалов конференции. Московский городской педагогический университет. Саратов, 2022. С. 371-374.

148. Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних, проживающих в семьях, находящихся в социально опасном положении: Монография / А.В. Гришин и др.; Рук. авт. кол. А.В. Гришин. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. Москва, 2014.

149. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. Н.А. Голованова. М., 2011.

150. Евстифеев, Д.М. Конституционный долг личности в законодательстве и судебной практике // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 30-34.

151. Елисеева, А.А. Вопросы теории семейно-правовой ответственности // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Международная науч.-практ. конференция / Отв. ред. О.Ю. Ильина. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. С. 67-71.

152. Емелина, Л.А. Особенности семейных отношений в современном мире как фактор трансформации семейного законодательства // Юрист ВУЗа. 2009. № 5.

153. Емелина, Л.А. Права и законные интересы несовершеннолетних: историко-правовые аспекты // Детство - территория безопасности сборник

материалов конференции. Московский городской педагогический университет. Саратов, 2022. С. 371-374.

154. Емелина, Л.А. Правовые основы защиты прав детей в Российской Федерации // Человек и закон. 2008. № 1.

155. Емелина, Л.А. Социально-правовые проблемы выбора форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей // Нравственные императивы в праве. 2011. № 5(15). С. 58-63.

156. Емелина, Л.А., Лебедь М.В. Право ребенка на общение с отдельно проживающим после расторжения брака родителем // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 6-10.

157. Ендольцева, А.В. Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? // Мировой судья. 2020. № 10. С. 14-18.

158. Жирикова, К.А., Саядян, С.Г. К вопросу о практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка / К.А. Жирикова, С.Г. Саядян // Российская юстиция. 2018. № 6.

159. Зайцев, В.В., Рыбаков, В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11-13.

160. Зайцев, В.В., Рыбаков, В.А. О науке гражданского права: методологические и доктринальные аспекты // Вестник СГЮА. 2016. №4 (111). С. 58-65.

161. Звенигородская, Н.Ф. Семейное правонарушение как основание семейно-правовой ответственности / Н.Ф. Звенигородская // Российский судья. 2010. № 12.

162. Зыков, С.В. О выражении в законодательстве исключительного характера применения лишения родительских прав в качестве меры семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 9-11.

163. Зыков, С.В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 92-102.

164. Зыков, С.В. Родительские права отца: эволюция в отечественном праве // Семейное и жилищное право. 2022. № 1. С. 7 -10.
165. Зыков, С.В. Российское отцовство: «поражение в правах» // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 47-60.
166. Ибрянова, Г. Лишение родительских прав // Адвокатская газета. № 13, 14. 2019.
167. Ильина, О.Ю. Наличие ребенка как предпосылка злоупотребления правом членами семьи // Права ребенка в Российской Федерации: законодательство, правоприменительная практика, российская наука: Материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 74-79.
168. Ильина, О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18-21.
169. Иоффе, О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та. 1955.
170. Иохим, В.А. Семейное право как инструмент борьбы против домашнего насилия // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 11-17.
171. Исаенко, А.С. Развитие правового института защиты семьи в российском законодательстве // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 120-124.
172. История государства и права России: Учебник / Под ред. Ю.П. Титова. М.: ТК Велби, 2004.
173. Казарина, А.Х. Общий надзор: возможности и пределы // Законность. 2003. № 7.
174. Каймакова, Е.В. Актуальные вопросы лишения и ограничения родительских прав в семейном законодательстве: теоретические и практические аспекты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2012. № 1. Ч. 1. С. 76-77.
175. Кантемирова З.Э. Механизм защиты прав ребенка в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №2.

176. Капитова, О.В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации: Монография. 2010.

177. Карибян, С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение: монография / С.О. Карибян // М.: Юстицинформ, 2018.

178. Касаткина, А.Ю. Конфликт интересов по семейному законодательству и его последствия // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 9-11.

179. Кислицын, Г.А. Особенности правового регулирования института материнства и детства в РФ // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 126-130.

180. Клабуков, И.С. Соотношение принципов гражданского процессуального права и процессуального статуса прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 41-46.

181. Кодификация российского частного права 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгалов и др.; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2019.

182. Колоткина, О.А., Ягофарова, И.Д. Комплексная безопасность детей – новый вид национальной безопасности в системе стратегического планирования // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 27. С. 450-457.

183. Комиссарова, Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 2. С. 208-238.

184. Комиссарова, Е.Г., Краснова, Т.В. Право ребенка на семейное воспитание: регулятивный аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 4. С. 672-697.

185. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.М. Нечаева. 3-е изд. М.: Юрайт, 2011.

186. Конституционный статус личности в СССР / Б. Н. Топорнин, Л. Д. Воеводин, В. С. Шевцов и др.; Редкол.: Н. В. Витрук и др. – Москва: Юрид. лит., 1980.

187. Королев, Г. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи как приоритетное направление деятельности

современной прокуратуры / Г. Н. Королев // Сборник трудов конференции «Социально-правовая защита детства как приоритетное направление государственной политики». Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2018. С. 291-297.

188. Король, И.Г. Обязанности родителей в отношении своих детей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6 (222). С. 229-231.

189. Косова, О.Ю. Разлучение родителей и детей в аспекте реализации права на воспитание // Lex Russica. 2023. № 8 (201). С. 22-32.

190. Кострова, Н.М. Судебная защита семейных прав: процессуальный аспект // Проблемы гражданского, семейного и жилищного законодательства: Сборник статей / отв. ред. В.Н. Литовкин. М.: ОАО Издательский дом Городец, 2005. С. 142-153.

191. Кострова, Н.М. Участники процесса в судопроизводстве по семейным делам // Советская юстиция. 1980. № 19.

192. Котлярова, В.В. К вопросу о доказывании по делам о лишении родительских прав // Мировой судья. 2021. № 10. С. 33-37.

193. Краснякова, Ю.В. Психологические особенности участия прокурора по делам о лишении родительских прав // Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского. 2010. С. 201-205.

194. Крашенинников, П.В. Наследственное право. М.: Статут, 2016. С. 207

195. Крашенинников, П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс // Семейное и жилищное право. 2017. № 1.

196. Кузнецова, С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1(57).

197. Ладочкина, Л.В. Лишение и восстановление родительских прав // Вестник Самарской юридической академии. 2014. № 3 (98). С. 91-94.

198. Лазарев, В.В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 5-16.
199. Лапина, К.В. Основания ограничения родительских прав лиц, осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 4. С. 26-30.
200. Левушкин, А.Н. Генезис истории института лишения родительских прав // История государства и права. 2011. № 14. С. 18-21.
201. Левушкин, А.Н. История развития института прав и обязанностей родителей и детей в России // Семейное и жилищное право. 2012. № 6. С. 14-18.
202. Левушкин, А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 55-57.
203. Левченко, Е.В. Становление принципов семейного права в контексте истории и теории Российского государства: системно-функциональный аспект // История государства и права. 2014. № 21. С. 32-36.
204. Леканова, Е.Е. Теоретические и правоприменительные аспекты лишения и ограничения родительских прав // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 103 - 110.
205. Ленковская, Р.Р., Шиловская, А.Л. Опекa как форма защиты прав ребенка // Социально-политические науки. 2017. № 6.
206. Летова, Н.В. Право ребенка на воспитание в семье: проблемы реализации и защиты // Социально-политические науки. 2022. № 4. С. 121-128.
207. Лиджиева, С.Г. Восстановление наследственных прав по российскому гражданскому законодательству // Адвокат. 2016. № 4. С. 49-53.
208. Липинский, Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6.
209. Лысова, А.З. Гражданско-процессуальные особенности рассмотрения дел о лишении родительских прав. Тверь, 2002.
210. Лысова, А.З. История развития института лишения родительских прав в России // Ученые записки МГПИ. Вып. 3. Мурманск: МГПИ, 2002.

211. Мардахаев, Л.В. Семейное воспитание: проблемы и особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 13(342). С. 173-178.

212. Маркова, Я. Анализ официальной риторики противников принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Логико-философские штудии. 2019. Т. 17. № 3. С. 240-256.

213. Мартыненко, Н.Э., Мартыненко, Э.В. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. 2018. № 5. С. 60-63.

214. Матвеева, Н.А. Юридическая ответственность родителей за злоупотребление своими правами и неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей // Семейное и жилищное право. 2022. № 2. С. 16-20.

215. Матвеева, Н.А., Воеводина, А.И. Может ли участие в митинге рассматриваться как основание лишения родительских прав? // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 7-10.

216. Миролубова, О.Г. О семейно-правовом понятии «интересы ребенка» // Вестник ЯрГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 4/1. С. 57-58.

217. Михайлов, А.И. О трудовой правосубъектности медицинских и фармацевтических работников // Вестник Моск. ун-та. Сер. XII. Право. 1972. № 3. С. 67-68.

218. Михайлова, И.А. Согласование сделок несовершеннолетних лиц: практические и теоретические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 1. С. 8-13.

219. Михайлович, И. Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2.

220. Михеева, Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16-24.

221. Морхат, П.М. Привлекать или не привлекать органы опеки и попечительства при введении процедуры реструктуризации долга или реализации имущества должника? // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 3. С. 63-71.

222. Мотрович, И.Д. Семейно-бытовое насилие: современное состояние и место участкового уполномоченного полиции в противодействии ему // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 64-76.

223. Муратова, С.А. Семейное право: учебник для студентов высших учебных заведений / С.А. Муратова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

224. Муратова, С.А. Семейное право: Учебное пособие. М.: Юриспруденция, 2001.

225. Муратова, С.А., Костюченко, Е.Ю. Современные подходы к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6.

226. Муртазина, Г.М. Правовые проблемы института недостойных наследников // Юрист. 2012. № 21. С. 18-21.

227. Надин, И.Н. Проблемы судопроизводства по делам о расторжении брака при наличии споров о детях // Журнал российского права. 2022. № 8. С. 135-147.

228. Насонов, Ю.Г., Выскуб, Ю.С. Участие прокурора в гражданском процессе с правовых позиций Европейского суда по правам человека // Вестник Академии ГП РФ. 2014. № 4. С. 52-57.

229. Несмеянова, И.А. К вопросу о принципах семейного права // Legal Bulletin. 2023. № 1. С. 32-39.

230. Нечаева, А.М. Защита интересов ребенка в многодетной семье // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2012. № 6.

231. Нечаева, А.М. Особенности судебной защиты семейных прав ребенка // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 14-17.

232. Нечаева, А.М. Семейное право. М.: Юрист, 2008.

233. Низамиева, О.Н. К вопросу о правовой природе неустойки, взыскиваемой за ненадлежащее исполнение алиментных обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 2. С. 221-222.

234. Николаева, Ю.В., Гримальская, С.А. Новая редакция ст. 116 УК РФ: за и против // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы XIV Международной научно-практической конференции: сб. науч. ст. М., 2017. С. 322-324.

235. Новоселов, В.И. Правовое положение граждан в советском государственном управлении // Изд-во Сарат. ун-та, 1976.

236. Нудненко, Л.А. Тенденции развития конституционных прав и свобод личности на современном этапе развития Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 52-55.

237. Огнева, Н.И. Отстранение от наследования граждан: гражданско-процессуальный аспект // Наследственное право. 2016. № 3. С. 23-26.

238. Осипова, Т.В., Почивалова, Ж.Г., Коляда, О.В. Актуальность проблемы прав ребенка и его защиты // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2018. № 4. С. 6-13.

239. Отечественное законодательство XI - XX веков: Пособие для семинаров / Под ред. проф. О.И. Чистякова. М.: Юрист, 2004.

240. Павлова, Л.В. О совершенствовании координации и взаимодействия субъектов в сфере защиты прав ребенка // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 19 - 22.

241. Полянский, П.Л. К вопросу об обязанности родителей воспитывать детей в XVIII - XIX веках // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1. С. 6 - 7.

242. Поповкин, Н.А. Отстранение от наследования недостойных наследников // Нотариус. 2022. № 1. С. 32 - 39.

243. Пчелинцева, Л.М. Комментарий к Семейному кодексу РФ. М.: Норма, 2009.

244. Рабец, А.М. Проблемы практического применения теории «правового и индивидуального регулирования» в семейном праве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 18-21.

245. Рабец, А.М. Проблемы реализации права несовершеннолетнего на достойную жизнь по действующему наследственному законодательству РФ // Наследственное право. 2019. № 1. С. 16-19.

246. Рабец, А.М. Проблемы укрепления нравственных начал в нормах о личных неимущественных правах и обязанностях родителей и детей // Научные труды РАЮН. 2003. № 3. Т. 2. С. 162-163.

247. Рабец, А.М. У истоков формирования и развития современной теории семейного права // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 22-25.

248. Рамонов, Д.И. Особенности ответственности в виде ограничения родительских прав лиц, осужденных к лишению свободы, за ненадлежащее исполнение родительских обязанностей // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы. Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самарский юридический институт ФСИН России. 2014. С. 182-185.

249. Рузанова, В.Д., Рузанова, Е.В. Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей // Власть Закона. 2018. № 3. С. 69-77.

250. Рыбаков, В.А. Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты): монография. - М.: Статут. 2015.

251. Рыженков, А.Я. О доктринальных принципах семейного права (на примере принципа ответственности за нарушение норм семейного законодательства) // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2021. № 2. С. 169-177.

252. Рымкевич, Я.А. Юридическая ответственность в цифровом пространстве // Образование и право. 2023. № 7. С. 436-440.

253. Рясенцев, В.А. Вопросы семейного права в практике Верховного Суда СССР // Высший судебный орган СССР / С.И. Гусев, В.М. Савицкий, Е.А.

Смоленцев, Х.Б. Шейнин; Под ред. Л.Н. Смирнова. М.: Юридическая литература, 1984.

254. Сабитова, Э.Н. Понятие, способы и формы защиты семейных прав: теоретические аспекты / Э.Н. Сабитова // Семейное и жилищное право. 2017. № 6.

255. Свирин, Ю.А. Некоторые вопросы установления родственных отношений // Современное право. 2022. № 11. С. 122-126.

256. Селюков, А.Д. Финансово-правовые механизмы государственного управления / А.Д. Селюков // Финансовое право. 2010. № 7.

257. Семейное право на рубеже XX - XXI веков: к 20-летию Конвенции ООН о правах ребенка: Материалы Международной научно-практической конференции / И.Ф. Александров, О.С. Алферова, З.А. Ахметьянова и др.; отв. ред. О.Н. Низамиева. М.: Статут, 2011.

258. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019.

259. Семейное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Ю.Ф. Беспалова, О.А. Егоровой, О.Ю. Ильиной. С. 257-258.

260. Серков, П.П. О понятии юридической ответственности / П.П. Серков // Журнал российского права. 2010. № 8.

261. Смирновская, С.И. К вопросу об ответственности родителей по семейному законодательству России и Франции // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 6-9.

262. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: монография / О.Н. Коршунова, В.В. Лавров, Е.Л. Никитин и др. Москва: РУСАЙНС, 2019.

263. Старосельцева, М.М. О принципах осуществления родительских прав // Современное право. 2008. № 11. С. 36-38.

264. Старцева, С.В. Социально-правовая защита детей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5 (181). С. 154-159.

265. Степаненко, Р.Ф., Хамидуллина, Ф.И., Якушев, П.А. Семейное право России и государств Европы: учебник. – Москва: Проспект. 2023.
266. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н.А. Стручков // Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
267. Сустина, Т.И. Интересы несовершеннолетних в информационно-правовых отношениях и состояние их информационной безопасности // Образование и право. 2023. № 7. С. 423-425.
268. Суханов, Е.А. Российское гражданское право. В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник. Т. 1. М.: Статут, 2016.
269. Тагаева С.Н. Правовая природа семейно-правовой ответственности // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 3 (9).
270. Тарусина, Н.Н. Брак по российскому семейному праву: Учебное пособие. Ярославль: Издательство ЯрГУ, 2007.
271. Тарусина, Н.Н. Несколько тезисов о праве ребенка на выражение мнения // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 2(44). С. 49-53.
272. Татаринцева, Е.А. Преимущественные права в правоотношениях по воспитанию ребенка в семье // Актуальные проблемы российского права. № 5. 2017.
273. Титова, А.В., Титов, В.Д. К вопросу о реализации полномочий прокуратуры РФ по защите прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке вне уголовно-правовой сферы // Закон и власть. 2023. № 2. С. 86-90.
274. Титор, С.Е. Международные принципы защиты детей от деструктивной информации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 195-199.
275. Толстой, Ю.К., Сергеев, А.П. Гражданское право: Учебник. В 3 ч. М.: Проспект, 2002.
276. Трофимец, И.А. Институт брака как правовой и социальный институт // Нотариус. 2010. № 6.

277. Ульянова, М.В. Осуществление и защита прав нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 20-25.

278. Ульянова, М.В. Право ребенка на образование и право родителя на выбор образовательной организации в период цифровизации среды // Современный юрист. 2022. № 2. С. 55-66.

279. Ульянова, М.В. Реализация жилищных и семейных прав ребенка с тяжелой формой хронического заболевания // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 40-44.

280. Ульянова, М.В. Юридическая ответственность в сфере семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 31-35.

281. Фарафонтова Д.С. Отдельные направления совершенствования институтов ограничения и лишения родительских прав //Право и управление. - № 10 – 2023. – С. 88-92.

282. Филинова, Н.В., Толстова, И.А., Матвеев, П.А., Викторов, В.Ю. Оспаривание завещания как разновидность недобросовестного поведения наследников // Нотариус. 2021. № 4. С. 34-37.

283. Филиппов, П.М., Джумагазиева, Г.С. Права детей и их охрана: Монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011.

284. Хабарова, А.Ю. Защита прав ребенка в международном праве // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 239-244.

285. Ханзафарова, Г.Р. Развитие нормативного регулирования процедуры отобрания ребенка из семьи как меры его защиты // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 79-82.

286. Хатуев, В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex russica. 2019. № 1. С. 83-96.

287. Химиченко, В. Побои в семье - анализ споров // Административное право. 2020. № 2. С. 101-106.

288. Ходусов, А.А. О механизме защиты прав детей // Современное право. 2018. № 3. С. 47-51.

289. Ходырева, Е.А. Право наследования в гражданском праве России: монография. Москва: Статут, 2022.

290. Цечоев, В. К. Теория государства и права: учебник / В. К. Цечоев, А. Р. Швандеров // Москва: Прометей. 2017.

291. Чеснокова, Ю.В. Проблемные аспекты реализации права родителей на воспитание детей // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 267-269.

292. Шафигулина, С.Р. Ответственность за преступления и проступки по службе по законодательству Российской империи второй половины XIX века // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 57-60.

293. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911.

294. Шиманчик, К.В. К вопросу о лишении родительских прав как крайней мере семейно-правовой ответственности // Семейное и жилищное право. 2020. № 2. С. 26-29.

295. Якушев, П.А. Выявление мнения ребенка в спорах о воспитании детей: некоторые ценностно-теоретические и практические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 12А. С. 89-97.

296. Якушев, П.А. Изъятие ребенка из семьи без судебного постановления в контексте приоритета семейного воспитания ребенка как традиционной и правовой ценности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 17-20.

297. Якушев, П.А. Лишение родительских прав и традиционные семейные ценности: процессуальные аспекты гармонизации // Вестник гражданского процесса. 2017. Т. 7. № 5. С. 283-292.

298. Якушев, П.А. Резолютивная часть решения суда по спорам о воспитании детей как квинтэссенция выводов о наилучших интересах ребенка // Судья. 2019. № 10. С. 12-19.

299. Якушев, П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018.

300. Якушев, П.А. Участие органов опеки и попечительства в спорах о воспитании детей: процессуальная формальность или реальная защита прав ребенка / Юридическая и правоохранительная практика. 2018. С. 23-30.

301. Яушева, А.Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 83-84.

IV. Диссертации и авторефераты

302. Артебякина, Н.А. Теоретические и практические проблемы института лиц, участвующих в деле: дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

303. Арутюнян, А. С. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о несовершеннолетних: проблемы теории и практики: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2012.

304. Бахарева, О.А. Субъекты, защищающие от своего имени права других лиц в гражданском судопроизводстве (на примере участия органов местного самоуправления): дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

305. Джандосова, Е.В. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006.

306. Евстифеева, Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.

307. Кулакова, В.Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2001.

308. Мардахаева, П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: дис. канд. юрид. наук. М., 2005.

309. Морозова, Р.В. Правовые и организационные основы защиты прав несовершеннолетних в деятельности милиции общественной безопасности: дис. канд. юрид. наук. М. 2001.

310. Сидорова, С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.

311. Смирновская, С.И. Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации: дис. канд. юрид. наук. М., 2007.

312. Табак, И.А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2006.

313. Турусова, О.С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2011.

314. Цуканова, В.И. Особенности судопроизводства по делам о лишении родительских прав: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2012.

315. Шерстнева, Н.С. Принципы Российского семейного права: дис. д-ра юрид. наук. М., 2007.

V. Электронные ресурсы

V.1. Нормативные правовые акты

316. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 года) [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 10.06.2022).

317. Германское гражданское уложение (принято в 1896 г.); Burgerliches Gesetzbuch (BGB) [Электронный ресурс] URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb> (дата обращения: 15.06.2022).

318. Конституция Португальской Республики от 02.04.1976 [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/portugal.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

319. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23.05.1949 [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

320. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 [Электронный ресурс] URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 15.09.2022).

321. Конституция Республики Болгарии от 12.07.1991 [Электронный ресурс] URL: <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/bulgaria.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

322. Конституция Республики Польши от 02.04.1997 [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

323. Конституция Республики Словения от 23.12.1991 [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovenia.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

324. Конституция Сербии от 30.09.2006 [Электронный ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=369> (дата обращения: 15.09.2022).

325. Конституция Словацкой Республики от 01.09.1992 [Электронный ресурс] URL: <https://legalns.com/download/books/cons/slovakia.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).

326. Порядок проведения обследования условий жизни несовершеннолетних граждан и их семей, утвержден приказом Минпросвещения России от 10.01.2019 № 4 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2022).

327. Административный регламент по исполнению государственной функции «Принятие мер по защите прав и законных интересов ребенка при получении сведений об их нарушении, об угрозе жизни или здоровью»

[Электронный ресурс] URL: http://www.sirodstvo.ru/files/5164/Stand_2.pdf (дата обращения: 20.10.2022)

328. Свод законов Чешской Республики [Электронный ресурс] URL: https://anesro.com/download/zakon/89-2012_Sb.pdf (дата обращения: 10.10.2022).

329. Семейный кодекс Республики Молдова от 26.10.2000 № 1316-XIV [Электронный ресурс] URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30398164 (дата обращения: 20.06.2022).

330. Семейный кодекс Республики Сербия от 18.02.2005 [Электронный ресурс] URL: https://www.paragraf.rs/propisi/porodicni_zakon.html (дата обращения: 20.06.2022).

331. Хартия об основных правах и свободах Чешской Республики от 16.12.1992 [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7330> (дата обращения: 15.09.2022).

V.2. Правоприменительная практика

332. Дело № 33-46028/2019 (02-3930/2019), рассмотренное Лефортовским районным судом и Московским городским судом [Электронный ресурс] URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/ca132f1d-f5f3-4153-97b7-06dc5a33710f> (дата обращения: 10.10.2022).

333. Приговор Свердловского районного суда г. Перми (Пермский край) от 15.05.2018 по делу № 1-166/2018 URL: sudact.ru/regular/doc/6cdv8dX0Ar6T/ (дата обращения: 15.11.2022).

334. Решение Березовского районного суда (ХМАО) от 03.02.2020 по делу № 2-31/2020 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/TGNlIg6gbq6xw/ (дата обращения: 15.11.2022).

335. Решение Березовского районного суда (ХМАО) от 28.05.2020 по делу № 2-223/2020 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/Ic0Zkb5U61YO/ (дата обращения: 15.11.2022).

336. Решение Железноводского городского суда (Ставропольский край) от 27.06.2016 по делу № 2-787/2016 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/3C4t2eRSpaV1/ (дата обращения: 15.11.2022).

337. Решение Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 10.07.2019 г. по делу № 2-900/2019 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/HRIAoQMVqp1T/ (дата обращения: 15.11.2022).

338. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 12.09.2019 по делу № 2-3760/2019 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/5TNqLQbtOiYM/ (дата обращения: 15.11.2022).

339. Решение Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 06.10.2016 по делу № 2-6055/2016 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/FHS1ScBeCmdu/ (дата обращения: 15.11.2022).

340. Решение Красноармейского районного суда г. Волгограда от 25.10.2016 по делу № 2-4176/2016 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/oe5qDzoKdjop/ (дата обращения: 15.11.2022).

341. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока (Приморский край) от 19.04.2019 по делу № 2-1367/2019 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/HofHZsPdGK5n/ (дата обращения: 15.11.2022).

342. Решение Правобережного районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) от 11.07.2016 по делу № 2-2341/2016 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/X5CE1Non4MLT/ (дата обращения: 15.11.2022).

343. Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 06.08.2013 по делу № 2-3773/2013 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/GDqIZTADQ1UR/ (дата обращения: 15.11.2022).

344. Решение Промышленного районного суда г. Самары от 07.02.2020 по делу № 2100/2020 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/XxuAt035AiLv/ (дата обращения: 15.11.2022).

345. Решение Томпонского районного суда Республики Саха от 26.05.2020 по делу № 2А-М40/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1KtsJ8bmswZv/> (дата обращения: 10.10.2022).

346. Решение Тындинского районного суда (Амурская область) от 03.12.2019 по делу № 2-1430/2019 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/e2kt44LIpDQd/ (дата обращения: 15.11.2022).

347. Решение Уссурийского районного суда от 24.05.2016 по делу № 2-4509/2016 // Судебные и нормативные акты (Электронный ресурс). URL: sudact.ru/regular/doc/ktuo7405bdHw (дата обращения: 15.11.2022).

348. Решение Центрального районного суда г. Комсомольска-на-Амуре (Хабаровский край) от 03.02.2020 по делу № 2-328/2020 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/U6v1pHRcbFH5/ (дата обращения: 15.11.2022).

349. Решение Шарыповского городского суда (Красноярский край) от 13.07.2021 по делу № 2-504/2021 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/x20qIeY5EGL0/ (дата обращения: 15.11.2022).

350. Решение Эхирит-Булагатского районного суда (Иркутская область) от 11.07.2013 по делу № 2-275/2013 [Электронный ресурс] URL: sudact.ru/regular/doc/immgRlnxPdNq/ (дата обращения: 15.11.2022).

V.3. Иные электронные ресурсы

351. Адвокату удалось пресечь попытку лишения родительских прав за нахождение на митинге с детьми [Электронный ресурс] URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatu-udalos-presech-popytku-lisheniya-roditelskikh-prav-za-nakhozhdenie-na-mitinge-s-detmi/> (дата обращения: 10.10.2022).

352. Величина прожиточного минимума за I квартал 2020 года // Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] URL: <https://deptrud.admhmao.ru/prozhitochnyy-minimum-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/velichina-prozhitochnogo-minimuma-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/2020-god/> (дата обращения: 15.11.2022).

353. Законопроект о профилактике семейно-бытового насилия № 1183390-6 [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 13.10.2022).

354. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра // МКБ-10, онлайн версия [Электронный ресурс] URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4001> (дата обращения: 15.11.2022).

355. Методические рекомендации для педагогических работников образовательных учреждений Санкт-Петербурга «Методика (алгоритм) выявления случаев жестокого обращения с детьми и оказания помощи детям и подросткам, пострадавшим от жестокого обращения в образовательном учреждении» [Электронный ресурс] URL: https://kobr.spb.ru/media/uploads/userfiles/old_files/765/3.pdf (дата обращения: 20.10.2022).

356. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/62582> (дата обращения: 15.11.2022)

357. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия [Электронный ресурс] URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 13.10.2022).

358. Родители, более 6 лет не забиравшие дочь из роддома, лишены родительских прав [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/01/17/roditeli-bolee-6-let-ne-zabiravshie-doch-iz-roddoma-lisheny-roditelskih-prav.html> (дата обращения: 15.11.2022).

359. Спирина Т.П. Становление и развитие института лишения родительских прав в российском законодательстве // Интернет-журнал «Студиум». № 2 (7) 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sarki.ru/studium/publ2/spirina.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).

360. Суд лишил прав родителей девочки, пять лет жившей в перинатальном центре [Электронный ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/moscow/815885> (дата обращения: 10.10.2022).